

Г. МАТВЕЕВ
ТАРАНТУЛ

Annotation

В повести «Гарантул» рассказывается, как ленинградские подростки — Миша Алексеев и его приятели — помогли советским контрразведчикам выловить группу фашистских агентов, действовавших в Ленинграде во время войны.

- [Герман Матвеев.](#)
 - [1. СТРАННАЯ НАХОДКА](#)
 - [2. НА СУДНЕ](#)
 - [3. ПОИСКИ СЛЕДОВ](#)
 - [4. ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ](#)
 - [5. ВЕЧЕР НЕОЖИДАННОСТЕЙ](#)
 - [6. РАЗГОВОР В ТЕМНОТЕ](#)
 - [7. ЛЮСИНО СЧАСТЬЕ](#)
 - [8. НА РЫНКЕ](#)
 - [9. ПРОТИВОГАЗЫ](#)
 - [10. НА КВАРТИРЕ У СТАРУШКИ](#)
 - [11. ЗНАКОМСТВО С ВОРАМИ](#)
 - [12. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА](#)
 - [13. СЕКРЕТ АММИАКА](#)
 - [14. ТАЙНА ПРОТИВОГАЗА](#)
 - [15. ОПЕРАТИВНАЯ ЗАДАЧА](#)
 - [16. У ВОРОВ](#)
 - [17. ПЕРВЫЙ ШАГ](#)
 - [18. ПИСЬМО](#)
 - [19. ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ](#)
 - [20. У ГОРСКОГО](#)
 - [21. СОБЫТИЯ НАРАСТАЮТ](#)
 - [22. МИНА ЗАРЯЖЕНА](#)
 - [23. ВЗРЫВ](#)
 - [24. КРАСНАЯ ПОЛОСКА](#)
-

Герман Матвеев.
Тайная схватка.

1. СТРАННАЯ НАХОДКА

Трамвай переехал мост и затормозил на остановке. В наступившей тишине пассажиры услышали далёкий пушечный выстрел, вслед за ним свист и сильный удар. Второй... Третий... Сидевшие в вагоне девушки переглянулись, а пожилая женщина медленно согнулась и закрыла лицо руками.

— Катя, закройся! Ударит рядом — стёклами глаза попортит, — сказала она дочери, сидевшей напротив.

Где-то недалеко от остановки уличный репродуктор передавал пение. После третьего разрыва он поперхнулся, и вместо женского сопрано раздался мужской голос:

— Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улице прекратить! Населению укрыться!

Новый снаряд ударил совсем близко. Трамвай, точно в испуге, рванулся с места и полным ходом пошёл вперёд.

— Ой, девочки, мне осколок в карман прилетел! — пошутила Катя.

Анна Васильевна строго взглянула на дочь.

— Со смертью не шутят, Катя, — сказала она и снова закрыла лицо руками.

Трамвай без остановок дошёл до Песочной улицы. Здесь был уже другой район и радио по-прежнему передавало музыку. Разрывы сюда доносились глухо и скоро совсем прекратились. В ответ заговорили другие пушки.

— Это наши?

— Наши. Засекли, наверное.

Анна Васильевна выпрямилась и стала смотреть в окно. Какой это был оживлённый и людный проспект перед войной! А сейчас... Три пассажира неторопливо вошли в вагон. По тротуару проходили одинокие пешеходы. После страшной зимы 1941/42 года, похоронив погибших от голода, отослав на Большую землю женщин с детьми, стариков, инвалидов, Ленинград стал малолюдным, но более организованным. Город готовился к решительной схватке.

Анна Васильевна ехала со своей бригадой на окраину города разбирать на дрова деревянный дом. На конечной остановке все вышли и направились по дороге к заливу. Навстречу изредка попадались нагруженные вещами или досками и брёвнами грузовики. На досках сидели перепачканные извёсткой женщины. Доски были оклеены обоями всевозможных цветов.

Навстречу этим машинам группами шли люди с ломами, пилами и топорами.

Начинался второй год блокады, и Ленинград запасался топливом.

На повороте Анна Васильевна услышала звуки рояля. Кто-то неумело и наспех сыграл «чижика», затем провёл пальцем по всем клавишам, от самой низкой до самой высокой ноты. Через несколько секунд «музыкант» снова перебрал все клавиши, но уже в обратном

порядке. Свернув за угол, Анна Васильевна увидела в нескольких шагах от дороги пианино, выставленное из разломанного дома, и редкий пешеход удерживался от того, чтобы не свернуть в сторону и на ходу не провести пальцем по всем клавишам.

Многие дома были уже сломаны. Бесхозные вещи аккуратно складывались тут же, около дороги. Книжки, кастрюльки, рваная обувь, ведра, фотокарточки, чернильницы, бутылки, примуса, лампы, картины... чего-чего только тут не было!

В конце улицы бригаду встретил управхоз. Проверив ордер, он указал на высокий дом с мезонином.

— Вот этот. Вы, девушки, железо на крыше не очень рвите. Железо новое, ещё понадобится.

— Железо нам не нужно, не увезём. А там никто не живёт? — спросила Анна Васильевна.

— В доме никого нет. А вещички выставляйте поаккуратнее и поближе к дороге. Удобнее будет грузить. Все надо сохранить, — продолжал свои наставления управхоз. Он снял фуражку, почесал за ухом и горько добавил: — Все мои домики скоро растащат, одни печки останутся... Одно название, что управхоз.

Бригада направилась к дому. Солнце поднялось уже высоко. До прихода машины нужно было успеть наломать дров, а ещё ничего не было сделано. Обошли дом кругом. Обе двери были заколочены поперёк досками. Пока двое возились с парадной дверью, Катя подошла к чёрному ходу, поднялась на крыльцо, ухватилась за доску и что было силы рванула её на себя. Доска казалась прибитой, но отскочила так легко, что девушка свалилась с крыльца.

В доме стояли хорошие вещи. Стол, шкаф, буфет, стулья из тёмного дуба. Кровать никелированная. На стенах висели гравюры под стеклом.

Открыв шкаф, Катя увидела висевший там мужской макинтош. В карманах она нашла паспорт, записную книжку и стеклянную ампулу с прозрачными кристаллами. Девушка передала находку матери.

— Совсем ещё молодой, — сказала она, разглядывая фотокарточку на паспорте. — Наверно, умер.

— Надо управхозу отдать. Все-таки документы.

Анна Васильевна перелистала записную книжку, надеясь найти какие-нибудь записки, но книжка была новая, с совершенно чистыми

страницами. Она бросила её на подоконник, паспорт спрятала в карман, а ампулу с кристаллами сунула обратно в макинтош.

Работа закипела. Вещи аккуратно выносили из дома и ставили их, как просил управхоз, у самой дороги. Через час с вещами покончили, и девушки полезли на крышу.

Анна Васильевна ещё раз обошла пустые комнаты, чтобы проверить, не осталось ли там чего-нибудь ценного. Проходя мимо окна, она случайно взглянула на брошенную записную книжку и, к своему удивлению, заметила, что на открытых страницах появились какие-то буквы. Они едва наметились, и прочитать слова было трудно.

— Катя! — крикнула она. — Поди сюда!

Когда девушка вошла, Анна Васильевна показала ей книжку.

— Тут что-нибудь было написано?

— Нет. Книжка новая.

— Посмотри-ка...

Девушка долго разглядывала страницу, на которой появились таинственные буквы. Неожиданная догадка мелькнула у неё в голове.

— Книжка лежала здесь, на подоконнике?

— Да.

— Это, наверно, от солнца.

— Что от солнца? — переспросила мать.

— Это особыми чернилами написано, которые на свету проявляются. Как фотобумага. Выйдем-ка на улицу...

Они вышли из дома и направились к вещам, сложенным у дороги. Здесь Катя расправила страницу, перегнула корешок, чтобы книжка не закрылась, и положила её на освещённый солнцем стол.

— Пускай полежит. Посмотрим, что будет потом.

Самым трудным было снять железо с крыши. Дальше дело пошло лучше. Девушки вошли в азарт. Доски одна за другой летели вниз, сопровождаемые весёлыми криками.

К пяти часам, когда пришёл грузовик, половина дома была уже разобрана.

Анна Васильевна сильно устала и решила отдохнуть, пока бригада занималась погрузкой машины. Подойдя к выставленным вещам, она вспомнила про записную книжку. Стол, на котором та лежала, был уже в тени, но буквы успели выступить. Теперь они были уже значительно отчётливее и темнее, и Анне Васильевне удалось

прочитать в конце слово «аммиак», а выше — цифры «3X18». Что означали эти цифры и какое к ним имел отношение аммиак, она, конечно, не поняла, но сильно встревожилась. Спрятав книжку в карман, где лежал найденный паспорт, она подозвала дочь.

— Катя, где эта трубочка, которая была в макинтоше?

— Там и осталась.

— Дай-ка её сюда. И никому не говори про нашу находку.

— А где книжка?

— Дома посмотришь.

Катя принесла ампулу и передала её матери.

Нагруженная машина ушла, захватив половину бригады. Остальные пешком направились к трамваю.

Всю дорогу Анна Васильевна размышляла о странной находке. Может быть, тут ничего и не было опасного, в мирное время она не обратила бы на это никакого внимания, но сейчас ей было тревожно.

2. НА СУДНЕ

Малейшее движение в порту вызывало со стороны немцев ожесточённый артиллерийский обстрел. Снаряды всех калибров летели через залив, рвались на берегу, в воде. Все, что могло гореть, было давно сожжено, остальное разрушено, и все-таки немцы видели, что жизнь в порту не замерла.

На палубе пожарно-спасательного судна сидели на корточках двое: старик, работавший на судне машинистом, и мальчик. Они разбирали испорченный осколком снаряда насос. Мальчик, зажав насос между колен, старался удержать его в одном положении, а старик отвинчивал гайку.

— Ну, опять, мешок прорвался... Посыпалось... — проворчал старик. — А ты не боишься, паренёк?

Мальчик посмотрел на машиниста и улыбнулся.

— Ты думаешь, они только в порт и стреляют? У нас на Петроградской бывает и почище, — сказал он.

Наконец гайка была отвёрнута и клапан вытащен. Снизу поднялся Николай Васильевич с мешком, в котором бряцали железные части машины.

— Разобрали? Так, Товарищ Замятин, сломанные детали я возьму с собой. Сейчас тут ничего не сделать. А ты, товарищ Замятин, пока протри машину и смажь... Устал, Миша?

— Нет, ничего.

— Поедем домой.

Они перешли к борту и спустились на маленький буксир, стоявший рядом.

Николай Васильевич ушёл в будку, а Миша устроился на носу. Скоро звякнули сигналы, забурлила вода, и буксир тронулся.

* * *

В центре города, между Литейным и Кировским мостами, у набережной укрылось большое торговое судно. Уже свыше года стояло

оно прикованным к гранитной стенке, без движения, без признаков жизни. Не слышно было на палубе выкриков команды, не скрипели лебёдки, и только изредка по дыму из трубы можно было догадаться, что судно дышит, что жизнь в нем не угасла совсем.

Обязанности капитана на судне выполнял старший механик Николай Васильевич. Команда состояла из пяти человек: три машиниста, матрос, он же повар и артельщик, да юнга, Миша Алексеев.

Пройдя под Кировским мостом, буксир повернул. Миша с гордостью смотрел на своё громадное и красивое судно.

В тяжёлые дни первой блокадной зимы он нашёл себе покровителя, Николая Васильевича, принявшего участие в судьбе умного, смелого мальчика. Миша ценил внимание этого образованного человека и под его руководством упорно учился.

Сейчас они возвращались с задания, на которое были направлены ещё утром, сразу же после повреждения снарядом пожарно-спасательного судна. Повреждение оказалось серьёзным, — пострадала машина. Они провозились с ней целый день, но исправить на месте своими силами не смогли. Надо было некоторые поломанные детали починить в мастерской или передать на завод.

— Ну, теперь ты можешь отдохнуть, — сказал Николай Васильевич, когда буксир причалил. — Детали в мастерскую я передам сам.

— А завтра поедем собирать? — спросил Миша.

— Завтра не успеть. Дня через два. Работа сложная.

Механик ушёл вниз, а мальчик остался наверху. Он не хотел показать своей усталости.

— Эй, адмирал! Видел шлюпку у левого борта? — крикнул стоявший на вахте машинист Сысоев.

Миша повернул голову, презрительно поджал губы, но ничего не ответил. Он чувствовал, что Сысоев заговаривает и всячески подлаживается к нему, чтобы восстановить хорошие отношения, которые Сысоев так неосторожно испортил.

Сысоев, весёлый и бывалый моряк, не прочь был при удобном случае подшутить над простаком. И Миша, по неопытности, два раза попался самым глупейшим образом.

Однажды, вскоре после прихода мальчика на судно, Сысоев принёс кувалду и серьёзно сказал будущему механику:

— Эх ты, морячок! У тебя кнехты выпирают, а ты и не видишь. На-ка, осади их назад.

Миша взял кувалду и с растерянным видом начал оглядываться кругом.

— Чего головой крутишь? Не знаешь, что такое кнехты? А ещё моряк! Я когда в пелёнках был, все морские названия изучил. Вон швартовые кнехты. Видишь, как их выперло? — Он показал на большие чугунные тумбы, за которые закреплялись швартовые концы.

Действительно, они несколько возвышались над палубой. Не подозревая подвоха, Миша старательно принялся за дело и изо всей силы начал бить кувалдой по макушке тумбы.

Грохот ударов заполнил все судно. Встревоженные люди побросали работу и поднялись на палубу. Увидев, как Миша старательно колотил по кнехтам, принялись хохотать.

Этот случай мальчик простил Сысоеву, потому что о нем ничего не знал Николай Васильевич. Вторая шутка Сысоева надолго испортила их отношения...

Последнее время среди команды были разговоры, что судно должны перевести в другое место. Немцы пристреливались к мостам, и все недолеты угрожали попаданием в корабль. Воспользовавшись этими слухами, Сысоев опять подшутил над Мишей.

— Сегодня ночью поднимемся вверх по Неве и станем на якорь, — сказал он юнге. — Старший механик велел тебе наточить якорь. Возьми пилу и наточи. Понял?, Ну, большой напильник.

Миша относился к Николаю Васильевичу с таким почтением, что сейчас же побежал выполнять распоряжение.

Громадный чугунный якорь плохо поддавался обработке. Миша не замечал, что за его спиной из дверей выплывают машинисты и трясутся от беззвучного смеха. Как раз в это время на судно вернулся старший механик и, поднявшись на палубу, увидел, как добросовестно Миша скоблил громадные лапы якоря.

— Миша, что ты делаешь? — с удивлением спросил он.

Мальчик вытер со лба пот и с улыбкой сказал:

— Точу якорь, Николай Васильевич. Как вы велели.

— Якорь не точат, Миша. Это кто-то подшутил над тобой.

Механик оглянулся и, заметив Сысоева, покачал головой:

— Несolidно, Сысоев.

Мальчик простил бы машинисту и более грубую шутку, если бы не оказался смешным в глазах своего учителя, и Сысоев понял, что Миша смертельно обиделся на него. Будучи неплохим и добродушным по натуре человеком, он всячески старался теперь заглядеть свою вину. Шлюпка у левого борта была им поймана на Неве и предназначалась в подарок Мише.

— Адмирал! Слышишь, что я сказал? — повторил он вопрос и, не дождавсь ответа, продолжал: — Ты, как кисейная барышня, губки надул. Пойдёшь в плаванье, достанется тебе. В море не любят таких обидчивых.

— А я и не обиделся. Просто не хочу с тобой разговаривать — и все.

— Что значит: «не хочу разговаривать»? Я твой ближайший начальник, и ты должен меня слушать.

— Если бы ты дело говорил, а то... шлюпка.

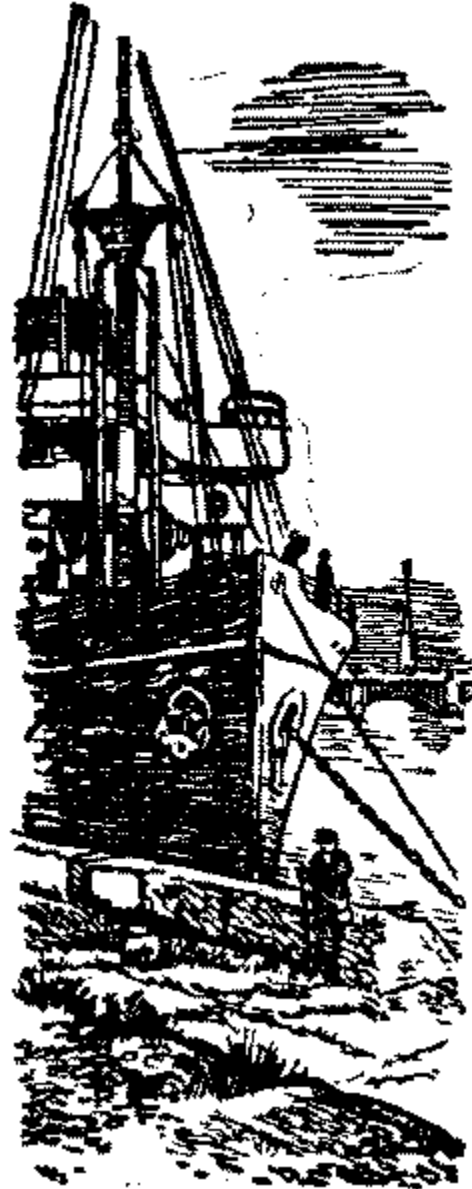
— А это разве не дело? Пойдём на ней рыбу ловить. А если захочешь с приятелями покататься, можешь пользоваться.

— А весла где? — спросил Миша.

— Весла за трубой.

Шлюпку мальчик заметил ещё утром, когда уходил в порт, и знал, что её поймал Сысоев, но сам он ни за что бы не попросил её у Сысоева, как бы ему ни захотелось покататься.

Сысоев сел неподалёку на бухту каната и стал закручивать сигарку.

— Эх, матрац моей бабушки!

Так называли табак — махорку, смешанную с листьями клёна, дуба, которую выпускала табачная фабрика во время блокады. Некоторое время молчали, глядя в разные стороны. Сысоев смотрел на набережную, а Миша — на противоположный берег, где стояли подводные лодки, корпуса недостроенных кораблей.

Один из громадных корпусов перекрывал низкое здание Медицинской академии, над которой, как раз посередине, возвышалась верхушка дымящейся заводской трубы. Мише казалось, что завод укрылся внутри стального корпуса и теперь никакой снаряд его не достанет. Он взглянул за мост, и опять на глаза попались

дымившие трубы заводов. Выборгская сторона, несмотря на обстрелы и бомбёжки, напряжённо работала.

— К старшему механику брат идёт, — сказал машинист.

— Где?

— А вон... Видишь, переходит через мостик у Летнего сада.

Миша сразу узнал знакомую фигуру майора и торопливо подтянул пояс, расправил гимнастёрку. Он не видел майора с весны, когда поступил на судно, и очень обрадовался старому знакомому. Особенно приятно было, что майор, приближаясь к судну узнал Мишу, приветливо улыбнулся и, поднявшись по трапу, дружески пожал ему руку.

— Здравствуй, Миша. Как живёшь?

— Хорошо живу, товарищ майор.

— Где это ты так перемазался?

— А я только сейчас с работы вернулся. Мы с Николаем Васильевичем в порт ездили.

— Он здесь?

— Здесь. Товарищ старший механик в каюте занимается.

— Ну-ка, пойдём, проводи.

Они направились к каюте старшего механика.

— Много у тебя здесь работы?

— Порядочно...

— Ты мне, может быть, понадобится. Пойдёшь?

— Я всегда готов. Опять ракетчиков ловить?

— Нет. Похуже. Ты далеко не уходи.

Иван Васильевич вошёл в каюту, а Миша с сильно бьющимся от волнения сердцем сел на ступеньки трапа в конце коридора.

Механик умывался.

— Садись, Ваня. Я сейчас, — сказал он. Майор устроился на койке. Николай Васильевич вытер руки мохнатым полотенцем, сел напротив майора и хлопнул его по коленке.

— Ну, а теперь здорово! Давно тебя не видел. Как это ты надумал заглянуть?

— По пути зашёл.

— По пути? Ты об этом другому рассказывай. Знаю я тебя. Готов об заклад биться, что по делу пришёл.

— Ну, пускай по делу.

— Выкладывай.

— Не торопись. Дома часто бываешь?

— Бываю. И тебе не мешало бы, Ваня, заходить. Мать беспокоится, и племянница каждый раз спрашивает.

— Очень занят, Коля. Положение на фронте напряжённое. Немцы подтягивают силы, собираются Ленинград штурмовать.

— Н-да... чувствуется. А как под Сталинградом? Тебе больше известно.

— Под Сталинградом трудно. Но все-таки... Нашла коса на камень.

— Не сдадим?

— Нет.

— Думаешь?

— Уверен.

Братья с минуту помолчали.

— Ты Алексеевым доволен? — неожиданно спросил майор.

— Каким Алексеевым?.. Ах, Мишей! Ничего, хороший паренёк.

— Сильно он занят?

— Да как тебе сказать... Работы, конечно, много. Дров напилить, в машине прибрать. Вахту несёт. Беру с собой на аварийные вызовы... Меня частенько дёргают.

— Ты к нему за это время присмотрелся. Ничего такого не замечал?

— А что? — встревожился механик. — Тебе известно что-нибудь?

— Нет, наоборот, я тебя спрашиваю.

— Парень любознательный, с волевым характером. Упорный.

— Хочу я одно дело ему поручить. Как ты считаешь — можно?

— Я бы доверил. Мальчишка серьёзный, надёжный.

— Ну, вот и дело моё все, — удовлетворённо сказал майор, вставая.

— А может быть, ты чаю со мной выпьешь? — предложил Николай Васильевич.

— Выпью, — согласился майор, подсаживаясь к столику.

Николай Васильевич достал из шкафчика стакан, налил из чайника крепкого чая и поставил перед братом.

— Расскажи что-нибудь интересное. Ты же с головы до пят набит интересными историями.

Иван Васильевич внимательно посмотрел на брата, словно оценивая его шутку, не спеша достал из кармана записную книжку и положил её на стол.

— Пожалуй, тебе расскажу, но по секрету, — начал он вполголоса. — Тут можно говорить?

— Ну конечно, — сказал механик, прихлопнув дверь.

— Кстати, ты одно время химией увлекался.

— Был грех.

— Может быть, и пригодится сейчас.

— При чем тут химия?

— А вот слушай. В одном доме, намеченном к слому, где никто не проживает, нашли записную книжку, паспорт и ампулу с симпатическими чернилами в кристаллах. Нашли случайно, когда выносили мебель. В шкафу висел бесхозный макинтош, а в кармане вот эта книжечка. Прочитай. Написано это было бесцветными чернилами и случайно проявилось на солнце.

Механик взял книжку и без труда разобрал: «Первый час штурма парализовать район по карте ЗХ18. Содействовать панике сигналами. Задачу решит аммиак». Прочитав, он с недоумением посмотрел на брата.

— Ну, дальше?

— А дальше ничего. На этом и заканчивается рассказ. Дальше нужно разгадывать.

— А что это за район по карте ЗХ18?

— Карт много. На одной из карт в этом квадрате находится Московский район.

— А ты как думаешь?

— Я как раз и думаю, что это Московский район. Он на линии фронта; там две шоссейные дороги. Но ты начал не с того конца. Попробуй разобрать запись, — ты же любишь всякие ребусы решать. А немцы задумали хитрую штуку.

— Подожди, Иван, — перебил механик. — Я ведь знаю тебя. Ты много хитрых штук распутывал, а рассказывал всегда только потом. Сегодня у тебя необычный ход. Говори прямо, чем я тебе тут полезен?

— Чем? — переспросил майор и, прищурившись, опять внимательно посмотрел на брата. — Ты человек технический, химию знаешь. Это дело очень спешное, а я тебе доверяю.

— Понятно. Тебе консультант нужен. Технический эксперт. Ну что ж, согласен. Теперь говори.

— Пускай ты будешь называться экспертом... Итак, дом в Старой Деревне. Раньше там жил бухгалтер одного завода с Выборгской стороны. В конце марта он вместе с семьёй эвакуировался на Урал, где и сейчас работает на переброшенном туда заводе. Дом все время стоял заколоченный, и никто там не проживал.

— Как же туда попал макинтош с этими вещами? Может быть, там все-таки кто-нибудь жил?

— Может быть. Чёрный ход был заколочен доской фиктивно, — доска эта легко снималась.

— Это важная деталь. Значит, ясно, что «он» там жил или прятался. Приходил по ночам, и никто его не видел.

— Не спеши, — усмехнулся майор. — Если «он» и жил, то почему «он» оставил свой паспорт и эту записную книжку в макинтоше? Паспорт — это такой документ, который может понадобиться в любой момент, особенно сейчас. Лучше его иметь при себе.

— Это верно, — согласился механик.

— Я сказал тебе все, что связано с этой книжкой. Майор закурил папиросу и, видя, что брат сильно заинтересовался, приготовился слушать его предположения.

— Очень может быть, что «он» был в этом доме и нарочно оставил макинтош в шкафу, — начал неторопливо рассуждать механик, держа перед собой записную книжку. — Зачем? Кто-то должен был прийти и взять макинтош. Вместе с паспортом и книжкой. Так? Очень возможный вариант. А не проще ли было передать эти документы с рук на руки?

— Согласен, — кивнул головой майор.

— Значит, эта догадка, что макинтош был оставлен с целью передать его другому лицу, может быть правдоподобна только в том случае, если этого второго лица в городе нет и они не могут встретиться. Вероятно, это так и есть. Если внимательно прочитать

запись... Не показалось ли тебе, что она написана в тоне приказа? Словно это выписка из приказа?

— Согласен.

— Значит, это первое лицо оставило приказание в условленном месте второму лицу и уехало. Так... Но зачем тут паспорт?

Майор слушал молча. Механик задумчиво продолжал:

— Этому человеку нужен ленинградский паспорт, с ленинградской пропиской. Впрочем, я заскакиваю вперёд. Будем разбирать по порядку. Значит, в записной книжке оставлено приказание, и заметь, оно написано на русском языке, — подчёркивая последнюю фразу, продолжал механик. — Русский язык... Приказание отдавалось русскому человеку, иначе говоря, преда гелю. Где этот паспорт?

Майор молча вынул из кармана паспорт и передал брату. Тот быстро его раскрыл и, ткнув пальцем в фотокарточку, сказал:

— Вот его физиономия.

— Да, — согласился майор. — Посмотри и запомни. Вдруг случайно встретишься. Знай, что это враг. Фамилию можно вписать какую угодно, но физиономия должна быть похожа.

Пока механик разглядывал паспорт, майор выглянул за дверь. В конце коридора, на ступеньке трапа, терпеливо ожидал мальчик.

— Это Миша?

— Я, товарищ майор.

— Ну хорошо. Сиди пока. Я скоро закончу.

— Теперь попробуем разобрать записку, или, другими словами, приказ, — продолжал механик. — Первая фраза: «Первый час штурма парализовать район по карте 3X18». Понятно. Предатель внутри должен парализовать район, допустим Московский, как ты сказал. Как парализовать? Вторая фраза объясняет: «Содействовать панике сигналами». Следовательно, они собираются создать панику. Да! Паника — это серьёзная неприятность, и паникой можно парализовать оборону. Но для того чтобы сейчас вызвать панику среди ленинградцев, надо что-то из ряда вон выходящее. Обстрелы, бомбёжки, пожары — к таким штукам мы привыкли, и они никого не пугают. Третья фраза объясняет очень многое. «Задачу решит аммиак». Что такое аммиак? Газ. Значит, газовая тревога. Значит, паника, — как рассчитывают они. Панике они содействуют

сигналами. Какими сигналами? Вероятно, сигналами химической тревоги. Я лично допускаю, что при газовой тревоге буде г некоторая растерянность... Значит, немцы собираются пустить газ?

— Собираются применить газ, — поправил майор брага.

— Пускай так: применить газ, — повторил механик. — Иначе не только паники, но даже и растерянности, даже простого замешательства они не вызовут в городе. Ты согласен со мной?

— Что ж, думаю, что и Шерлок Холмс сказал бы не больше.

— Ну, а ты? Меня интересуют твои предположения. Майор улыбнулся.

— Я, по старой привычке, промолчу. Поговорим лучше о твоём предположении. Ты остановился на самом главном. В чем, собственно, загадка? Если они хотят создать газовую атаку, то при чем тут «аммиак»? Аммиак — это слишком лёгкий и безвредный газ. Снарядами невозможно создать густой концентрации. Баллоны? Но ведь их нужно подвезти в большом количестве, если враги намерены создать панику и парализовать целый район. Вот в чем загадка.

— Н-да... Это загадка.

— А что ты ещё можешь понять из этой записки?

— Ну что ещё? — Механик снова принялся разглядывать запись. — Ну, совершенно ясно, что этот план выполняется не одним человеком. Кто-то должен содействовать сигналами. Это раз. Получивший этот приказ уже в курсе дела и заранее проинструктирован. Иначе ему пришлось бы ломать голову над этой запиской, как и мне. Два. Предатель, вероятно, связан с немцами регулярно, потому что ему должны сообщить о часе штурма дополнительно. Может быть, эта связь осуществляется по радио? Три. Ну, что ещё?.. Хватит с меня.

— Все, что ты говорил сейчас, может быть, и интересно, но ты не ответил на главный вопрос: при чем тут аммиак?

Николай Васильевич задумался и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Ваня! Над чем же мы битый час голову ломали? Ведь приказ этот теперь уже не дойдёт по назначению. Значит, и выполнять его никто не будет...

Майор улыбнулся. Потом серьёзно сказал:

— Боевые приказы дублируются по многим каналам... И он уже получен, Коля... Не радуйся... Он посмотрел на часы и прибавил:

— Ну, мне пора. Отпусти со мной на несколько дней Алексеева.

— А что он будет делать?

— Я хочу дать ребятам одно небольшое поручение, ну а Алексей умеет воздействовать на своих приятелей. Признанный вожак.

— Ну что ж, возьми, но только не сбивай его с толку своими историями. Мальчишку в море тянет. Из него хороший моряк выйдет. Не рассказывал он тебе, как якорь точил?

— Нет, ничего не говорил.

— Ну и не спрашивай. Разобидится. Подшутили тут над ним.

— Так если что-нибудь надумаешь, Коля, позвони. Я вижу, тебя заинтересовала задача. Вопрос очень срочный. Немцы готовятся к штурму.

— Да, задал ты мне загадку. Значит, опять ночь не спать. Ты бы все-таки специалистов-химиков спросил.

— Спрашивал и получил целую научную диссертацию об аммиаке, но загадка осталась не разгадана. У меня ум за разум заходит из-за этого аммиака, — сказал он поднимаясь. — Решение где-то совсем близко, а не поймёшь. Вроде «лошадиной фамилии» получается.

Иван Васильевич крепко пожал руку брата и вышел из каюты.

При виде выходящего майора Миша, по-прежнему сидевший на ступеньке, встал и вопросительно уставился на него.

— Ну, Миша, собирайся. Начальство отпустило тебя на берег.

— Надолго?

— Пока дело не сделаешь, — сказал механик, выходя вслед за братом из каюты. — Отметишься у вахтенного, а за продуктами придёшь. Я распоряжусь.

— У тебя пальто есть? — спросил майор Мишу.

— Есть. А что ещё с собой брать?

— Больше ничего не надо. Беги надевай пальто и догоняй меня.

Миша со всех ног бросился в кубрик.

3. ПОИСКИ СЛЕДОВ

Всю зиму 1941/42 года ждали весну, и она пришла. Под лучами солнца земля проснулась...

Едва держась на ногах от цинги, ленинградцы ходили по скверам, собирали съедобные травы. Качаясь от слабости, уходили в поисках зелени за город. Как только созрела земля, все взялись за лопаты. На площадях, на бульварах, в садах, во дворах — всюду были вскопаны огородные грядки.

Настало лето, и буйная зелень покрыла огороды.

У Миши Алексеева на Марсовом поле были две грядки, засеянные морковью для сестрёнки, которая жила в детском саду. То, что Мише приходилось опекать свою младшую сестру, сильно изменило его характер и отличало от других подростков. Он не подражал взрослым, а делал все по-своему и, странно, от этого казался самостоятельнее своих сверстников. И ребята, помимо своей воли, подчинялись Мише. Они не понимали, что жизнь поставила его в условия, благодаря которым он стал думать и поступать, как взрослый, самостоятельный человек.

Сейчас Миша шёл со своего огорода к сестре, с пучком моркови в руках. Проходя по улицам, Миша наблюдал и размышлял. Всюду — у домов, во дворах в сквериках — огороды. Кровати, сетки, связанные между собой проволокой, образовали причудливые палисадники.

«Сколько кроватей! Откуда их столько натаскали? — думал мальчик. — Год назад на этих кроватях спали люди».

Он вспомнил свою мать, убитую на заводе во время бомбёжки. Теперь её кровать тоже никому не нужна.

Дома Миша бывал редко и долго не засиживался. Если бы не надежда на то, что может вернуться с фронта отец, он давно бы бросил комнату и совсем перебрался на судно. Люся устроена и живёт в детском саду неплохо, а он после войны уйдёт в море, и ничего ему больше не надо.

В детском саду Мишу знали и сейчас же вызвали сестру. Он слышал, как няня кричала:

— К Люсе Алексеевой брат пришёл! К Люсе из средней группы.

Девочка постепенно отвыкала от брата. У неё здесь была своя жизнь, свои дела, занятия, подруги. Иногда она прибежала возбуждённая, с блестящими глазёнками и нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Миша понимал, что её оторвали от какого-то интересного занятия или игры, и не затягивал свидания. Он внимательно оглядывал её платье, проводил рукой по стриженным волосам, осматривал ногти и, не найдя ничего, к чему бы можно было придраться, отпускал девочку. Ему почему-то хотелось, чтобы у сестрёнки были длинные косы. Он купил бы ей тогда красивую ленту и гребёнку, но здесь полагалось стричь волосы под машинку.

Люся была в том беззаботном возрасте, когда дети ценят разве только материнскую ласку и любовь, а Миша уже остро чувствовал своё одиночество. И любовь к маленькой сестрёнке согревала ему душу.

— Люсенька! — сказал Миша, когда сестрёнка прибежала к нему и по привычке подставила щеку. — Я морковки с твоей грядки принёс. Держи. Только ты её вымой, слышишь?

— Слышу.

— Как вас кормят?

— Хорошо.

— Нас тоже ничего стали кормить. Видишь, как я поправился.

— А у нас от болезней колют, а потом дают конфетку тому, кто не плакал. Я ни разу не плакала! — похвасталась Люся.

— Ну и правильно. Плачут только девчонки, — сказал мальчик, но сейчас же спохватился и поправился: — Девочки плаксивые. А ты у меня молодец.

— Я молодец, — согласилась девочка. — А вчера к Вале папа приходил. У него собака есть. Я гладила.

— Смотри... Она может укусить.

— Она не кусачая.

— Кто её знает, кусачая или не кусачая... Люся, а у меня лодка есть. Я бы тебя покатал, да тебя не отпустят, пожалуй.

В это время по коридору побежали ребята, и Люся заторопилась. Миша одёрнул на ней платье, погладил по голове и наставительно сказал:

— Слушайся няню. Дисциплину соблюдай. Если что-нибудь нужно, — скажи. Морковку вымой, как приказано.

Он чмокнул сестру в щеку и вышел на улицу. Вечерело. Время было действовать. Вчера вечером, получив инструкции от майора, он ездил с Бураковым в Старую Деревню и условился обо всем. Сейчас Миша должен был взять своих приятелей и к вечеру быть на месте.

— Миша боялся, что не застанет их дома. Ребята работали в каком-то подсобном хозяйстве за городом, на огородах, и часто оставались там ночевать.

Войдя во двор дома, где он жил, Миша три раза свистнул. На свист из открытого окна в четвёртом этаже высунулся Стёпа Панфилов.

— А Васька дома? — крикнул Миша.

— Не знаю, — ответил тот и скрылся. Миша ещё раз заложил пальцы в рот и пронзительно свистнул.

Вася Кожух не откликнулся и не показывался.

— Как живёшь? — спросил Стёпа, спустившись во двор.

— Живём помаленьку... Ты сильно занят?

— Когда? Сегодня?

— Нет, вообще... на этих днях...

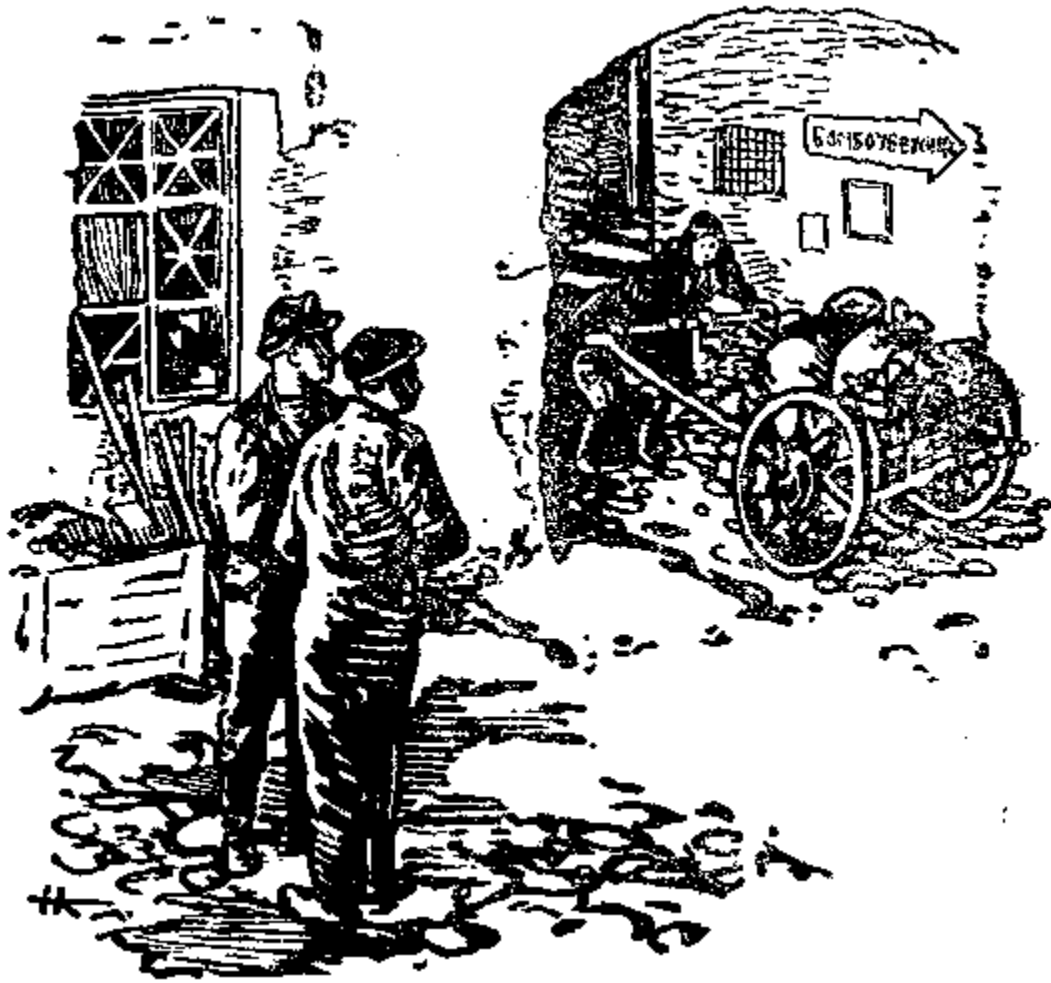
— На огородах работаем... Ты знаешь, Мишка, сколько мы процентов вырабатываем...

— Подожди, — остановил его Миша. — Задание есть.

— Какое задание? — спросил Стёпа и, не получив ответа, замолчал, зная, что если ещё раз спросит, то Миша ответит: «В своё время узнаешь».

— А где Васька? — спросил Миша.

— Наверно, на свой огород с матерью ушёл. Она сегодня выходная.

В это время во двор въехала гружённая овощами тележка, которую толкал Вася с матерью. Снимая мешки и смахивая со лба капельки пота, Вася возмущённо рассказывал приятелям:

— Воруют, понимаешь, на огороде. Капусты срезали кочанов двадцать. Самые лучшие.

Взвалив на плечи по мешку, ребята за два раза подняли все овощи на пятый этаж, в квартиру Кожухов.

Через час три друга сидели в комнате у Миши и внимательно изучали фотокарточку неизвестного мужчины с прямым носом и тонкими поджатыми губами. Эта фотография была переснята с маленькой карточки из найденного паспорта и увеличена. На другой стороне снимка была надпись: «Виктор Георгиевич Горский. Лет 42».

— Этого человека, — объяснил Миша, — надо караулить. Это вредная контра, подосланный от немцев шпион.

— А где его надо караулить? — спросил Стёпа.

— Не забегай! Все объясню...

Миша несколько минут молчал. Терпеливо молчали и его приятели.

— А вдруг он набросится на нас? — не вытерпел Вася. — У него, наверное, и пистолеты, и бомбы при себе...

У Стёпы от возбуждения заблестели глаза.

— Он нас всех на воздух взорвёт — кто тогда расскажет о нем Буракову?

— Да вы что, очумели! — набросился Миша на приятелей. — Нам только и надо, что позвонить по телефону, когда он придёт за вещами.

— За какими вещами?

— А вы не перебивайте, а слушайте! — рассердился Миша. — Все расскажу по порядку. Сначала смотрите карточку!..

— Интересно, какого цвета у него глаза? — спросил Вася, разглядывая фотографию.

— А леший их знает, какого они цвета. Придёт, тогда и посмотрим. Наша задача, ребята, такая... В Старой Деревне был дом, куда он должен приехать за вещами. Дом сломали на дрова. Вот, наверно, он и будет искать и спрашивать вещи, а мы тут как тут. Товарищ майор все объяснил. Вещи сданы управхозу, и, если он будет про них спрашивать, показать, где управхоз живёт, а ещё лучше проводить кому-нибудь, а тем временем по телефону сообщить. Понятно? Мы там будем огород сторожить.

— А где управхоз? — спросил Стёпа.

— погоди, не торопись... — с досадой сказал Миша. — Морду запомнили?

— Запомнили.

Миша положил фотографию в бумажник и спрятал в карман.

— Сейчас идите домой, возьмите хлеба, оденьтесь потеплее, и поехали. Там ночевать придётся. Понятно? Языком не болтать! — на всякий случай предупредил он, хотя и был уверен в своих друзьях.

Через несколько минут ребята были готовы и шагали к трамвайной остановке.

Долго ожидать трамвая не пришлось, и вскоре они уже ехали в сторону Старой Деревни.

Ехали долго. Несколько раз начинался артиллерийский обстрел, и поневоле приходилось выходить из трамвая и укрываться в убежищах.

Добрались до места уже к концу дня.

Разыскали наполовину разломанный дом, о котором Мише обстоятельно рассказал Бураков. Обошли дом кругом и внимательно осмотрели.

Потом нашли управхоза, и тот разрешил взять во временное пользование несколько досок.

Приятеля устроили из досок шалаш и забрались в него, прислушиваясь к артобстрелу. Через их головы с воем летели снаряды и рвались где-то далеко в стороне.

— Это по Васильевскому бьёт, — сказал Стёпа.

— Нет, ближе. По Крестовскому, — возразил Миша. Скоро совсем стемнело. Ребята вышли из шалаша и долго стояли, прислушиваясь к установившейся тишине. Далеко на горизонте взлетела ракета и повисла в воздухе. Через несколько минут, когда она потухла, поднялась вторая.

— Видите ракеты? Это на переднем крае.

— Ну?

— Осветительные ракеты, чтобы вылазок не было, — уверенно сказал Миша.

Снова замолчали. Вдруг в стороне послышалось жалобное мяуканье. Ребята насторожились. Мяуканье повторилось.

— Ребята! Кошка!

— Ага! Живая!

Кошка или собака в осаждённом Ленинграде были большой редкостью. Не случайно Люся с таким восторгом рассказывала о собаке, которая «не кусачая». Миша понимал сестрёнку. Он по себе знал, сколько радости в детстве приносит домашнее животное.

— Ребята, поймаем её, — сказал он, — она бездомная.

— А на что тебе?

— Я Люсе снесу. Пускай живёт в детском саду. Там мыши есть.

Ребята осторожно пошли на мяуканье, которое время от времени повторялось. Скоро оно стало раздаваться сзади. Ребята вернулись и нашли блиндаж, построенный в начале войны.

— Кис... кис... — позвал Миша.

Он ошупью спустился вниз и увидел две зеленые блестящие точки. Кошка видела его, и он протянул руку с кусочком хлеба.

— Кис, кис... иди сюда.

Точки оставались на месте. Миша осторожно пошёл вперёд. Вдруг он наступил на неустойчиво лежавший кирпич, покачнулся и чуть не упал. Кошка с испуга фыркнула и исчезла. Как ни звали её ребята, она больше не откликалась.

— Ладно, завтра найдём, — решил Миша. — Она никуда не денется, а ночью все равно её не поймать. Она уж, наверно, одичала.

4. ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Как только стало светать, продрогшие за ночь ребята развели костёр. Горючего материала от разломанных домов было сколько угодно, и сухие щепки, ломаные доски, весело потрескивая, быстро разгорались.

— Эх, сейчас бы под костёр картошку в песок! — сказал Миша.

— Где же теперь картошку достанешь?.. А вот я придумал другое... Посудину бы надо, — сказал Вася и, недолго думая, отправился на поиски посуды.

Скоро среди аккуратно сложенных у дороги вещей он нашёл алюминиевую кастрюлю. Миша видел, как Вася прошёл к огородам, но останавливать его не стал. Хотелось есть, а в кармане лежали хлеб да две шротовые лепёшки. Шроты, внешним видом напоминавшие древесные опилки, сильно надоели.

Миша видел, как от огородов Вася прошёл к Невке и присел на берегу. Стёпа тем временем принёс железный крюк и воткнул его в землю около костра. Вася вернулся с полной кастрюлей начищенной и нарезанной моркови, свёклы, репы и брюквы. Закрыв плотно крышку, он повесил кастрюлю над огнём.

— Тушёнка будет — пальчики оближете! Я видал, как мать варила. Век живи — век учись, — говорил Вася, поправляя дрова. — Соли бы да маслица сюда грамм пятьдесят...

— А чем есть? Пальцами? — спросил Стёпа.

— А ты поищи ложки. Я видел в ведре, около стола. Стёпа побежал за ложками. Навстречу ему шёл коренастый мужчина с большим пакетом под мышкой. Издали ребята приняли его за управхоза, но, когда он подошёл к шалашу, они увидели, что ошиблись. — Мир вам, и я к вам, — приветливо сказал мужчина, присаживаясь на корточки. — Что вы тут делаете, ребята?

— Огороды караулим. А вы чего такую рань пришли? — ответил Миша.

— Я рыбу ловить пришёл, — насмешливо сказал мужчина. — В мутной воде рыбку ловить.

— А чем вы её ловить собираетесь? — спросил Вася.

— Руками.

— Ну да...

— Чего ты его слушаешь! Видишь, нашёл дураков, — сердито сказал Миша, не любивший шутить с незнакомыми людьми.

— А я думал, вы и верно колюшку ловить собираетесь, — сказал Вася. — Сейчас её мало. Вот весной она густо идёт. Я ловил.

— А разве колюшку едят? — все с той же улыбкой спросил мужчина.

Миша подозрительно покосился на него. Какой это ленинградец, который не знает, что после голодной зимы колюшку ловили и с удовольствием ели.

— Колюшка — хорошая рыба, — пояснил Вася. — Жирная. Её надо через мясорубку пропустить...

Вернулся Стёпа с ложками и принялся чистить их песком. Незнакомец молча наблюдал за хлопотами ребят. Вася подкладывал щепки и поминутно поправлял кастрюлю, в которой уже начинала закипать вода.

— Всю ночь тут дежурили, не спали? — спросил мужчина.

— По очереди спали, — ответил Стёпа.

— Замёрзли?

— Нет.

Незнакомец достал часы и, взглянув на них, сказал;

— Рано ещё.

При виде часов Миша обомлел. Чёрные мужские часы с золотым ободком он прекрасно знал. Такие часы имела вся банда однорукого, и предназначались они для мины замедленного действия, или адской машины, как ему объяснил Иван Васильевич. «Что делать? Надо немедленно сообщить майору. Этот пришёл неспроста».

— Дяденька, а вы чего так рано пришли? — спросил Миша таким ласковым тоном, что ребята с удивлением посмотрели на него.

— По делу. Я же говорю, рыбу пришёл ловить.

— Ну, ладно, ловите. Только на огороды не ходите. — Неужели нельзя одну морковку сорвать?

— Нельзя.

— А как же вы рвёте? — кивнув головой на кастрюлю, спросил мужчина.

Мишу раздражал насмешливый тон незнакомца, но он сдержался и беззаботно ответил:

— Нам можно. Это как плата за то, что мы караулим. Ну, как, Вася, не скоро ещё?

— Ну что ты! Только-только закипело.

— Я схожу до управхоза. Он велел пораньше его разбудить.

Миша встал и спокойно направился к дороге.

— Погоди, Миша! — крикнул незнакомец. — Не надо управхоза будить. Пускай спит. Рано ещё.

— То есть как рано? Он велел как только рассветёт.

— Нет. Выдумываешь ты все. Вернись. Это вот вам пакетик.

Мужчина протянул мальчику принесённый пакет. Миша уже начинал догадываться, в чем дело, и вернулся.

— К телефону пошёл? — спросил незнакомец. Миша взял пакет и, все ещё не доверяя мужчине, развернул его. В пакете лежала буханка хлеба и продукты, а сверху записка: «С добрым утром. Как дела? И. В.». Теперь все стало понятно. Это была своего рода проверка.

— А я уже хотел к телефону... — сказал Миша улыбаясь.

— Почему? — А часы-то у вас какие...

— Молодец! — сказал мужчина. — Мы так и думали, что про часы не забыл. Друзья твои их не видели?

— Нет.

— Пускай посмотрят.

Мужчина достал часы и дал посмотреть их ребятам.

— Запомните эти часы, ребята. Человек с такими часами уже подозрительный. Очень может быть, что вам придётся с ними встретиться. У подозрительных людей полезно спрашивать о времени, — объяснял он, пока ребята разглядывали часы.

— Часы обыкновенные, — сказал Вася.

— Ты вот этот ободок запомни, — он выпуклый, сразу заметно. Смотри, — сказал Миша, поворачивая часы под разными углами.

Неожиданно из кастрюли вырвался пар, и пена шипя полилась на костёр. Вася снял крышку.

— Много воды налил. Пускай выкипает, — небрежно пояснил он, как опытный повар.

— Ну, друзья, мне пора уходить, — сказал гость. — У меня тут есть ещё дела. Что передать Ивану Васильевичу?

— Привет передайте, — сказал Миша.

— Происшествий не случилось?

— Нет. Все тихо.

— Ну, будьте здоровы.

Мужчина ушёл. Ребята развернули пакет. Кроме хлеба, в свёртке оказались банка консервов, граммов двести конфет и масло.

— Вот и масло для тушёнки, — обрадовался Вася. В отдельном кульке лежала картошка. Майор угадал, что ребята разведут костёр, а главного удовольствия

— печёной картошки — у них не будет. Миша высыпал картошку около костра, и на душе у него стало противно.

— Вася, смотри...

— Картошка! — восторженно воскликнул «повар». — Ура-а-а!

— Дурак ты, вот что... Иван Васильевич, наверно, думает, что мы чужих овощей не тронем. Он верит нам, а мы что делаем?

— Он не узнает, — несколько смутившись, сказал Вася.

— «Не узнает», — передразнил его Миша. — Конечно, он и не спросит. А у тебя какая-нибудь совесть есть? Сам вчера на что жаловался? «Вору-у-ют»... Нехорошо получилось.

— Ну ладно, больше не будем. Нам теперь хватит, — сказал Вася.

Некоторое время молчали, думая каждый о своём. Стёпа в душе был согласен с Мишей. Конечно, никто не узнает, что они брали чужие овощи, а хозяин этого большого огорода даже не обратит внимания на такую мелочь. Но все-таки получилось нехорошо. Миша прав, — дело не в том, что скажут или подумают про них, а дело в них самих.

— Замечательный человек майор. Никогда ничего не забудет, — после минутного раздумья сказал Миша. — И брат у него очень толковый.

В кастрюле кипело и булькало.

— Стёпа, ты ложки вымой. Сейчас будет готово, — сказал Вася.

Стёпа сбегал к реке. Когда он вернулся, тушёнка с маслом была уже готова, и ребята быстро с ней покончили.

Взошло солнце. На дороге появились одинокие пешеходы и целые бригады с инструментами. Пришла машина за дровами. Сначала ребята напрягали все внимание при виде приближающихся людей, но постепенно привыкли и успокоились. Никого подозрительного не было. Вспомнили про кошку, и Миша со Стёпой пошли её разыскивать.

— А ты, Василий, оставайся. И смотри в оба... В случае чего — свисти! — распорядился Миша.

Оставшись один, Вася сходил к Невке, вымыл кастрюлю, набрал чистой воды и, вернувшись к шалашу, принялся чистить картофель

для супа, поглядывая по сторонам. Недалеко от него, по другую сторону дороги, женская бригада начала разбирать дом. Над местом работы поднялось большое облако пыли. Какой-то мужчина в сером пальто остановился на дороге и долго смотрел в сторону шалаша.

Вася насторожился, хотя мужчина и не походил на того, который был на фотографии. У этого было широкое лицо, выдающиеся скулы, усы. Мужчина оглянулся кругом, направился к разбирающим дом женщинам и скоро потерялся из виду. Вася снова занялся картошкой и так увлёкся, что не заметил, как к нему подошла женщина.

— Ты что тут делаешь? — раздался голос за спиной. Вася вздрогнул от неожиданности и оглянулся. — Видите сами — суп собираюсь варить.

— Это я вижу. А вообще-то зачем ты тут устроился?

— А мы огород караулим.

— Какой огород? — строго спросила она. «Вот пристала», — подумал мальчик и, чтобы избавиться от женщины, показал рукой на ближайший огород, где он вчера сорвал три брюквы.

— Вот этот...

— Этот? А кто тебя просил? — угрожающе спросила женщина и вдруг закричала: — Вон отсюда! Чтобы духу твоего здесь не было! Караульщик какой нашёлся!

— Тётя! Что вы кричите?

— А то! Это мой огород, потому и кричу. Моментально уходи отсюда!

— Тётя, мы же вам огород караулим. Вы, случайно, не Марья Петровна?

— Я Марья Петровна, — с недоумением сказала женщина.

— Ну вот. Вчера ночью приходила какая-то ваша знакомая за овощами, а мы её не пустили. Мы сказали, что ваш огород на Невском проспекте находится.

— Врёшь!.. Никто ко мне не мог приходить, — резко перебила она. — Врёшь! Убирайся отсюда подобру-поздорову, а не то плохо будет. Слышишь?

Вдруг она увидела на земле брошенную ботву брюквы.

— Это что? Это моя брюквя!

— Марья Петровна, почему вы думаете, что это ваша брюквя?

— Потому что поблизости ни у кого нет брюквы. Это ты у меня украл!

— Украл!.. А картошку тоже у вас украл? — сказал струхнувший Вася, показывая крупную картофелину.

Это несколько озадачило женщину, так как ни у неё, ни у других на огородах картошки не было.

В это время вернулись приятели с охоты. Миша держал завёрнутую в какие-то тряпки кошку, а руки Стёпы были поцарапаны, и он облизывал выступавшую кровь.

— Картошки у меня нет... — продолжала женщина, не обращая внимания на пришедших. — Но это все равно. Никаких мне караульщиков не надо. Уходите отсюда, пока я не взялась за вас. Вот и весь мой сказ.

Она круто повернулась и зашагала к своему огороду. Миша выждал, пока женщина отошла подальше, и мрачно спросил:

— В чем дело?

— Ничего особенного. Увидела ботву и раскричалась: «Не надо мне караульщиков! Вы жулики!»

— Она тебя не побила? — серьезно спросил Миша.

— Нет.

— Жаль. Другой бы на её месте уши тебе надрал и всех нас в милицию отправил. Ещё дёшево отделался... Подошёл управхоз.

— Ну как? Все в порядке, ребята?

— Что в порядке? — спросил Миша.

— Успели по телефону позвонить? Ребята с недоумением переглянулись.

— Кому позвонить?

— Я не знаю, кому надо было звонить. Паспорт я отдал. Спросил, как полагается, фамилию, имя, год рождения, прописку. Поговорил минут пять и отдал.

Миша почувствовал, как у него остановилось сердце и захватило дыхание.

— Кому отдали?

Управхоз оглянулся и, заметив удаляющуюся по дороге фигуру мужчины в сером пальто, показал на него пальцем.

— А вон тому гражданину. Миша сунул кошку в руки Стёпы.

— Держи. Васька, бегом к телефону! Я пойду за ним.

— А суп, значит, не варить? — спросил Вася.

— Какой тут суп! Делай, что сказал! — резко отчеканил Миша. — Потом отправляйтесь домой и ждите.

Он схватил лежавшую на земле кепку и что есть духу бросился за уходившим человеком.

— Решительный молодой человек.

— Он моряк! — с гордостью сказал Стёпа. Миша скоро догнал человека в сером пальто и на расстоянии тридцати — сорока метров пошёл следом за ним. Мужчина шёл неторопливо, останавливаясь на короткое время около разрушенных домов. В одном месте он чем-то заинтересовался, сошёл с дороги, обошёл вокруг фундамента, заглянул в глубокий подвал и снова зашагал дальше. Увидев на остановке трамвай, незнакомец заторопился.

В вагоне Миша хорошо рассмотрел его. Это был немолодой, крепкий мужчина, с крупными чертами лица, широкими, чуть выдающимися скулами. Когда он снял кепку, мальчик заметил, что чёрные усы были темнее, чем волосы на голове. Мальчика мало беспокоило, что мужчина совсем не походил на того, что был на фотографии Главное, что он пришёл за паспортом, а значит, имел какое-то отношение к врагам.

Проехали мост, и в вагон вошла большая группа людей, прикрыв собой мужчину. Не видя его, Миша заволновался. Таким образом он может не заметить, когда тот выйдет из трамвая. Он протискался ближе к выходу и стал смотреть в окно на выходящих из вагона.

На остановке у Невского народ схлынул из вагона, и Миша с облегчением вздохнул, увидев, что мужчина в сером пальто не вышел и разговаривает со своей соседкой. У Технологического института в вагон снова вошла группа людей с лопатами, кирками, ломami, в перемазанной глиной одежде и снова закрыла мужчину.

Кто-то толкнул Мишу локтем. Оглянувшись, он встретил взгляд больших голубых глаз.

— Тося, садись. Подвинься, паренёк, — сказал женский голос над головой. Миша подвинулся, и девочка села рядом.

— Варвара Семёновна, зачем ты Тоню с собой взяла? На фронт ведь едем.

— В Ленинграде везде фронт. Пусть помогает. Потом с гордостью вспоминать будет, что Ленинград защищала.

Миша понял, что группа едет на оборонные работы. Третий номер трамвая шёл по Международному проспекту и немного не доходил до переднего края. Глядя в окно, мальчик видел, что этот район прифронтовой и живёт несколько иначе, чем Петроградская сторона. Гражданских людей на улицах было совсем мало, зато военные шли и ехали в разных направлениях. Трамвай обгонял повозки с сеном, дымящиеся походные кухни, грузовик, наполненный буханками хлеба. В окнах первых этажей угловых домов, заделанных кирпичом, чернели узкие щели амбразур. Поперёк проспекта в некоторых местах были устроены баррикады с колючей проволокой и треугольными бетонными надолбами. Противотанковые препятствия, в виде распиленных и сваренных кусков рельсов, перегораживали в несколько рядов проспект на перекрёстках. Оставлен был только узкий проход для трамваев. Но, несмотря на близость фронта, район жил. Торговали магазины, ларьки. И везде грядки и грядки — с репой, капустой, свёклой, морковью... А между ними — зигзагообразно вырытые окопы.

Взвизгнул снаряд и с оплустительным грохотом разорвался невдалеке. Трамвай затормозил и остановился.

— Выходите, граждане. Вчера попал в вагон, — объясняла кондукторша пассажирам, столпившимся у выхода.

— А с задней площадки можно сходить, не оштрафуют? — пошутила какая-то девушка.

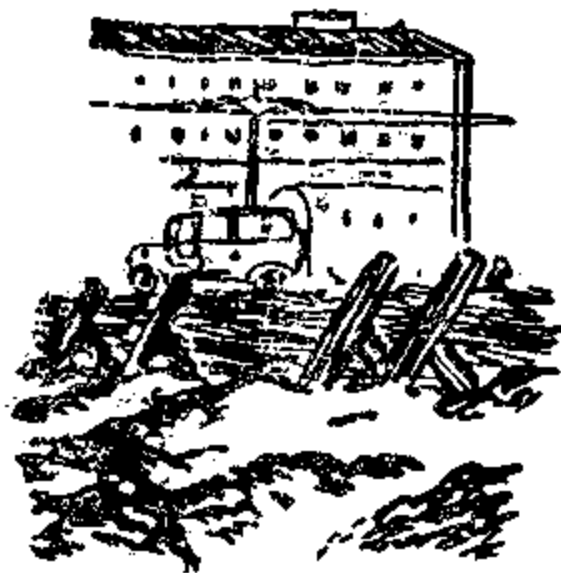
Второй снаряд разорвался высоко над головой. От неожиданности Миша присел, но сейчас же выпрямился и, не спуская глаз с серого пальто, побежал следом за ним. Третий снаряд ударил впереди.

Начался артиллерийский обстрел района... Мужчина в сером пальто торопливо свернул под ворота большого дома. Миша поспешил за ним, добежал до ворот и заглянул под арку. Там никого не было. Сквозь арку за домом виднелся пустырь. Из здания под арку с обеих сторон выходили двери.

Не обращая внимания на все нарастающий обстрел, Миша вышел на улицу и поискал номер дома. Его не оказалось. Судя по всему, дом был ещё не достроен, хотя леса и сняты. Миша заволновался и снова вернулся под арку. Распахнул одну из дверей, заглянул внутрь. Справа наверх вела лестница, но везде лежали кучи строительного мусора, и вряд ли кто-нибудь здесь жил. Миша заглянул в противоположную дверь. Та же картина. Мужчина словно сквозь землю провалился.

— Тьфу ты, дьявол! — выругался Миша, не зная, что делать дальше. Майор в таких случаях советовал не пороть горячку, а спокойно обдумать создавшееся положение. «Если он здесь живёт, то уже хорошо, что я знаю дом. Если же он тут только спрятался от обстрела, так я об этом узнаю», — решил Миша и перешёл на другую сторону улицы, откуда он мог наблюдать за фасадом дома.

Артиллерийская стрельба ещё более ожесточилась. В ответ заговорили советские пушки, и минут через двадцать огонь немецких батарей был подавлен. Наступила тишина. Миша насторожился.

Укрывшиеся от артобстрела пассажиры возвращались к трамваю. Сейчас должен выйти из укрытия и мужчина в сером пальто. Прошло три минуты, пять минут. Трамвай звякнул и тронулся. Мужчина не появился...

Миша устроился за грудой камней и терпеливо ждал, наблюдая за воротами недостроенного дома.

Время тянулось медленно. С большими перерывами прошли ещё два трамвая... С грозным скрежетом, содрогая землю, к фронту

промчался тяжёлый танк с длинной пушкой, торчащей из башни. Навстречу с пронзительным воем сирены пронёсся санитарный автобус... Прошёл одинокий пешеход... Незнакомец в сером пальто все не появлялся...

Надо было что-то предпринять, и Миша вышел из-за своего укрытия.

5. ВЕЧЕР НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Осенью 1942 года ленинградцы могли уже считать, что страшный голод никогда больше не повторится. Рационное питание в столовых вернуло силы и восстановило здоровье. Аскорбиновая кислота, витамин С во всех видах, свежие овощи вылечили от цинги. И все-таки в эти дни ещё можно было встретить истощённых людей.

Такого человека встретил Миша, продолжая наблюдать за домом. Миша сидел на брёвнах, когда высокий тощий человек медленно подошёл и устало опустился на бревно.

— Последняя станция. Месяца через два и её надо проходить без остановки, — требовательно сам себе сказал человек и осторожно поставил около себя сумочку с бидончиком и с какими-то аккуратно завязанными пакетиками.

Худая шея, острые скулы, провалившиеся щеки человека напомнили Мише минувшую голодную зиму.

— Дядя, а вы не знаете точно, сколько сейчас времени? — спросил Миша, продолжая наблюдать за воротами, в которых скрылся мужчина в сером пальто.

Человек недружелюбно посмотрел на Мишу.

— Точно не знаю. Часов нет. А зачем тебе точное время?

Миша промолчал. Человек жёстким тоном добавил:

— Болтаться без дела в твоём возрасте сейчас стыдно.

— Я работаю, дяденька. Я просто жду здесь одного человека...

— А дома кто есть?

— Нет. Один теперь остался. На корабле работаю. Там и живу.

Человек задумался. Потом уже мягко сказал:

— Сколько сейчас таких, без отца и матери. Душа болит, глядя на вас. Смотри не отбивайся от людей, от работы... Пропадёшь...

— Вы, дядя, плохо обо мне не думайте. Я не пропаду. Сам работаю и о сестрёнке забочусь! — гордо сказал Миша.

Человек осторожно достал из сумочки пакетик и развернул. Там оказался хлебный паёк, аккуратно порезанный на тонкие ломтики.

— Хочешь кусочек?

— Нет, дяденька, нет. Я скоро ужинать буду, — торопливо ответил Миша, — Меня кормят хорошо. Я на котловом питании.

— На котловом — это хорошо, — согласился человек и снова бережно завернул пакет.

— Дядя, а вы здешний? — спросил Миша. — Какой там завод?

— Там «Электросила».

— А она работает?

— А как же.

— А на другой стороне, у моста?.. Большой такой дом.

— Это райсовет.

Теперь Миша ориентировался в незнакомом районе и мог легко найти или описать местоположение дома, за которым наблюдал.

— Дядя, а в ту сторону далеко можно ходить?

— У моста пограничный пост. Нужен пропуск.

— Там уже фронт?

— Фронт за Мясокомбинатом. Ну, парень, мне надо двигаться. Теперь уже до дома, без остановки. Миша остался один. Темнело. Необходимо было сообщить майору, где он находится, и Миша отправился искать телефон.

Около здания районного Совета всех пассажиров из трамвая высаживали. Имеющие право ехать дальше подходили к железнодорожному мосту, предъявляли пропуски и потом садились в тот же самый трамвай, подъезжавший к воротам, и отправлялись дальше.

Около пограничной будки собралась группа людей. Все они были в замасленной прозодежде и, видимо, ехали на работу. Командир-пограничник проверял пропуски и, возвращая их владельцам, делал знак рукой красноармейцу, стоявшему у калитки. Эта калитка зеленого цвета, как и весь хрупкий палисадник, загораживающий дорогу, вероятно, была взята от какого-то дома. К палисаднику с обеих сторон примыкали проволочные заграждения.

Около пограничника стояла старуха.

— Пропусти, товарищ, — просила она.

— Нечего тебе там делать, бабка. Там фронт.

— У меня дочка там работает.
— Да где она работает? В трампарке, что ли?
— Нет. В антелерии. Пограничник улыбнулся.
— Там, бабка, артиллерии много. Где ты её найдёшь?
— Найду, голубчик. Пропусти, пожалуйста.
— Нельзя, бабка. Пропуск надо. А что она в артиллерии делает?
— В санитарном лазарете работает. Две недели дома не была. Не подранили ли её фашисты проклятые?.. Сердце болит.
— Не могу я пропустить. Ты сначала узнай, в какой части она работает, и пропуск хлопочи.

В это время с трамвайной остановки подошла новая группа людей, и бабка отошла в сторону, терпеливо ожидая, когда пограничник освободится.

Миша свернул к большому, недавно построенному дому.

Здание районного Совета, как и все ленинградские дома в те дни, снаружи казалось необитаемым, но, войдя внутрь, мальчик увидел в коридоре людей. В первой комнате, куда он вошёл, за столом сидела девушка в ватнике, а перед ней стоял телефон.

— Разрешите позвонить. Мне надо по очень важному делу, — вежливо обратился к ней Миша.

Девушка подозрительно посмотрела на него и неприветливо сказала:

— По этому телефону звонить нельзя, это дежурный. Иди в соседнюю комнату.

В соседней комнате никого не оказалось. Миша закрыл за собой дверь, снял трубку и набрал номер. Они условились с майором, что если придётся звонить, то нужно называть его «дядя Ваня», но, когда он услышал знакомый голос, растерялся, не решаясь обращаться так запросто.

— Алло! Это вы? Алло! Алло!

— Ну, слушаю. Кого нужно?

— Это Михаил Алексеев говорит.

— Понял, племянничек нашёлся. Где ты находишься?

— Я из райсовета звоню.

— Какого района?

— Не знаю. Знаю, что на тройке приехал. Тут фронт близко. Пограничники пропуска проверяют. Завод «Электросила» недалеко.

— Московский райсовет. Дальше. — Вам Васька звонил? — Звонил. Где тот человек, за которым ты уехал?

— Спрятался от обстрела в один дом и пропал. Или не выходит, что ли.

— Дом ты запомнил?

— Запомнил. Там никто не живёт. Я все время смотрел. А сейчас темно стало.

— Ну, молодец. Сделаем так: жди около райсовета, я скоро приеду.

— Есть! — обрадовался Миша и повесил трубку. Поблагодарив девушку за разрешение позвонить, он вышел на улицу. Уже смеркалось, и на небе появились первые звезды. Миша прошёл к трамвайной остановке, но, сообразив, что Иван Васильевич может приехать на машине, вернулся назад и сел на крыльцо. Когда шум трамвая затихал и поблизости не пробегали автомобили, Миша слышал выстрелы винтовок и пулемётные очереди с передовой линии.

С дороги свернула гружёная ручная тележка, которую с трудом толкали две женщины.

— Иди, Маруся, я покараулю, — сказала одна. Вторая ушла внутрь дома и скоро вернулась в сопровождении трех женщин и мужчины.

— Ну, доехали благополучно? Тут в ящике у вас что? — спросил мужчина.

— Тут макароны, Семён Петрович.

— Давайте разгружать. По накладной все получили?

— Почти все.

Из разговора Миша понял, что женщины привезли продукты для райсоветовской столовой. В эти дни не хватало транспорта, и работники столовой своими силами, на тележках, возили все необходимые продукты.

Очень хотелось есть, и Миша пожалел, что постеснялся сказать об этом майору. По опыту он знал, что скоро это мучительное чувство притупится и лучше всего не думать про еду. Полубессонная ночь тоже давала себя знать, и, несмотря на свежий воздух, глаза слипались.

— Тележку, Таня, поставьте около кухни. Завтра утром на хлебозавод машина пойдёт, — сказал мужской голос.

Было что-то знакомое во всей фигуре этого человека. Где-то Миша видел его. Мальчик лениво встал и без всякой цели подошёл к двери, куда уносили привезённые продукты. У двери, держа её ногой, стояла девушка.

— Тебе чего надо? — спросила она Мишу.

— Ничего, — буркнул он в ответ и, заложив руки в карманы, молча стал наблюдать за проходящими.

Мужчина шёл последним и задержался в дверях.

— Пошлите ко мне раздатчицу, — сказал он девушке.

За дверью слабо горела синяя лампочка, но и этого света оказалось достаточно, чтобы разглядеть мужчину. Миша остолбенел, — в двух шагах от него стоял тот, за кем он приехал сюда из Старой Деревни и кого так упорно ждал около недостроенного дома.

Когда все ушли внутрь помещения, Миша направился следом за ними, но остановился у дверей. «Нет! — подумал он. — Зачем? Теперь я знаю, что он тут работает и, значит, никуда не уйдёт», Не в силах сдержать своего волнения, Миша сошёл вниз и стал ходить взад и вперёд перед подъездом здания районного Совета, с нетерпением поглядывая в сторону трамваев и проходящих машин.

«Как он ушёл незаметно из дома? — думал мальчик. — Хорош был бы я, если бы ждал его там».

Время шло медленно, но наконец пришла машина, и из неё вышел майор. Миша сразу узнал его по походке и бросился навстречу.

— Иван Васильевич!

— А почему не дядя Ваня? Привыкай. Замёрз?

— Послушайте, что я скажу вам, — взволнованно перебил мальчик. — Он тут. В столовой. Директором работает.

— Вот как... Идём за мной.

Они вернулись к автомобилю, и майор открыл дверцу.

— Бураков, пересядьте, — коротко приказал он.

Бураков, приехавший вместе с начальником, уступил место Мише, пересев к шофёру. Майор сел рядом с мальчиком и захлопнул дверцу.

— Рассказывай все по порядку, — сказал майор.

Миша обстоятельно доложил обо всем, вплоть до того, как неожиданно увидел мужчину в сером пальто при свете синей лампы.

— Так, — задумчиво произнёс майор, когда мальчик кончил рассказ. — Молодец. А ты не ошибся? В темноте можно было его принять за другого...

— Он... честное слово, он, — горячо сказал Миша.

— Сейчас мы проверим. Ты, наверно, хочешь есть? Вот тебе закуска, — с этими словами майор передал мальчику пакетик.

— Спасибо. Честно сказать, здорово проголодался.

Пока Миша развёртывал пакет с бутербродами, майор закурил и неторопливо вышел из машины.

— Подожди-ка, дружок, — остановил он Мишу. — Потерпи ещё немного. Я тебя обедом накормлю.

— Да нет... Спасибо, Иван Васильевич. Мне и так хорошо, без обеда.

— Потерпи, потерпи.

Майор захлопнул дверцу и ушёл в райсовет. Горько вздохнув, Миша стал завёртывать еду.

— Есть очень хочется, Миша? — спросил Бураков.

— Понятно, хочется.

— Ну, так ты съешь пару бутербродов, а потом ещё и пообедаешь. Не лопнешь ведь?

— Он не велел.

— Он досыта наедаться не велел, а то обедать не захочешь.

— Нет, уж лучше я потерплю.

— Как хочешь. Обстреливали тут сегодня здорово?

— Здорово. Земля качалась.

— Номер дома, значит, ты не запомнил?

— А номера там и нет. Новый дом.

— Надо было соседние дома посмотреть. Майор вернулся скоро и, открыв дверцу, жестом пригласил Мишу следовать за собой.

— Ну, идём обедать. Я вызову заведующего, а ты смотри внимательно, — сказал он, поднимаясь по ступенькам подъезда.

Теперь Миша понял план майора и с бьющимся сердцем шёл за ним по коридору. Ему почему-то казалось, что он не узнает «того».

Они пришли в столовую. Большинство столов были составлены один на другой, стулья сдвинуты в конец зала. Видимо, предполагалось мытьё полов. За буфетом, при свете опущенной до стойки лампочки, сидела женщина, наклеивая талоны на листы,

вырванные из какой-то книжки. Кроме неё, в глубине зала за одним из столов неподвижно сидел человек в странной позе.

Майор подошёл к стойке.

— Вызовите, пожалуйста, заведующего, — сказал он.

Буфетчица подняла голову, прищурившись, посмотрела на позднего посетителя и сердито спросила:

— Зачем вам его?

— Нужно.

— Ни днём ни ночью покоя нет, — проворчала она, но, открыв находившуюся за стойкой дверь, крикнула: — Семён Петрович! Вас требуют.

Пока майор разговаривал с буфетчицей, Миша разглядывал сидевшего в глубине зала человека. Навалившись грудью на стол, он крепко спал. Шапка его была сдвинута набок, голова лежала на руках, а ноги широко расставлены. «Неужели пьяный?» — подумал мальчик. Он заметил, что майор тоже мельком взглянул на спящего и отвернулся.

Минут через пять вышел мужчина, черты лица которого мальчик запомнил на всю жизнь.

— Что вам надо? — спросил мужчина.

— Мне заведующий нужен.

— Заведующего нет. Я замещаю.

— А это все равно, — сказал майор, протягивая листок бумаги. — Вот вам записка от начальника штаба.

Мужчина прочитал записку, равнодушно передал её буфетчице и ткнул пальцем в сторону стола.

— Садитесь за дежурный стол. Сейчас накормим. Только кухня уже не работает, разогревать не на чем.

— Неважно.

Ждать пришлось долго, пока принесли в тарелках суп. Обед полагался без хлеба, но Миша приберёт все бутерброды и теперь поделился ими с «дядей Ваней». При электрическом свете он разглядел, как был одет майор. Короткая ватная куртка, тёмные брюки, засунутые в простые сапоги, защитного цвета фуражка. Мише было очень приятно сидеть с ним за одним столом и хлебать холодный, невкусный суп. Он ждал вопроса. Когда буфетчица, собрав листочки, вышла из зала, майор тихо спросил:

— Тот?

— Он самый, — так же тихо ответил мальчик. Суп свой Миша съел в два раза быстрее Ивана Васильевича. Оглянувшись на спящего, он, к своему удивлению, увидел широко открытые глаза, пристально уставившиеся на него.

Мише стало не по себе, и он отвёл глаза в сторону.

— Дядя Ваня... а тот смотрит, — прошептал он.

— Пускай смотрит. Пьяный, наверно.

Вернулась буфетчица, забрала ножницы и баночку о горчицей, служившей для приклеивания талонов, и снова ушла.

В это время человек, притворившийся спящим, «проснулся», зевнул и нетвёрдой походкой направился к столу, за которым сидел майор с мальчиком.

Это был новый сюрприз, от которого Миша чуть не свалился со стула. В пьяном он узнал человека, который принёс утром в Старую Деревню пакет с картошкой и показывал ребятам немецкие часы.

— Я извиняюсь, товарищ... — заплетающимся языком обратился он к майору. — Сколько сейчас времени?

— Без четверти, — сказал майор, посмотрев на часы.

— Извиняюсь... Я, понимаете ли, уснул тут...

— Пить надо меньше, — сухо бросил Иван Васильевич.

— Я понимаю... извиняюсь. Работа такая... Я, понимаете ли, тут в районе шофёром работаю... я завтра... ну, в общем, немного выпил по случаю... Извиняюсь...

С этими словами шофёр подошёл к столу, ухватился рукой за спинку стула, на котором сидел Иван Васильевич, покачнулся и ловким движением передал ему какую-то бумажку. Миши он, видимо, не стеснялся, потому что после передачи письма щёлкнул его по носу.

— Извиняюсь, это что, ваш сынок будет?

— Племянник, — сухо ответил майор.

— Очень приятно. Симпатичный у вас племянник... Извиняюсь. Надо спать. Утром мне за хлебом ехать.

Шофёр зевнул и медленно поплёлся обратно. Сев на старое место, он долго возился, что-то бормотал, но наконец успокоился и как будто опять заснул.

Мише ещё утром понравился этот коренастый, крепкий человек, а сейчас он просто был в восторге от него. Ни один артист, по его

мнению, не сыграл бы так правдиво роль пьяницы.

Пшённую кашу с крошечными кусочками мяса принёс сам Семён Петрович. Поставив её перед обедающими, он облокотился о стойку буфета и обратился к майору:

— Вы из МПВО, товарищ?

— Да.

— С дежурства?

— Да.

— Нового ничего не слышно? Сталинград ещё держится?

— Кажется, да. Вам здесь, в райсовете, больше известно.

— Ничего нам тут не известно. Бьют немцы из Пушкина в нас — это вот нам известно. Скоро ли это все кончится?

— Скоро ли, не знаю, а кончится обязательно.

— Затягивается война. Наши не сдадутся.

— Да. Привычки такой нет, чтобы сдаваться, — сказал майор, поднимаясь из-за стола. — Простите, я тороплюсь. Поговорим в другой раз. Сколько платить?

Рассчитавшись, они вышли на улицу и сели в машину. Всю дорогу майор молчал и курил. Мише хотелось задать ему несколько вопросов, но он крепко запомнил замечание Николая Васильевича, что никогда ко взрослым не следует обращаться с праздно-любопытными вопросами и не заговаривать первому, пока не спросят.

По пути Мишу завезли на судно.

— Иди спать, Миша. Завтра я заеду к Николаю Васильевичу и увидимся, — сказал на прощанье майор.

6. РАЗГОВОР В ТЕМНОТЕ

Поднимаясь по трапу, Миша услышал окрик:

— Эй! Кто там? Ты, что ли, адмирал?

— Я.

— Шикарно, браток, живёшь. На машине прикатил. Миша промолчал. Его раздражал этот шутливо-покровительственный тон, но как отучить от него машиниста, он не знал. Самое лучшее — отмалчиваться.

— Ты что-то и разговаривать не хочешь?

— Если ты меня все время дураком выставляешь, то говорить нам нечего, — буркнул Миша, направляясь к себе.

— погоди, Миша. Куда торопишься? — дружелюбно сказал машинист, загораживая дорогу. — Давай поговорим по-хорошему. Когда я тебя дураком выставлял?

— Всегда. Зачем ты меня адмиралом зовёшь?

— Да ведь я по-дружески... погоди. Ребята за день натрудились — и спать, я на вахте один. Посидим.

Сысоев сел на бухту каната, вытащил из кармана коробку с табаком и начал крутить из газетной бумаги сигарку. Миша хотел уйти, но почувствовал какую-то новую нотку в голосе машиниста и остался.

— Сложная, брат, штука жизнь... — глухо, со вздохом сказал Сысоев, пристраивая фитиль к кремню и ловко высекая огонь. — Похоже, что я один на всем свете остался... Видел сегодня земляка. Говорит, деревню нашу немцы сожгли, а стариков моих на тот свет отправили... Печальная картина получается.

Сысоев помахал затлевающим фитилём, прикурил толстую сигарку и закашлялся.

— Тьфу! Черт! Першит в горле.

Где-то в ближайшем доме заиграл патефон. Миша вспомнил, как он тоже потерял родителей, и ему стало жаль этого одинокого человека.

— А деревня у нас была хорошая, — продолжал Сысоев, освещая своё лицо огнём сигарки. — На высоком месте, а внизу речка.

Фруктовых садов много, и больше всего вишни... Весной, когда цветут, очень замечательно. Выйдешь вечером на улицу, так, понимаешь, такой аромат нежный... А днём пчелы гудят. И вот, когда все это было, так не ценил. А в плаванье ушёл, да попал за границу, тогда и заскучал. И сейчас... Стоит перед глазами вся деревня в цвету... А в речке у нас раков много. Ты ловил когда-нибудь раков?

— Нет.

— А я много их ловил, когда вроде тебя шпингалетом был. Ночью ловили. Соберёмся компанией, круглых сеток наделаем, на середину лягушку ободранную привяжем и на палках спустим с берега. А потом костёр разведём и сидим кругом, сказки страшные рассказываем. Про домовых, про русалок да про леших. Дураки были, — верили, боялись.

— Ну, а раки? — спросил Миша.

— Чего раки? Раки своё дело делают. Залезут в сетку лягушку сосать, ну и вытащим их на берег — и в ведро с крапивой.

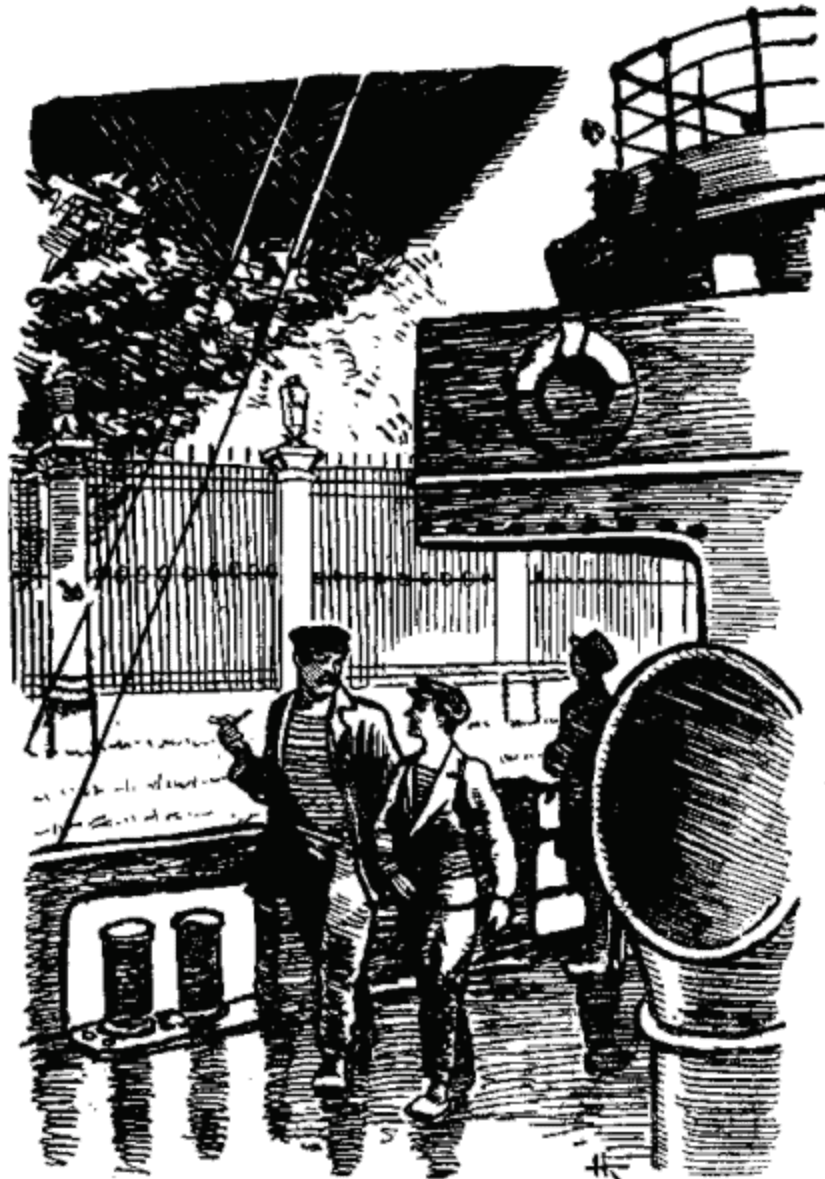
— Зачем с крапивой?

— А в крапиве они живучими бывают. Лучше, чем в воде.

Завыли сирены на военных кораблях, их подхватили гудки заводов, а затем и городское радио объявило тревогу.

— Никак налёт! — сказал Сысоев, поднимаясь с бухты. — Давно не было. Так ты, Миша, на меня не сердись. Я ведь это так...

Они поднялись к рубке и стали наблюдать. Во всех концах города вспыхнули столбы прожекторов, пошарили по небу и исчезли. Где-то очень далеко в небе замелькали жёлтые разрывы зениток. Когда донеслись их хлопки, Миша обратил внимание на то, что патефон по-прежнему играет какой-то вальс.

— Ко всему человек может привыкнуть, — задумчиво сказал машинист, тоже прислушиваясь к музыке. — Воздушная тревога, а им хоть бы что...

— Привыкли. Сколько этих тревог было — не сосчитать.

— Куда ты ездил сегодня? — спросил Сысоев.

— Ездил по делу. У сестрёнки был, дома был...

— Сестра старше тебя?

— Младше. Пять лет.

— Ну-у!.. Маленькая. Привёл бы когда-нибудь. Я люблю маленьких ребят.

— Приведу, если отпустят. Она на лодке хотела покататься.

— Обстрелов она не боится?

— Нет.

— Молодец. Хотя, положим, ребята ничего не боятся. Они же не понимают опасности. Им все нипочём.

Сысоев замолчал, вглядываясь в темноту. Недалеко от них, на набережной, мелькнул огонёк папиросы. Это курил дежурный милиционер, пряча огонь в рукав шинели. Миша думал о Сысоеве. В этом человеке неожиданно открылись новые стороны. Если раньше Мише хотелось унизить Сысоева какой-нибудь шуткой, сделать ему больно, то сейчас он почувствовал в нем человека, который переживает, думает, болеет душой за других.

Скоро тревога кончилась, и Миша спустился к себе в каюту. Раздеваясь и укладываясь спать, он вспомнил пьяного шофёра, встреченного им в столовой. Как попал шофёр из Старой Деревни в столовую Московского райсовета, он не успел понять... Он уснул, едва положив голову на подушку.

На другой день Мишу вызвал к себе старший механик.

— Миша! — сказал он, когда юнга вошёл в каюту. — Брат сейчас очень занят и просил тебе передать, что ты и твои приятели ему пока не нужны. Мы скоро начнём котлы чистить. Это дело для тебя важней. Если тебе нужно предупредить друзей, сходи. Передай от меня привет.

Поблагодарив за разрешение, мальчик сошёл на берег и направился к своему дому.

Погода в этот день стояла на редкость ясная и тихая. Миша давно заметил, что немцы в такую погоду стреляют особенно яростно. Так оно было и сегодня. С утра, вот уже четвёртый раз, над городом бушевал жестокий артиллерийский налёт врага. На этот раз снаряды рвались где-то в районе порта. Снова, как всегда, в ответ заговорили пушки защитников Ленинграда, подавляя батареи противника. Воздух дрожал от этой канонады.

Вася и Стёпа уже давно с нетерпением поджидали своего вожака и сильно огорчились, когда узнали, что задание ими выполнено и нового не предвидится.

Миша подробно рассказал, как он следил за серым пальто до Московского района, как таинственно исчез человек в недостроенном доме. Обо всем остальном он умолчал, но от этого рассказ только выиграл.

Затаив дыхание, волнуясь больше, чем рассказчик, слушали его ребята.

— Знаешь, Миша... Надо этот дом обследовать, — сказал Стёпа после долгого молчания. — Наверно, там что-нибудь есть.

— А что там есть?

— Какой-нибудь подземный ход.

Предположение Стёпы было нелепо, но ребята спорить не стали. Мише до сих пор было неясно, как мог уйти от него мужчина в сером пальто, и хотелось выяснить этот вопрос, а Вася, хотя и был несогласен с предположением о подземном ходе, промолчал потому, что так думать было интересней.

— Давайте поедem, — согласился Миша.

— Сейчас?

— Нет, сейчас я занят. Завтра после обеда, если в порт не поедem, я отпрошусь у старшего механика на берег, а вы приходите на судно к часу дня. Понятно? Батарейки не выдохлись?

— Нет.

— Останемся там до вечера, посмотрим с крыши на фронт. Оттуда хорошо видно.

7. ЛЮСИНО СЧАСТЬЕ

Кошка в детском саду произвела переполох. Даже повариха и судомойка прибежали в канцелярию посмотреть и погладить редкое в дни блокады для Ленинграда животное. Не зная, чем отблагодарить мальчика за подарок, заведующая неожиданно предложила;

— Миша, ты как-то просил отпустить сестру к тебе на корабль. Если хочешь, возьми сейчас.

— Пускай собирается, — охотно согласился мальчик.

Пошли за девочкой. Дети уже слышали о кошке, ждали её, и поэтому Люся категорически отказалась идти к брату на судно. Пришлось уговаривать, соблазнять катаньем на лодке. Через десять минут брат с сестрой вышли на улицу.

По-прежнему было тепло и солнечно. Широкие мостовые сияли. Дворники, в большинстве своём из домашних хозяек, навели необычайную чистоту на улицах города.

Пока шли к трамвайной остановке, Люся с гордостью успела сообщить, что сегодня получила горбушку.

В детском саду при раздаче хлеба из-за горбушек всегда возникали споры, и воспитательница решила давать их за лучшее поведение.

Затем девочка рассказала, что они разучивают песню, вышивают кисеты для раненых героев, защитников Ленинграда, и на праздниках собираются к ним в госпиталь.

В трамвае Миша обратил внимание на то, что девочка сильно выросла и пальто не закрывает даже колен. Это испортило ему настроение. Ему не приходилось раньше задумываться над такими вопросами. Казалось, что еда, питьё, одежда появлялись сами собой. Были случаи, когда он возвращался домой с разорванными штанами или отодранной подмёткой и мать говорила, что к вещам надо относиться бережно, что даром они не даются, но эти замечания проскакивали мимо ушей. Миша знал, что отец даст денег и он будет щеголять в новых ботинках. Он вспомнил случай, когда нарочно порвал надоевшую ему рубаху, чтобы купили новую.

А сейчас Миша смотрел на плохо заштопанные сестренкины чулки и думал: «Пускай у меня будут рваные носки, но у Люси чулки должны быть целые». Ему хотелось, чтобы у единственной сестрёнки было все лучшее и красивое. Как-никак Миша Алексеев, а не кто-нибудь другой несет за это ответственность... И разве он не способен заработать?..

— Вот, Люся, моё судно. Смотри, какой пароход. Я тут механиком буду работать, — сказал мальчик, когда они пришли на место.

Они поднялись на палубу, спустились вниз, зашли в каюту.

Здесь Люся попала в компанию взрослых людей. Недавно была выдача «крокета» — твёрдых, покрытых шоколадом круглых конфет. Команда не успела ещё их съесть, и скоро рот и карманы девочки наполнились этими конфетами.

Особенно суетился и умилялся Сысоев.

— Как тебя зовут?

— Люся.

— Скажи, пожалуйста! Люсей зовут! Ты к нам в гости пришла?

— Да.

— Ну, что ты с ней станешь делать! Какая умная! Все знает. А сколько тебе лет?

— Пять.

— Уже пять... Совсем большая. погоди, я тебе ещё конфетку дам.

Он вытаскивал из-под койки сундучок, крышка которого была оклеена внутри различными картинками, и доставал конфету.

— Держи. Так, значит, как тебя зовут?

— Люся.

— А сколько тебе лет?

— Пять.

— Пять лет... Это надо же!.. Какая толковая! Значит, ты в гости к морякам пришла?

— Да.

Миша снисходительно слушал этот разговор и, когда машинист вручил девочке очередную конфету и снова начал спрашивать, как её зовут, сказал сестре:

— Люсенька, не слушай ты его. Пойдём лучше на лодке кататься.

Путешествие из каюты до лодки девочка совершила на руках у Сысоева. Он вытер скамейку, или, как она называется по-морскому,

«банку», разостлал свою спецовку и усадил на неё девочку. Потом он оттолкнул лодку от берега и махал рукой, пока Люсе не надоело ему отвечать.

Миша грёб вверх по течению, к Литейному мосту. Люся с удивлением поглядывала по сторонам, испытывая новое и, видимо, приятное ощущение.

Выехав на середину Невы, Миша пустил лодку по течению, слегка придерживая её ленивыми взмахами весел. Лодка ему понравилась. Небольшая, лёгкая, послушная.

Вдруг что-то ударило в воду, и вслед за этим метрах в двадцати за кормой поднялся большой столб воды. Миша не растерялся и резко поставил лодку поперёк приближающейся волны.

— Держись, Люся, — сказал он спокойно. — Сейчас качаться будем. Держись за скамейку. Волна идёт.

Девочка послушно взялась руками за спецовку, на которой сидела, но, когда лодку качнуло, она инстинктивно уцепилась за скамейку. Думая, что при катанье на лодке так полагается, она не испугалась.

Второй снаряд упал значительно выше по течению, следующие стали оглушительно рваться на берегу. Люся видела, что брат спокоен, и с любопытством смотрела на разрывы, слегка вздрагивая от грохота.

— Молодец ты у меня, Люсенька, не бойшься... С берега донеслись отчаянные крики. Миша повернул голову и увидел на борту судна Сысоева, показывающего руками, что надо быстрее возвращаться. Но теперь опасность миновала, и Мише стало весело. Он приветливо помахал рукой машинисту и снова начал грести к мосту. Справа за бортом на воде показался небольшой продолговатый белый предмет. Сначала Миша не сообразил, что это такое, но, когда лодка приблизилась, он радостно крикнул:

— Люся! Смотри, рыбка глушенная... Сейчас мы её поймаем. Загребая левым веслом, мальчик повернул лодку и проворно схватил за голову плывущую кверху брюхом рыбу. Это оказалась небольшая плотва.

— Вот какая рыба! — сказал Миша, бросив её на дно лодки. — Смотри ещё, Люся... Смотри кругом.

Миша поднялся на ноги и, не обращая внимания на крики Сысоева и разрывы снарядов на берегу, стал оглядываться по

сторонам: не всплывёт ли ещё где рыба. Скоро он опять увидел белый длинный предмет, так же ловко подъехал и вытащил вторую плотву, значительно крупней. Затем попался небольшой судачок, за ним ещё две плотвы. На уху рыбы хватало, но Миша не мог успокоиться. В нем проснулся азарт охотника.

— Миша, смотри, — сказала Люся.

Мальчик оглянулся и оцепенел. Недалеко от лодки всплыла громадная рыбина. Издав какой-то воинственный крик, смысл которого он и сам не понял, Миша схватился за весла и начал грести.

— Люсенька, ты сиди... Крепко сиди... Мы её поймаем, — говорил он, приближаясь к рыбе. — Держись, сестрёнка! Слышишь... Вот она какая... Как же её в лодку-то втащить? Силы не хватит... Она скользкая... Только бы не ожила... Держись, Люсенька...

В этот момент Миша не помнил себя. Никогда ему не приходилось иметь дела с такой рыбой. Лососка, пуда на полтора весом, оглушённая, но живая, шевелила хвостом и плавниками. Жабры её открывались и закрывались. Если бы Миша схватил её за хвост или плавники, она бы очнулась от прикосновения и ушла в глубину. Однако Миша догадался засунуть руку под жабры и крепко ухватил рыбину. Теперь нужно было втощить её в лодку. Рванись лососка секундой раньше, Миша вылетел бы в воду и наверняка перевернул бы лодку. На Люсино счастье, лососка рванулась вперёд в тот момент, когда, напрягая все силы, мальчик повернул её головой к себе и потянул. Всплеск... Лодка сильно накренилась, зачерпнув воды, и

вместе с этой водой лососка вскочила в лодку. Миша упал, сильно ударился об уключину, но сейчас же перевернулся и грудью придавил свою добычу. Девочка едва удержалась на скамейке и испуганно смотрела на барахтающегося брата... С минуту Миша лежал без движения. Рыба не билась. Он поднял голову и, взглянув на сестрёнку, торжествующе захохотал.

— Наша!.. Попалась!..

Воду выкачивать было некогда, да и нечем. Не замечая того, что он весь мокрый, Миша засунул голову лососки под свою скамейку, сел за весла и начал грести.

— Вот так рыба у нас, Люсенька, — дрожащими от волнения губами говорил мальчик, налегая на весла. — Какая красивая! Смотри, пятнышки на ней разноцветные...

Вдруг лососка взмахнула хвостом и подпрыгнула, ударившись головой о скамейку. Миша бросил весла и сел верхом на рыбину. Она его подбросила раза два и успокоилась.

Удар хвоста пришёлся по Люсе, и она заплакала, не то от боли, не то от испуга.

Миша растерялся, не зная, что делать. Он боялся, что рыба выскочит из лодки. Самым простым выходом было вынуть уключину и ударами по голове оглушить лососку, но мальчик этого не сообразил и сидел верхом на рыбе, пока та не затихла. Затем он снова взялся за весла.

— Не плачь, Люся. Сейчас мы приедем. Берег уже близок.

Берег медленно приближался. Лососка ещё раз попыталась выскочить из лодки, и снова мальчик сел на неё верхом, а Люся расплакалась ещё пуще.

— Я не хочу больше кататься...

— Сейчас, Люся... Не реви. Сейчас приедем.

Наконец они пристали к берегу. Девочка с радостью пошла на руки к Сысоеву, который сейчас же утащил её в каюту.

Мокрый и перемазанный с головы до ног, Миша с гордостью посмотрел кругом. Народу на набережной собралось много. Посыпались всевозможные советы, предложения, просьбы продать рыбу. Только теперь Миша узнал, что он поймал лососку и что её надо оглушить. Он это немедленно сделал вынутой уключиной. Привязав

лодку к канату, мальчик с трудом взвалил лососку на плечо и не торопясь понёс её к себе на судно.

Досадно было, что этого триумфа не видел Николай Васильевич, который, забрав всех, кроме Сысоева, уже уехал на какую-то аварию.

Оставив добычу у себя в каюте, Миша вернулся назад. Раздумывая над тем, что делать с лосоской, он вычерпал из лодки воду, положил на место весла, собрал мелких рыбёшек и пошёл искать сестру. Она сидела в машинном отделении босая, в одном платье и пила чай из большой эмалированной кружки. Все её вещи были развешаны около топившейся печурки. Сысоев, с застывшей на лице улыбкой, сидел напротив и молча следил за каждым движением девочки. С приходом Миши он оживился.

— Что ты наделал, голова, — с упрёком сказал он. — Вся мокрая. Ты её мог утопить.

— Не утопил же. Зато рыбину поймал. Видел какую?

— А плевать я хотел на рыбину. Теперь она с тобой больше никогда не поедет. Люся, ты поедешь с ним ещё кататься? — спросил он девочку.

— Нет.

— Слышал? А со мной поедешь?

— Поеду.

— Ага! Слышал? Теперь тебе полная отставка. На какое-то мгновение в душе мальчика шевельнулось ревнивое чувство, но он не показал этого, а, пожав плечами, подошёл к одежде и начал разглядывать старое пальто.

— Что делать с рыбой? — сказал он. — Отдать в котёл?

— Ты её посоли, на всю зиму хватит. Люсе половину снесёшь, — посоветовал машинист.

— У меня там ещё плотвы несколько штук.

— Ну, а плотву мы зажарим.

— А если на рынок снести?

— Зачем?

— Продать, а на эти деньги Люсе обмундирование купить.

— Вот это верно. Вот молодец! — Сысоев засуетился. — Я и то смотрю: ботинки сносились и пальтишко неважное. Это мы с тобой завтра с утра сделаем. Ты знаешь, за такую рыбу ей можно что хочешь достать. Это уж ты на меня положишься. Сейчас мы это все обмозгуем.

Сысоев торопливо ушёл к себе и через несколько минут вернулся с бумагой, карандашом и десятиметровой рулеткой.

— Садись и пиши, — приказал он Мише. Когда мальчик взял карандаш и устроился за столом, машинист принялся за дело. Измеряя рулеткой Люсю, он сравнивал размеры с развешенной старой одеждой.

— Начнём сначала с ноги. Ботинки... Сейчас мы прикинем, чтобы точно. Ну-ка, Люсенька, дай твою ножку... Четырнадцать с половиной сантиметров... Это надо же!.. Так. А здесь? Шестнадцать... Понятно. Один сантиметр на вырост. Пиши, Миша... Ботинки — тире — нога. Пятнадцать с половиной сантиметров.

Работа оказалась довольно трудной. Мужчины столкнулись со многими сложными вопросами детского туалета. Например, какова должна быть ширина платья у девочки или как узнать размер головного убора, если Миша представлял его в виде капора, а Сысоев думал про пуховый платок для зимы и какую-то соломенную шляпу для будущего лета. Длина платья тоже вызвала спор. Пробовали обращаться за советом к Люсе, но она соглашалась с обоими и ничем помочь не могла.

Тогда её поставили на табуретку, самым тщательным образом измерили всю вдоль и поперёк и записали все размеры на обратной стороне списка намеченных для покупки предметов.

8. НА РЫНКЕ

Как и было условлено, на другой день без четверти час два друга остановились на набережной, против судна. Стёпа вытащил из кармана старый театральный бинокль и, прислонившись к стенке дома, стал разглядывать теплоход. На палубе никаких признаков жизни не было заметно, словно все вымерли. Прождав полчаса, ребята забеспокоились. Обычно Миша никогда не опаздывал и очень сердился, когда это случалось с другими.

— Пойдём спросим, — предложил Вася.

— Выгонят.

— Кто выгонит? Видишь, никого нет. — Дежурный где-нибудь спрятался.

— Ну так что? Вылезет, а мы его и спросим.

— Подождём ещё. Обедает, наверно.

В это время на палубе показалась рослая фигура старшего механика, торопливо направлявшегося к трапу с большим ключом в руках.

— Николай Васильевич, здравствуйте, — радостно встретил его Стёпа.

— А-а, Стёпа! — Старший механик протянул ему руку. — Давно тебя не видел. Как живёшь?

— Хорошо.

— Не ко мне ли пришёл?

— Нет. Мы с Алексеевым условились к часу прийти, а его все нет.

— Опоздал. Я ему разрешил отлучиться.

— А где он?

— На рынок пошёл. Что-то сестрёнке понадобилось купить.

Ребята с недоумением переглянулись.

— А давно он ушёл?

— С утра. Должен скоро вернуться.

— На Мальцевский рынок пошёл? — спросил Вася.

— Вот этого не знаю... Ну, друзья, мне больше некогда, тороплюсь. Заходите в другой раз.

Николай Васильевич ушёл Ребята остались в сильном смущении. Что делать? Ждать ли здесь, или идти на рынок разыскивать друга?..

* * *

Между тем Миша с Сысоевым, положив в сумки от противогазов по большому куску лососки, с утра отправились на рынок искать для Люси необходимое «обмундирование».

Самый крупный в Ленинграде Сытный рынок на Петроградской стороне после обстрелов и прямых попаданий снарядов был закрыт, и первенство перешло к Мальцевскому.

Как только Миша протискался за ограду рынка, он сразу увидел женщину, которая держала в руках подходящие по размеру детские туфли.

— Тётя, сколько они стоят?

Женщина подозрительно посмотрела на мальчика и махнула рукой.

— Ладно... тебе не нужны.

— Не мне. Я сестрёнке хочу купить.

— А что у тебя есть? Я на крупу меняю.

— Крупы нет. У меня рыба есть.

— Какая рыба?

— Свежая. Вот посмотрите.

Миша раскрыл противогаз, и женщина, увидев розовое мясо, заговорила совершенно другим тоном:

— Это что? Кета?

— Это лососина, — пояснил Миша.

— Сколько у тебя тут?

— Можно свешать.

— А ты посмотри, какие туфельки-то! Кожаные, ни разу не ношенные.

Мише никогда не приходилось заниматься обменом на рынке, лососина ему досталась случайно, и он готов был отдать весь кусок за эти туфли.

— Эй, адмирал! — услышал он голос за спиной. — Ты не пропадай. Что нашёл?

— Туфли. Как раз для Люси.

Сысоев внимательно оглядел торговку. Затем с видом знатока взял туфли, выгащил рулетку, смерил подошву, поцарапал ногтем по коже.

— Не то...

— Почему не то?

— Цвет не тот, — сказал Сысоев.

— Самый лучший цвет. Не маркий.

— Для вас он самый лучший, а для нас не годится.

— Но мы уже сговорились...

— Нет, нет, не подходит. Пошли, Михаил. — Он толкнул мальчика в спину и, нагнувшись, тихо сказал:

— Ты не торопись. Надо посмотреть, что тут есть... Они стали ходить по рынку. Детских вещей было много, и цены на них невысокие. Мальчик шёл за машинистом, то и дело дёргая за противогаз, но Сысоев отмахивался, пока наконец не остановился около старухи с детскими ботиночками синего цвета в руках.

— Вот, Миша, это подходящие, — сказал он. Сысоев взял один ботинок и начал внимательно его осматривать.

— Раза три надевала внучка, — сказала старушка.

Машинист искоса взглянул на неё. У старушки были совершенно белые волосы, но молодые ясные глаза с грустным и добрым выражением.

— А большая у вас внучка? — спросил он.

— Шесть лет.

— Это нам подходит.

— Что подходит? — спросила старушка.

— Подходит, говорю, по возрасту, — объяснил машинист. — У меня тоже такая. У вас, мамаша, может быть, ещё вещи имеются, ненужные для внучки?

— Они все ей теперь ненужные, — сказала старушка.

— Почему же ненужные?

— Немцы убили... вместе с матерью.

Всего этого разговора Миша не слышал. Он напряжённо смотрел на высокого худого мужчину, который стоял к нему спиной, около железного столба, подпиравшего навес над рынком. Был момент, когда мужчина повернул голову, и Миша увидел лицо с прямым носом и

тонкими сжатыми губами. К мужчине подошёл франтовато одетый юноша и передал ему противогаз.

— Эй, Миша! На кого ты так уставился? — окликнул его Сысоев.

— Да тут знакомого увидел.

— Мы с бабушкой сговорились на квартиру сходить. Где у тебя список?

Миша достал из кармана бумажник, в котором лежал список Люсиного «обмундирования», и когда раскрыл его, то с фотографии глянуло лицо мужчины с прямым носом и тонкими губами. Он оглянулся. Ни мужчины, ни юноши на месте уже не было. Миша сунул обратно бумажник, быстро снял противогаз и передал его машинисту.

— Держи, Сысоев... Делай, как знаешь. Мне некогда. Важное дело, — торопливо проговорил он и, не дожидаясь ответа, скрылся в толпе.

Сысоев знал самостоятельность юнги, какую-то тайну, связанную с его отпуском на берег, приездом на машине, знакомством с братом механика, и поэтому не удивился стремительному бегству мальчика. Главное, что ему разрешено было действовать по своему усмотрению, а значит, он доведёт «обмундирование» Люси до конца.

Миша бросился искать мужчину. Проталкиваясь через толпу, огибая ларьки, он держал направление к выходу. Здесь ему удалось забраться на решётку и сверху посмотреть на море голов, но это не помогло...

Сосредоточив все своё внимание на физиономии мужчины, он не успел разглядеть, как он был одет, и это сильно затрудняло поиски.

Вдруг чья-то рука тронула Мишу. Он оглянулся и увидел Буракова.

— За мной! — отрывисто скомандовал тот и, не оглядываясь, пошёл к выходу.

— Товарищ Бураков, я нашёл... который на карточке, — попытался рассказать мальчик, пробираясь следом, но Бураков махнул рукой, давая знать, чтобы Миша замолчал.

Энергично лавируя, они быстро двигались вперёд. Около ларьков остановились. Поглядывая по сторонам, Бураков жестом оборвал новую попытку заговорить.

— Я знаю. Слушай внимательно. Следи за мной. Я задержу одного вора и поведу в Отделение. Ты не отставай. В переулке освободи его. Толкни меня посильней и удирай вместе с вором. Постарайся с ним познакомиться. Понимаешь?

— Понимаю.

— Меня зашибить не бойся. Дело важное. Твоя задача — попасть в их компанию и посмотреть, чем они занимаются, кроме воровства. Крадут они хлебные и продовольственные карточки... Вот он... Надеюсь на тебя. Сам соображай.

С последними словами Бураков отвернулся и, сделав несколько шагов в сторону, попал в поток людей, двигавшийся через ворота на улицу. Миша не отставал. Коричневая кепка Буракова была хорошо заметна, и он не боялся потерять его. За воротами Бураков круто свернул в сторону и остановился возле железной загородки. Мишу вынесло на середину мостовой. Здесь было свободно. Бураков временами медленно передвигался вдоль загородки, стараясь не упустить кого-то из виду, но кого именно, — Миша не видел.

Время шло. Они уже обогнули рынок и оказались у входа со стороны улицы Некрасова. Бураков по-прежнему никого не задерживал, но здесь Миша заметил будущего знакомого. Невысокого роста парень стоял около ворот и с независимым видом курил. Чёрные штаны его были запряганы в сапоги, кепка сдвинута на затылок, пёстрый джемпер с застёжкой «молния» красиво выделялся под тёмным пиджаком.

В воротах образовалась пробка. Вор наметил жертву и быстро юркнул в толпу. Миша не видел, что он там делал, но Бураков моментально оказался на месте. В толпе произошло замешательство, раздался женский крик и брань, затем толпа расступилась и Бураков за шиворот вытащил на мостовую извивающегося парня.

— Пусти... — плаксиво кричал тот, садясь на землю. — Чего ты душишь? Больно-о...

Бураков почти на весу крепко держал вора за воротник.

— Оставьте мальчика, — вы делаете ему больно, — заступилась какая-то сердобольная женщина.

— Держи, держи!

— В милицию его отправить, — раздались голоса.

Парень почувствовал, что большинство окружающих людей не на его стороне, и перестал ломаться. Он был опытным вором и сделал ещё одну попытку вырваться. Выбрав подходящий момент, он быстро закружился на одном месте, рассчитывая воротником сдвинуть державшую его руку. Этот приём был известен Буракову, и он тотчас парировал его, подставив навстречу кулак.

— Ну, успокоился! Не вышло? — спросил Бураков, когда тот выпрямился.

Миша замешался среди любопытных. Встретившись взглядом с вором, он подмигнул ему.

Все дальнейшее произошло точно так, как это мысленно представил себе Миша. Бураков повёл вора в отделение милиции. Сначала их провожали некоторые свидетели, но вскоре они отстали. Теперь можно было действовать. Когда Бураков с вором свернули на пустую улицу и поравнялись с разбомблённым домом, Миша сорвался с места, догнал Буракова и с размаху толкнул его в спину. Бураков выпустил вора и упал.

— Удирай! — крикнул Миша и, не оглядываясь, пустился бежать.

Он слышал за спиной топот ног спасённого. На углу улицы остановился и оглянулся. Погони не было. Вор перегнал его, свернул за угол и прижался к стене.

— Ну что? — спросил он, тяжело дыша.

— Никого нет, — ответил Миша. Парень высунулся из-за угла и некоторое время смотрел туда, где упал Бураков.

— Здорово! Ты его финкой стукнул?

— Нет.

— Ну, значит, об камни брякнулся. Не встаёт. Миша подумал, что, может быть, Бураков действительно ударился о камни и разбился.

— Идём...

— погоди, — ответил Миша, не зная, что делать. Оставить Буракова без помощи он не мог. На улице никого не было, и неизвестно, когда появится какой-нибудь прохожий. А если и появится, то может не обратить внимания на лежавшего без движения человека.

К счастью, в это время Бураков зашевелился, пощупал голову, надел упавшую кепку, посмотрел по сторонам и, пошатываясь, отправился назад.

— Теперь учёный, — с руганью сказал парень и захихикал. — Надолго запомнит!

Нового «приятеля» звали Шурка Крендель. Всю дорогу они шли, оживлённо разговаривая, причём вор не мог сказать ни одной фразы без крепкой ругани. Это коробило Мишу, и он, не выдержав, спросил:

— А чего ты ругаешься?

— Как чего? Так... — вор даже растерялся от неожиданного вопроса. — А чего не ругаться? Ты не умеешь, что ли?

— Я почище тебя умею, а зачем? Какой смысл язык поганить? Уж если ругаться, то по делу. Сказал это Миша совершенно спокойно, чем сильно озадачил вора. Видимо, ему никогда в голову не приходило задать себе вопрос: зачем он через каждое слово прибавляет бессмысленное ругательство?

9. ПРОТИВОГАЗЫ

За час до того, как Миша сбил Буракова с ног и освободил Шурку Кренделя, его настоящие друзья в раздумье стояли на набережной, не зная, что делать.

Неожиданно Стёпа расхохотался.

— Ты чего? — спросил Вася, не видя никакой причины для этого смеха.

— Одному ослу справа привязали овёс, а слева сено. Понимаешь? Ну вот он, значит, и не знал, что сначала есть. Хочет с овса, а потом, понимаешь, передумает и решит сначала сено есть и опять передумает... Ну и сдох с голоду. Так и не решил, с чего начать. Вот и мы с тобой. Стоим, как осел, и не знаем, что решить. Пойдём домой, что ли?

— Лучше на рынке поискать.

— Ну, пойдём тогда на рынок.

Они быстро зашагали по набережной. Пройдя Горбатый мостик, свернули на Фонтанку, затем по улице Чайковского вышли на Литейный. Здесь им перерезала дорогу военная колонна с новыми пушками. Молодые красноармейцы с довольной улыбкой поглядывали по сторонам.

— Вот это пушечки! — с восторгом сказал Стёпа. — Эта долбанёт так долбанёт.

— Маленькие.

— Маленькие, да удаленькие. Стволы-то какие длинные! Все пробьёт насквозь.

Ребята первый раз видели подобную технику. Такие пушки, видимо, были новинкой, потому что на довоенных парадах они бы не ускользнули от внимания ребят. Глядя на артиллеристов, захотелось быть самим на их месте, двигаться на фронт и бить врага.

Они пошли по Литейному, рядом с колонной. Новенькие пушки как нельзя лучше действовали на настроение ленинградцев. На лицах встречаемых пешеходов ребята подметили гордые и радостные улыбки.

— ...Я верю в русский народ, Павел Фёдорович, — услышали ребята голос за собой. — Это самый талантливый народ на земле. В

такие короткие сроки мы освоили самую сложную технику. Раньше говорили, что мы можем только землю ковырять, да и то первобытным способом. А теперь? И в воздухе, и на воде, и на земле — везде русские как дома. Простой деревенский парень, который и в городе-то никогда не бывал, — через полгода первоклассный лётчик.

Стёпа оглянулся. Говоривший был мужчина средних лет, в шинели, с портфелем под мышкой и в больших роговых очках. Рядом с ним шагал пожилой человек в штатском, высокий, с длинным носом.

— На колёсах — резина. Все честь честью, — сказал второй. — А ведь они в Ленинграде делались.

— В Ленинграде...

— Лошади сытые и сбруя новая...

— Вы все с хозяйственной точки зрения, Павел Фёдорович...

Из подъезда дома на дорогу выскочили две женщины в домашних блузках.

— Бейте их крепче, товарищи! — крикнула одна и замахала платком.

Ехавший впереди расчёта командир козырнул и, улыбаясь, закивал головой.

В ответ ему замахали пешеходы, а красноармейцы взяли под козырёк.

Около Кирочной ребятам удалось проскочить через улицу в интервале между подразделениями.

У входа на рынок остановились.

— Народу-то сколько! Как тут его найдёшь?

— Найдём. Иди за мной.

Они пошли между ларьками. Очень скоро Стёпа кого-то увидел и схватил приятеля за рукав.

— Стой! — скомандовал он. — Вижу! Вася, думая, что тот увидел Мишу, вертел головой по сторонам.

— Где?..

— Да вон... куда ты смотришь? Смотри прямо... Резинку покупает.

Наконец и Вася увидел человека, черты которого он крепко запомнил по фотографии. Горский стоял около ларька и внимательно разглядывал разложенный на прилавке товар.

— Стёпа, это же Горский, которого мы на огороде караулили, — зашептал Вася.

— А я что говорю...

— Вот здорово!.. Что теперь делать? Надо бы Мишку найти. Знаешь что? Я буду за ним следить, а ты скорей Мишку ищи.

— Не надо. Мы и без Мишки обойдёмся. Вот если «туда» позвонить? Нет. Сделаем так... — горячо зашептал Стёпа. — Будем все записывать. Я читал в какой-то старинной книге про сыщика. Он интересно все записывал... Ты записывай все... Время записывай, что делает, записывай, куда пошёл... А потом все подробно Буракову расскажем.

— Правильно.

— У тебя есть на чем записывать?

— Есть.

— На глазах у него не надо крутиться.

— Отойдём в сторонку.

Они отошли в конец прохода, откуда Горский был хорошо виден.

— Давай записывай. Резинку покупает, — шепнул Стёпа, толкнув приятеля в бок.

Вася достал записную книжку и занёс первое наблюдение. Долго они ходили за Горским на почтительном расстоянии и старательно записывали все, что видели. Степе быстро наскучило это хождение, и он даже пожалел, что предложил такой план, но отступить было уже нельзя. Васю же, наоборот, чем дальше, тем сильнее захватывала эта слежка. От волнения, спешки, сокращений и грубых ошибок записи у

него получались малопонятные. Потом он и сам не мог разобраться, что записал:

«У магаз. см бел. резинку. Не купил. Говор. с хоз. ход».

«Ст. у ворт. Здравал. с женч».

«Ход. Ост. Молка куп. вып стак.»

«Говр. с парнем заст. молния».

И все в таком духе Ребятам уже наскучило ходить за Горским, когда они приблизились к решётке, огораживающей рынок со стороны улицы Некрасова. У выхода что-то случилось. В толпе послышался крик женщины, ругань...

Стёпа поравнялся с высоким человеком, глаза которого горели любопытством и рот был полуоткрыт.

— Что там? — спросил он ротозея.

— Вора поймали. Вон он как крутится.. Ишь ты...

Из-за толпы Стёпа не видел, кто кого поймал, и хотел было протискаться в самую гущу, но в этот момент Вася сердито окрикнул:

— Смотри, уходит... не отставай!

Горский торопливо пробирался вдоль решётки к выходу.

Выбравшись на улицу, ребята остановились.

— Ну, что теперь? — спросил Стёпа, провожая глазами удаляющуюся фигуру.

— Пошли за ним, — мотнув головой, сказал Вася.

— А стоит ли, Вася? — неуверенно спросил Стёпа.

— Ясно. Теперь мы узнаем, где он живёт.

Вася знал, что его друг быстро загорался и так же быстро остывал, а поэтому не обращал внимания на нотки сомнения, появившиеся в его тоне.

— Только ты на него не смотри. Он по своим, а мы по своим делам, — говорил Вася, увлекая за собой приятеля и ускоряя шаги. — Это вредная контра. Миша говорил — хуже ракетчиков.

У Литейного проспекта Горский перешёл на другую сторону улицы и стал на трамвайной остановке. Ребята задержались на углу.

— Трамвая ждёт, — сказал Стёпа.

— Да.

— Ну, а теперь что?

— Посмотрим сейчас. Ты не выпядывай из-за угла. Увидит.

— Может, лучше майору позвонить?

— Сейчас не надо. Потом позвоним.

Подошёл трамвай и закрыл Горского. Вместо стёкол в вагоне была вставлена фанера, и не было видно, что делается с той стороны.

— Смотри по ногам. Уедет, — забеспокоился Вася, приседая на корточки.

— Ничего не видно.

— Уедет... Из-под носа уедет. Сел он?

Трамвай звякнул и тронулся. Горского на остановке не было.

— Так и есть, уехал. Пошли! — крикнул Вася и бросился догонять уходящий трамвай.

К счастью, на повороте была переведена стрелка, трамвай затормозил, и ребята успели вскочить на заднюю площадку.

— Тут он?

— Тут. Вон сидит на поперечной скамейке.

— Осторожно. Не высовывайся.

Проехали Пять углов, Витебский вокзал. У Технологического института Горский перешёл на остановку третьего маршрута. Ребята не отставали.

— Вася! Он туда едет... — начал догадываться Стёпа, когда они вошли следом за Горским в вагон трамвая.

— Ага! Здорово получается. Да ты сядь в угол и отвернись, — сердито пробормотал Вася. — Нельзя крутиться у него на глазах. Сиди, будто не твоё дело.

Догадка ребят оправдалась. По Международному проспекту они приближались к линии фронта. Ехали долго. Переехав Обводный канал, Горский неожиданно покинул вагон. Ребята прозевали и, спохватившись, выскочили из трамвая на ходу. Слева — пустырь, справа — новые дома.

На широком шоссе одиноко стоявшие подростки резко бросались в глаза, и стоило Горскому оплянуть, как он сразу бы заметил их, но им повезло и на это г раз. Недалеко от остановки стояла гружённая сеном военная повозка, за которую они спрятались. Под высокой аркой ворот недостроенного дома Горский остановился, оглянулся по сторонам и ушёл внутрь.

— Стёпа, а ведь это тот самый дом...

— Может быть.

— Если там двери по бокам... значит, он.

Под арку выходили две жёлтые двери, и у ребят никаких сомнений больше не осталось: это был тот самый таинственный дом, о котором говорил Миша.

Дверь оказалась открытой. В коридоре — кучи строительного мусора. Лестница вела наверх и вниз, в подвал.

Затаив дыхание, ребята прислушались. Где-то внизу раздался шорох.

— Слышал?

— Ага! Это он.

— Ну, что теперь?

— А, была не была! — сказал Вася. — Идём.

— Фонарь у тебя где?

— В кармане... Тихо!

На цыпочках они подошли к перилам и медленно начали спускаться в подвал. Слегка задрожала земля от проходившего трамвая, потом загудел грузовик. В подвале было тихо. Осторожно остановились они перед массивной дверью. Сюда ещё проникал дневной свет сверху. Стёпа вопросительно взглянул на друга. У Васи в ответ блеснули глаза, и он махнул приготовленным на всякий случай фонариком.

— Вперёд! — шепнул он и потянул за скобу.

Дверь неожиданно скрипнула, ребята присели и с трудом удержались, чтобы не удрать. Через минуту успокоились, вошли внутрь и словно окунулись в чернила. Под ногами захрустел песок. Ощупью перебирая руками, по сырой стене, они дошли до угла и остановились. Снова слышались какие-то шорохи, справа за стеной, но очень далеко. Сердце у Васи от волнения колотилось, зубы выбивали мелкую дробь, но какая-то сила толкала вперёд, и в полной темноте он продолжал двигаться вдоль стены, увлекая за собой Стёпу. Он понимал, что свет фонаря виден далеко, и, пока они не установили, где находится Горский, решил фонарь не зажигать.

Скоро они дошли до нового поворота. Здесь начиналась поперечная стенка, и в нескольких метрах от угла оказалась дверь, такая же массивная, как и при входе.

Проникнув во второе отделение подвала и сделав несколько шагов, ребята увидели далёкий свет фонарика.

— Он!

Наступая друг другу на ноги, вытянув руки вперёд, они бросились в сторону, наткнулись вытянутыми руками на кирпичную стенку, присели и замерли, прижавшись к стене. Хотелось зарыться головой в песок, спиной вдавиться в холодный кирпич. Они были открыты со всех сторон, и спасти их могла только темнота.

— Это ты виноват... — шепнул Стёпа.

— Тихо!

Прижимаясь друг к другу, они долго сидели не шевелясь. Ноги затекли и онемели. Но вот фонарик, слегка покачиваясь, начал приближаться. Горский освещал себе дорогу и ничем больше не интересовался. «Значит, не услышал». Все громче хрустел песок. Вот Горский откашлялся и сплюнул. А вот и скрылся за дверью, которую с гулом захлопнул. Железо заскрежетало по железу, и все стихло.

— Ушёл...

— Тс-с-с... слушай.

Скрипнула вторая дверь, так напугавшая их при входе.

— Ушёл, — с облегчением заметил Вася. — А я думал, нам крышка... Совсем рядом прошёл. Ты испугался?

— Нет.

— Врёшь! Он мог котлету из нас сделать, если бы увидел.

— А что бы он сделал?

— Что?.. А то... Вынул бы Пистолет — и бах! бах!..

— Ну да...

Зажгли фонарь. Теперь глаза привыкли к темноте и свет казался ярким.

— Только я не понимаю, — чего он там у дверей железной гремел?

Они смело подошли к двери.

— Вот так фунт! — сказал Стёпа, — С той стороны запер.

Все попытки открыть железную дверь ни к чему не привели. С таким же успехом можно было толкаться в каменную стену. Но закрытая дверь не испугала. До сознания сразу не дошла вся серьёзность создавшегося положения.

— Это неважно, — сказал Вася, — Выберемся. Неужели больше выхода нет? Верно?

— Верно.

— Пойдём сначала посмотрим, что он там делал.

Они пошли в конец подвала и сразу обнаружили большой ящик с самыми обыкновенными противогазами, какие носили почти все ленинградцы.

— Вот тебе и на! — разочарованно протянул Стёпа.

— На что ему противогазы? Краденые они, что ли? А много их тут? Давай сосчитаем.

— Зачем?

— Ну, если мы начали записывать каждый шаг, то уж здесь-то и подавно нужно все обследовать и знать. Посмотрим, нет ли чего внизу.

Ребята принялись осторожно выкладывать противогазы, но ничего другого в ящике не нашли.

— Двадцать пять штук, — сказал Стёпа, когда последний противогаз уложили обратно в ящик.

— Давай ещё поищем. Неужели он только за противогазом приходил?

— А он с противогазом отсюда ушёл?

— Не знаю. Не видно было.

— Я тоже не заметил.

Ребята обошли весь подвал вдоль стен, тщательно осмотрели закоулки, но интересного ничего не нашли.

Луч фонарика стал тускнеть.

— Батарея садится, — с тревогой сказал Стёпа. — Пока не поздно, давай выход искать. — Ты видел с улицы окна в подвал?

— Видел. Они чем-то завалены... потуши пока, пускай отдохнёт.

— Дело дрянь получается, — сказал Вася и потушил фонарь.

Ребята остались в полной темноте.

10. НА КВАРТИРЕ У СТАРУШКИ

Когда Миша исчез, Сысоев со старушкой выбрались из толпы и пошли по улице Восстания к Невскому проспекту.

— Вы давно из деревни? — неожиданно спросила она.

— А как вы догадались, что я из деревни? — удивился Сысоев.

— Так мне кажется. Улыбка у вас такая открытая, просторная. Такая улыбка бывает у тех, кто на природе вырос.

— Удивительно точно вы сказали, мамаша. Из деревни я давно уехал, но я все время работаю на природе. Я моряк.

Разговаривая, они незаметно пришли к дому. Поднявшись на второй этаж, старушка открыла ключом дверь, и они вошли в квартиру.

— Проходите, пожалуйста, в комнату. Я сейчас вам все покажу.

Они прошли в большую комнату. Все окна, кроме одного, были забиты фанерой, у печки пристроена «буржуйка», около неё столик, на котором стояла посуда. Стены и потолок почернели от дыма и копоти. Словом, это была обычная для блокадного быта комната ленинградца, прожившего в ней прошедшую зиму.

Сысоев обратил внимание на висевший в углу патронташ и охотничью сумку.

— Кто-то у вас охотой занимался?

— Сын. Ружьё пришлось сдать, а все остальное храню. Да вы садитесь, пожалуйста.

Машинист сел на кресло против большой незаконченной картины. На ней был изображён старик, склонившийся над книжкой, а рядом стояла маленькая девочка.

— Малый старого обучает, — заметил Сысоев.

— Что вы сказали? — переспросила старушка.

— Я говорю, что внучка деда грамоте учит.

— Совершенно верно. Это как раз моя внучка. А картину писал мой младший сын. Так и не закончил.

— Значит, старичок ваш муж?

— Ну, что вы... Это натурщик.

— А как же вы сказали, что это внучка?

— Ну что ж. Галочка позировала ему сама, а старика он писал с натурщика, Старушка открыла шкаф и начала доставать всевозможные детские вещи. Тут были платья, пальто, капор, чулки, туфли, валеночки и даже меховая шубка. Сысоев машинально смотрел на вещи, думая совершенно о другом.

Давно ли в этой квартире жила дружная семья, звенел детский смех... и вот сейчас все сломали фашисты.

— Как вы только справляетесь? Дровишки ведь надо, воду...

— А я на учёте, товарищ. Сын у меня работал на заводе инженером. Комсомольцы этого района организовали бытовую бригаду и все время помогаю г семьям фронтовиков. Чудесная молодёжь! Без них я бы погибла. И дров мне привозят, и окна вот заделали, — объяснила старушка.

— Значит, сын у вас и художник и инженер?

— У меня пять сыновей, товарищ, — с гордостью сказала она.

— А где они живут?

— Всех родине отдала. Трое убиты, а старший и младший воюют. Один лётчиком, а другой танкистом. Ради них и живу. Хочется дождаться победы. Если бы вы знали, с каким нетерпением я жду, когда этих наших мучителей разобьют! Я бы сама пошла на фронт, чтобы плюнуть в их поганую физиономию.

— Ничего, мамаша, справимся и без вас.

— Справимся. Конечно, справимся, — убеждённо сказала старушка. — Силы России никем не измерены и не могут быть измерены. Они безграничны. Если бы враги не напали на нас так коварно, все бы иначе было. Я задерживаю вас, извините, — вдруг спохватилась она.

— Вы хорошие слова говорите, мамаша. Я головой тоже так понимаю, только на словах выразить стесняюсь. Пять сыновей!.. Легко сказать...

— Если бы ещё пять было, всех бы на борьбу послала, — твёрдо сказала старушка.

— В деревне у нас тоже такие есть. По одиннадцать имеют. И все, с родителем в голове пошли.

Минут пять молчали, думая каждый о своём.

— Много слез и крови пролито, — сказал Сысоев.

— Нет. Слезы потом, когда войну кончим. А сейчас слезы в сердце камнем застыли.

— Тоже справедливо. А между прочим, чего я сижу, вас от дела отрываю! Вот, пожалуйста... — Сысоев встал и вытряхнул из обоих противогазов рыбу на стол. Старушка всплеснула руками:

— Куда мне столько?

— Ничего. Посолите и кушайте на здоровье. Лососина свежая, вчера поймали.

— Да как же я с вами рассчитаюсь?

— Знаете что, мамаша, вы отберете сами, что для девочки надо. Это ведь я не для себя. Есть у меня дружок на судне. Тоже сирота. У него сестрёнка. Ну, сами понимаете, обносились, выросла. Самое необходимое, Вам видней, мамаша.

— Да разве у меня столько есть? За эту рыбу можно весь рынок скупить...

— Эх, мамаша! Мало ли что спекулянты накручивают. Они пользуются моментом и готовы с живого человека три шкуры содрать. Мы с вами должны по-человечески... поделиться. У нас рыба есть — кушайте на здоровье, а вы одеждой поделитесь...

— Да забирайте все...

— Зачем все? Самое необходимое.

— Все это мне не нужно сейчас.

— Как это не нужно? Подойдёт критический момент — променяете либо другому кому дадите.

— Но вы посмотрите, сколько рыбы...

— Мамаша, давайте об этом не торговаться, а то как в аристократическом обществе получается: откроют двери и каждый другого ручкой приглашает, — дескать, войдите первым. Я в кино видел.

Это сравнение рассмешило старушку, и она принялась отбирать вещи.

— Что-то вы много накладываете.

— Только самое необходимое. У девочек так полагается, — сказала она.

— Да разве можно столько надеть за раз?

— За раз — нет, а в разное время — да... А скажите, брат этой девочки взрослый?

— Да. Вполне самостоятельный парнишка.

— Сколько же ему лет?

— Пожалуй, лет пятнадцать будет.

— Мальчик ещё, — с грустью сказала старушка. —

Присаживайтесь к столу, сейчас мы чаю выпьем.

— Нет, что вы... Я не хочу, — запротестовал было Сысоев.

— Если вы пришли не как торговец, а как ленинградец, вы ещё посидите и выпьете чашку чая.

Сысоев смутился. Эти слова отрезали всякую попытку нового отказа. Старушка завязала узел с вещами и занялась приготовлением чая.

— Насколько я понимаю, мамаша... — начал Сысоев, но спохватился. — Может быть, вам не нравится, что я так вас называю?

— Почему же? По годам я действительно для вас мать.

— А все же, как вас по имени-отчеству?

— Анна Георгиевна.

— Очень приятно. Так я говорю, что вы, Анна Георгиевна, особенная женщина.

— Ничего во мне особенного нет. Самая обыкновенная, русская...

— Нет. У меня глаз намётан. Вы не иначе как профессорша. Я по всему замечаю. Вы, наверное, все книги прочитали, какие только на свете есть.

— Ну всех не только не прочитать, а не пересчитать, Но кое-что читала. И ребятишек когда-то обучала...

— Нигде не работаете?

— Ошибаетесь. Работаю. В ПВО нашего жакта. — Это не то. Вечера у вас свободные?

— Пока — да.

Сысоев почесал подбородок, что делал в минуты напряжённого размышления. Анна Георгиевна выжидательно посмотрела на него.

— Был у нас разговор среди машинистов: вот кончится война, пойдём в заграничное плавание — хорошо бы к тому времени подзаняться. Старший механик у нас человек сильно занятый, ему с нами некогда возиться.

— Так вы хотите язык изучать?

— Почему язык? — удивился машинист.

— Вы же сказали о заграничном плавании.

— А вы, случаем, не знаете ли язык?

— Знаю.

— Ох, мамаша! Да вы же клад! — обрадовался Сысоев.

— Но я только английский язык знаю.

— Английский. Ол райт! Да чего же лучше? Вот бы вы согласились нам уроки давать! Да вам тогда незачем и на рынок ходить. Кормили бы вас и поили...

— Пожалуйста. Я не знала, что сейчас кто-нибудь об учении думает.

— Очень даже думаем, только работы много. А по вечерам мы можем..

За чаем они оживлённо обсудили так неожиданно родившуюся идею. Сысоев обещал сегодня же договориться со старшим механиком, а на следующей неделе уже начать занятия. Кружок будет маленький, но это, по мнению Анны Георгиевны, даже лучше, — обучение пойдёт успешнее.

Распрощались они как старые знакомые; Сысоев взял под мышку узел и, весело насвистывая, отправился на судно.

11. ЗНАКОМСТВО С ВОРАМИ

Иван Васильевич работал в своём кабинете, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Вошёл Бураков. Он молча подошёл к столу и сел на указанное майором кресло.

— Ну, докладывайте.

— Все сделано как нельзя удачней, товарищ майор. Крендель оказался на рынке, как вы и предполагали. Там же случайно я встретил Алексеева и познакомил их.

— Так. А чего вы хмуритесь? — Кошки на сердце скребут, Иван Васильевич. Отправили мы хорошего парня в болото...

— Бойтесь, что засосёт?

— Нет, не засосёт, но в грязи может перемазаться. Иван Васильевич встал, несколько раз молча прошёлся по кабинету. Затем снова сел за стол и сказал:

— Я думал об этом. Если бы не обстоятельства, если бы не крайняя необходимость, то, конечно, не стоило бы подвергать его такому испытанию. С другой стороны... лучше, если он пройдёт через это болото под нашим наблюдением. Ничего, ничего. Алексей — мальчишка волевой. У него цель в жизни есть, и он сознательно к делу относится.

— Я понимаю, Иван Васильевич, но все-таки неприятно.

— Н-да... Скажите мне, Бураков: если бы у вас был сын в таком возрасте, отправили бы вы его туда?

— Своего сына?

— Да. При этих обстоятельствах. Бураков внимательно посмотрел на начальника и твёрдо сказал:

— Отправил бы... Но я бы ему сначала объяснил и следил бы...

— Следовательно, и сейчас вы должны поступать так, как поступили бы с сыном. Но думаю, что тревога ваша напрасна. Я давно присматриваюсь к нему. Парень падежный.

По набережной Фонтанки привёл Шурка Крендель своего спасителя к Чернышёву мосту. Здесь стоял небольшой старинный дом.

Во двор дома свернул шедший впереди сгорбленный старичок с портфелем.

— Притопали! Ты подожди маленько внизу и подымайся по этой лестнице на третий этаж, — сказал вор.

— А чего ждать? — спросил Миша.

— Дома никого нет, а ключ у меня спрятан.

Перешагнув через лужу у двери, Крендель скрылся в подъезде. Скоро наверху раздался сильный стук, затем звонки. Миша подождал с минуту и начал неторопливо подниматься по лестнице. Стук и звонки повторились. «В чем дело? — подумал он. — И звонит, и стучит, а толку нет».

На площадке третьего этажа было четыре двери. Против правой двери стоял старичок, против левой, расположенной в глубине, — Шурка.

— Ну что?

— Да не открывают. Стучу, стучу, — сказал вор, подмигнув, и выругался.

Миша сразу догадался, что он выжидает, пока уйдёт сосед.

Секунд через десять Крендель снова забарабанил в дверь.

Как назло, старику тоже не открывали. Каждый раз после Шуркиного стука он спокойно дёргал за рукоятку звонка, поднимая за дверь сильный трезвон.

— Уснули они, что ли? — удивлялся старик, то поднимая, то опуская на пол пузатый портфель.

«А что, если у старика ключ тоже спрятан где-нибудь за обшивкой двери и он ждёт, когда Шурке откроют? — подумал Миша. — Так они до ночи простоят».

Крендель снова зло выругался.

— Ай, Шурка! Кого же вы так ругаете? — спросил старик. — Ведь у вас в доме только сестра или мать...

— Вот их и ругаю.

— Это нехорошо. Надо сдерживаться.

— Не учи учёного... — с раздражением сказал вор.

Старик, видимо, знал нрав и воспитание своего соседа и поэтому замолчал.

Снова и снова принимались они стучать и звонить, но двери по-прежнему не открывались.

Сначала Мишу забавляла эта история и он ждал, чем она кончится, но наконец ему надоело и он потянул за рукав Кренделя:

— Идём. Я что-то скажу. Они спустились вниз.

— Вы в одно время со стариком по лестнице поднимались? — спросил Миша.

— Ага. Я догнал его.

— Так я и думал. А теперь я подожду опять внизу, а ты иди открывай. Иди, иди, старику уже открыли.

Через минуту Миша вновь поднялся на третий этаж. У открытой двери его поджидал Крендель.

— Слушай! А как ты узнал, что ему открыли? — спросил он, едва Миша показался на лестнице.

— Химический анализ и алгебра.

— Ты по-русски скажи.

— Он ждал, когда ты уйдёшь, — пояснил мальчик. Квартира, в которой жил Крендель с матерью и сестрой, была небольшая, удобная, но тёмная. Окна выходили в тёмный двор, и даже днём нужно было зажигать свет. Крендель вышел из комнаты. Миша огляделся. Длинная комната была завешана и заставлена всевозможными вещами. В углу стояли три швейные машины, пианино, несколько патефонов, много ненужной мебели. На стенах висели гобелены, ковры, картины. И все это уплотнено до предела, как на складе. Только у входа, около печки, было оставлено немного свободного места.

С чашками в руках вернулся Крендель.

— Садись. Я чай поставил. Матка скоро придёт — и поедим, — сказал он.

Крендель поставил чашки и достал из бокового кармана две продовольственные карточки.

— Сорвалась у меня сегодня одна. А эти здесь. Хотел выбросить, когда схватили, да не успел.

Из дальнейшего разговора Миша выяснил, что сестра Кренделя работала продавщицей в продовольственном магазине и с её помощью воры получали продукты по краденым карточкам. Сестру Кренделя звали Тоня, по фамилии Кукушкина, но среди воров она имела

прозвище — Тося Чинарик. Мать числилась где-то в швейной артели и работала на дому.

— А чьи это вещи? — спросил Миша.

— Матка собирает, — махнув рукой, сказал вор. — Копит, копит зачем-то. Все ей мало. Вот посадят нас с Тоськой, пускай тогда проедает все.

Крендель не договорил. В прихожей раздался стук, и он пошёл открывать дверь.

В этом разговоре, проникнутом благодарностью и доверием к Мише, Крендель не употреблял жаргонных слов, ругался мало, и Миша потерял то напряжённое чувство охотника, с каким пришёл с рынка. Все стало как-то обыкновеннее. Но вот Крендель открыл дверь, и Миша замер. Следом за Кренделем в комнату вошёл тот самый фронт с нахальными глазами, который передал на рынке противогаз Горскому.

— Вот если бы не он, быть мне в уюловке, Жора. Ты его знаешь?

Фронт остановился против Миши и пристально посмотрел ему в глаза.

— Свой? Видел я тебя где-то... На рынке?

— Все может быть, — спокойно ответил Миша.

— Ну, здорово.

Он протянул руку, Миша подал свою и сразу попал в клещи... Но не тут-то было. Миша и раньше был не из слабых, а на судне, в работе со снастями, с инструментом, ещё больше окреп. Через минуту фронт сделался красный как кумач и сдался.

— Стоп! Довольно.

Чтобы не испортить отношений, Миша разжал руку.

— Крепко!.. Что, Жора! Не на того нарвался, ха-ха! — торжествующе захохотал Крендель.

— Сильные у тебя пальцы, — сознался тот, — Не ожидал... Шурка, скоро Чинарик придёт?

— Скоро.

— Я пойду лягу. Ночью не спал.

— Иди.

Они вышли в соседнюю комнату. Миша пересел на диван и откинулся на спинку. С приходом фронта он почувствовал себя настоящим разведчиком. Этот фронт Жора связан со шпионами, — это

он сам видел на рынке. С ним связаны Крендель, Чинарик и ещё какие-то люди, о которых вскользь упоминалось в разговоре.

Вернулся Крендель и рассказал про гостя. Жора — по кличке Брюнет — был сын инженера. Он давно убежал из дома и считался опытным вором, хотя никто из членов шайки не участвовал с ним в «деле». Он был их атаманом и любил окружать себя таинственностью. Никто не знал, где он живёт, сколько ему лет, как его настоящая фамилия, какова его воровская специальность, и даже относительно его национальности мнения членов шайки расходились. Известно было, что он всех старше, образованнее и даже знает иностранные языки. По выражению Кренделя, «котелок у него варил».

Рассказывая об атамане, вор часто запинаясь.

Миша молчал и «мотал на ус» все, что доверчиво выбалтывал ему новый знакомый.

Время бежало незаметно. С темнотой вернулась хозяйка квартиры, Кукушкина, и занялась приготовлением омлета из яичного порошка. Миша старался держать себя непринуждённо, но скромно. Сам молчал, а на вопросы отвечал коротко.

Пришли ещё два вора, по кличке Ваня Ляпа и Лёня Перец. Первый был маленького роста, круглолицый. Он похвастался золотым медальоном в виде сердечка на тонкой золотой цепочке. Такие старинные медальоны, давно вышедшие из моды, с забытыми фотографиями, с локонами волос внутри, во время блокады часто предлагались в обмен на продукты.

Лёня Перец, высокий, худощавый парень с длинными руками, принёс пол-литра разведённого спирта.

Когда омлет был готов, разбудили Брюнета и сели закусывать.

Пришёл ещё один паренёк, по имени Пашка. Из разговора с Кренделем Миша понял, что Пашка ещё не был полноправным членом шайки, но все шло к этому. Пашка работал и учился в ремесленном училище.

— Ну как, Жора? Поиграем сегодня? — спросил Пашка, едва успев поздороваться.

— А долг принёс?

— Принёс.

— Тогда сыграем. Выпей с нами. А ты чего не берёшь? — обратился Брюнет к Мише, видя, что тот отодвинул свой стакан.

Миша покраснел, но твёрдо ответил:

— Я не пью.

— Почему?

— Потому что не нравится.

Этот естественный и правдивый ответ обескуражил атамана.

— А ты пробовал? — спросил Перец.

— Если б не пробовал, не говорил бы.

— А вот и Чинарик! Вовремя!

В представлении Миши это должна была быть изящная, стройная девушка, с бледным лицом, чёрными глазами, завлекавшая на балах богатых мужчин, как это описывалось в старинных романах о разбойниках. На самом деле Тося Чинарик оказалась здоровой, курносой, краснощёкой девицей с широкими скулами, стриженными волосами... Накрашенные губы, толстые руки и ноги...

— За здоровье Чинарика!

— Налейте Тосе!

— Уже пустая, — сказал Перец, перевёртывая бутылку над своим стаканом.

Брюнет взял Мишин стакан и передал пришедшей, Ни слова не говоря, она чокнулась со всеми и одним духом выпила спирт.

— Хвалю за храбрость! — Ай да Чинарик!

С приходом Тоси про Мишу забыли, и он был этим доволен. Получив свою порцию омлета, он сел поглубже на диван и молча наблюдал. Бросалась в глаза нервная напряжённость Пашки. По всему было видно, что тот торопится. Набрав воздух в лёгкие, зажмурившись, он выпил свою порцию, соорудил гримасу и принялся торопливо есть омлет, с нетерпением поглядывая на соседей.

Выпитый алкоголь подействовал быстро. Стало шумно. Говорили наперебой, все разом, хвастаясь своими удачами. Из разговоров Миша понял, что они воровали у ротозеев, у зазевавшихся старух в толпе и в очередях, у неопытных подростков. Украсть у сильного мужчины с риском быть пойманным и избитым они не решались. Но зато подкараулить где-нибудь в пустом переулке и силой отобрать хлебную карточку у ребёнка, посланного в булочную больными или занятыми родителями, — это считалось обычным.

— Ну так что? Сыграем? — спросил атаман, когда все было съедено.

— Сыграем, — оживился Пашка. Крендель достал колоду карт.

— Ты играешь в очко? — спросил он Мишу.

— Играйте, играйте. Я посмотрю, а там будет видно.

— Если денег нет, я одолжу.

— Деньги есть.

Убрали посуду, вытерли на столе, и игра началась.

— Давай долг, — сказал атаман Пашке, пощёлкивая пальцами.

Ремесленник вытащил из кармана толстую пачку денег и дрожащими руками начал отсчитывать свой долг.

— Сколько у тебя тут?

— Сколько ни есть, все мои, — хмуро ответил Пашка, протягивая деньги атаману.

Первым раздавал карты Ваня Ляпа.

— Кто играет? Тося, тебе дать карту? — спросил он.

— Давай. Я для почина, на Шуркино счастье.

— А тебе? — спросил он Мишу.

— Немного поиграю.

Миша прекрасно знал, что азарт опасен, но ни одной секунды не думал, что может быть захвачен им. Во-первых, он не любил картёжной игры, а во-вторых, он здесь по важному делу. Принять участие в игре он решил для того, чтобы не вызвать подозрений. «Проиграю рублей тридцать — пятьдесят, — это полезно для знакомства», — подумал он.

Все играющие держали себя спокойно, кроме Пашки. Ремесленник начал волноваться ещё до игры, а сейчас на него было неприятно смотреть. Закусив губы, с лихорадочно горевшими глазами, бледный, дрожащими пальцами брал он карты. Выиграв, краснел и криво улыбался. Проиграв, бледнел и начинал пересчитывать деньги.

Наблюдая за играющими, Миша начал замечать, что длинноногий вор, по кличке Перец, мало интересовался своей игрой. Он переживал больше за других, мучительно завидуя тем, кто выигрывал, а так как каждый раз кто-нибудь обязательно выигрывал, то Перец страдал от зависти непрерывно.

Игра разгоралась. Ставки делались все крупнее, Пришла опять очередь Пашки.

— Ну как? — спросил атаман.

— А сколько там?

— Сотня.

— Давай на все!

Брюнет широким жестом начал выбрасывать карты. Миша почувствовал вдруг, как его охватило волнение. Ему захотелось, чтобы выиграл этот жалкий, больной от азарта, белокурый парнишка-ремесленник.

— Сейчас я задумал насчёт тебя, — сказал Брюнет, обращаясь к Мише. — Если я выиграю, то, значит, так, а если проиграю, то наоборот.

— А что значит «так»? — спросил Перец, кусая ногти.

— Не твоё дело.

Брюнет открыл карты. Пашка показал свои.

Миша облегчённо вздохнул.

— Что-то мне не везёт, — сказал атаман, передавая карты Мише, но тот передвинул колоду дальше.

— Я так крупно не играю, — сказал он.

Пашка поставил выигранные у атамана сто рублей и роздал карты. Когда он закончил первый круг, в игре оказалось восемьсот рублей.

— Вот везёт! — сказал с завистью Перец. Пашка перетасовал карты, роздал и уже ничего не соображал от волнения. Ему продолжало везти. Во втором круге только Чинарик выиграла пятьдесят рублей. И когда Пашка закончил весь круг, на столе было больше двух тысяч рублей. Он, не считая, совал их в карман. Теперь на него было противно и страшно смотреть. Казалось, что ещё немного — и он сойдёт с ума.

Игра началась ещё крупнее и азартнее. Посторонние разговоры прекратились. Мише стало душно в этой гнилой атмосфере. Хотелось на воздух, на широкий простор Невы. Но он усилием воли подавил в себе желание уйти и снова начал наблюдать, прислушиваясь к замечаниям воров. Он понял, что для Пашки деньги потеряли всякую ценность. С лёгким сердцем вытаскивал тот из кармана крупные бумажки, считая их на штуки. И, словно в отместку за это, счастье ему изменило. Когда снова дошла до него очередь раздавать карты, в кармане нашлось только полтора ста рублей. Пашка бросил их на стол и добавил к ним ещё двести, отложенные зачем-то в боковой карман.

И на этот раз он опять проиграл. Больше денег не было. Пашка нагнулся к Кренделю и шепнул:

— Шура, одолжи.

— Уже продулся? — удивился тот и отсчитал ему пятьсот рублей.

Эти деньги Пашка проиграл за десять минут и снова попросил Кренделя, но тот отказал.

— Ты опять зарываешься, — тихо сказал он.

— Пашка, у тебя денег нет? — спросил атаман, видя, что тот шепчется с соседом. — Возьми у меня.

Пока атаман отсчитывал деньги, Миша решил, что нужно уходить. Ещё немного, и вору, что называется, «разденут» этого простака. Невыносимо было сидеть в этой накуренной комнате, среди подвыпившей компании воров. Противно смотреть на искажённые азартом лица. Мишу начало мутить от отвращения.

Было уже около десяти часов, и он сделал вид, что спохватился.

— Пора, — сказал он поднимаясь. — Надо уходить.

— Куда уходить? Сиди.

— Здесь ночевать я не собираюсь.

— Оставайся. Место найдём.

— Нет.

— Сыграл бы, а если у тебя денег нет, я дам, — предложил Брюнет.

— Нет. Я пойду.

Больше уговаривать не стали, и Миша, наспех попрощавшись, вышел в прихожую.

— Мишка... А где тебя искать? — спросил Крендель, выходя за ним, чтобы закрыть дверь.

— Давай сговоримся.

— На рынке я каждый день бываю.

— Ну, там и встретимся.

— А в случае чего, приходи вечером сюда. Мы каждый день собираемся, в темноте, держась за холодные перила, спустился Миша с лестницы. Выйдя во двор, ступил в лужу и промочил ноги. «Растяпа. Шёл сюда, видел эту лужу и вдруг забыл, — подумал он. — Разнервничался... Разведчик называется».

Выйдя на улицу, Миша глубоко и облегчённо вздохнул...

12. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Миша сделал несколько шагов и остановился. Где-то перед собой он услышал заглушённые рыдания.

Глаза ещё не привыкли к темноте, и мальчик сразу не мог разобраться, откуда исходит этот плач. Присмотревшись, он наконец заметил у водосточной трубы маленькую фигурку какого-то подростка. Закрыв лицо руками, прислонившись к стене, подросток горько всхлипывал.

Миша растерялся. Сам он почти никогда не плакал и по-разному относился к слезам. Когда приходилось встречаться с плачем капризной девочки, у него являлось желание хорошенько поколотить её. Когда кто-нибудь плакал от физической боли — от ушиба, от пореза, — Миша сочувствовал. Были слезы, которые вызывали жалость и желание утешить, помочь. Два раза в своей жизни мальчик видел слезы, которые, как клещи, сжимали сердце. Так плакала дважды мать... И теперь Миша не знал, как поступить.

Рыдания подростка то затихали, то вновь нарастали.

— О чем ты плачешь? — спросил Миша, подходя ближе.

Рыдания прекратились.

— Что у тебя случилось? — снова спросил Миша, трогая фигурку за плечо.

Та резко повернулась к нему и гневно отстранила его руку. Это была худенькая девочка.

— Не тронь! — крикнула она и снова отвернулась.

Не зная, что делать, Миша растерянно оглянулся. На улице темно и пусто. Не слышно ни одного прохожего «Вот дурацкое положение, — подумал он, — уйти, что ли? Какое мне дело до неё?»

Он сделал шаг в сторону, но остановился. После общения с мерзкой и преступной воровской шайкой настоящее человеческое чувство особенно тронуло душу мальчика. Пускай этим чувством было горе.

Тем более он не мог оставить девочку, не узнав, в чем дело. Мише остро захотелось помочь этой строгой худенькой девочке.

— Вы скажите... Я помогу вам, — сказал он, переходя на «вы». Девочка уже не плакала, и только порывистое короткое дыхание выдавало её состояние.

Миша ждал.

— Помочь мне нельзя, — у меня карточки украли. От этих слов у мальчика дух захватило и невольно сжались кулаки.

— Ух, паразиты! — процедил он сквозь зубы.

У девочки снова дрогнули плечи.

— А чего плакать? Слезами не помочь. Как это вы неосторожно? — сказал он ей.

— Сама не знаю. Я недавно спохватилась. Наверно, когда ходила за хлебом.

— Ничего. Как-нибудь проживёте. Теперь не зима.

— Да, конечно... Поголодаю... не умру...

— Сейчас овощи есть. Не так уж страшно, — продолжал утешать Миша.

Девочка достала платок, вытерла лицо и медленно зашагала прочь. Миша пошёл рядом.

— Это когда один, трудно. А если с родными, так ничего. Поделятся.

Она посмотрела ему в лицо, но в темноте разглядела только его строгие глаза.

— Да, когда с родными, — тогда хорошо, — сказала она и отвернулась, чтобы скрыть снова выступившие слезы.

Некоторое время шли молча, чувствуя какую-то неловкость.

— Вы учитесь? — спросила наконец девочка.

— И да и нет. Я работаю, а на работе учусь.

— В ремесленном?

— Нет. Я на судне работаю.

— Вы моряк?

— По названию я моряк, — улыбнувшись, сказал Миша. — А только в море ни разу не ходил.

— Почему?

— Мы на Неве стоим. Вот когда война кончится, тогда поплывём.

А вы учитесь?

— Нет. Я работаю.

— Где?

— В мастерской. Мы ватники для фронта шьём.

— Это важное дело, — серьёзно сказал Миша. — Все равно как и снаряды.

— Да, конечно. После войны тоже учиться поступлю в ветеринарный институт.

— Почему в ветеринарный?

— Потому что я очень люблю животных. Буду их лечить.

Постепенно неловкость исчезла, и они начали чувствовать себя свободнее. В этой девочке была какая-то привлекательная простота, и Мише приятно было говорить с ней. Коснувшись любимой темы, она забыла о своём горе и рассказала, как до войны у неё дружно жили кошка, две белые мыши и две птички.

— А где они сейчас? — спросил Миша.

— Когда нечего стало есть, я птичек выпустила, а кошка и мышки умерли от голода.

— Кошка не съела мышей?

— Нет. Она их любила, как своих детей. Дуся погибла первая. Мышки ещё долго жили, но они так скучали без Дуси. Наверно, от тоски умерли.

— А я люблю собак, — сказал Миша.

— Да. Собаки самые умные и преданные...

Разговаривая, дошли до перекрёстка, и девочка остановилась.

— До свиданья. Я сюда.

— Я вас провожу.

Они свернули и тем же медленным шагом пошли вдоль улицы.

— А как вас зовут?

— Елена. А вас?

— Михаил.

— У меня был чижик, звали Мишкой. Пел замечательно. Но ужасный был забияка...

Миша не отозвался, смущённый, что чижик-забияка оказался его тёзкой.

— Лена, а вам дома не попадёт за карточки? — спросил он через минуту.

— У меня никого нет.

— Как никого?

— Папа на фронте, а мама и бабушка умерли зимой.

У Миши сжалось сердце. Вот почему она так горько плакала...
Остаться без карточек в таком положении...

— Ну, а родные?

— Никого здесь нет, — вздохнула девочка. — Тётка живёт в Курске, а больше никого.

— Как же вы будете без карточек?

— Не знаю. Что-нибудь придумаю. Да мне немного и надо.

— Огород у вас есть?

— Нет.

— Как же вы проживёте? Знаете что... я вам помогу. Обязательно! — горячо сказал Миша.

— Ну, что вы! С какой стати? Я вам чужой человек. Вы меня первый раз видите.

— Совсем не чужой, — вырвалось у мальчика. — Мы же ленинградцы. Можете мне не верить, а только даю вам слово...

— Спасибо, Миша. Вы... хороший.

— Где вас можно увидеть?

Лена молчала. Ей было приятно это искреннее сочувствие, но она была уверена, что завтра мальчик забудет про неё...

В это же время по набережной шагал Пашка Леонов.

— Пропал, Пашка! Ни за что пропал!.. Последний ты теперь подлец. Ох, батя, худо мне! Погубили твоего Пашку. На веки вечные... — бормотал он, размахивая руками.

Во рту держался противный привкус от выпитой водки, в горле першило от табаку. Жалко было проигранных денег, жалко самого себя, злоба сменилась отчаянием. Что теперь делать? Деньги все проиграны, и снова он должен Брюнету тысячу рублей.

Свежий воздух постепенно прояснял его мысли.

Как же это случилось, что он в такой короткий срок проиграл все свои сбережения и стал вором? Неделю-две тому назад он ходил радостный и счастливый. Что бы он ни задумал, все выходило как нельзя лучше. Немного усилий, труда, сообразительности, и Пашка всегда оказывался на первом месте.

Вспомнилась деревня, родной дом. Давно ли он бегал в школу, строил весной в канавах мельницы, а потом, когда организовали МТС, пропадал целыми днями с трактористами! Смышлёный мальчишка быстро научился управлять машиной, и в обеденный перерыв ему

доверяли даже пахать. Все говорили, что он «толковый», и отец отправил его в ремесленное училище. Город понравился Пашке. Он быстро освоился, быстро догнал и перегнал в учёбе свой класс, и все хорошо относились к этому способному деревенскому пареньку...

Сунув руку в карман, Пашка нащупал что-то холодное. Самодельный ключ его работы. Теперь он больше не нужен. Мальчик размахнулся и бросил его далеко в Фонтанку. Слышно было, как булькнул ключ, унося на дно тайну Пашкиного преступления.

Ключ напомнил Пашке о кладовщике училища Степане Степановиче. Ребята звали его Стакан Стаканович. К Пашке старик относился особенно хорошо и не раз ему говорил, что он способный парень и из него выйдет толк.

Теперь Пашка проклинал Брюнета, Кренделя... Это они втянули его в игру. Они погубили Пашку... «Вот и Мишку они хотели сегодня обыграть... Но с Мишкой они ничего не сделают. У него другой характер. Как он обрезал! Сказал

— конец! — и ушёл. Брюнет ему денег давал в долг, а он не взял. Вот это парень!» — подумал Пашка и пожалел, что он не вышел вместе с ним и не познакомился как следует.

Впереди вспыхнул и погас огонёк. Там были люди. Пашка ускорил шаги и достал папиросу. Какая-то сила толкала его вперёд. Хотелось скорее отряхнуться от грязи. Хотелось быть среди хороших людей с чистой совестью...

— Эй, паренёк! Одолжи закурить, — окрикнул мужской голос.

Пашка остановился. Синяя лампочка под воротами соседнего дома слабо освещала военный грузовик. Около него копошился водитель, что-то исправляя, а на машине сидел бородатый солдат.

— А у тебя огонь есть? — спросил Пашка, подходя к машине и протягивая солдату папиросу.

— Найдём. Вот спасибо, малый... Весь день не курил.

— А ты куда едешь, дядя?

— Приехали вот в город Ленинград с фронта.

— С финского?

— Точно.

Солдат зажгёт спичку, прикурил и дал прикурить Пашке.

— У нас в батальоне два таких же пострела, вроде тебя...

— А что они делают?

— Дела на фронте хватает... Разведчики. Один с отцом вместе воюет, а второй приبلудный.

Помолчали. Пашке не хотелось отходить от солдата. В голосе его услышал он родные деревенские нотки.

— Дядя, а что такое совесть? — неожиданно спросил мальчик.

Солдат ответил не сразу.

— Совесть? Вот, скажем, у тебя есть мать?

— Ну, так что?

— Вот, скажем, велит тебе фашист родную мать застрелить, чтобы себе жизнь спасти. Если совести у тебя нет, ты застрелишь...

— А если не мать, а другого человека?

— А это — какой человек... Тут тебе твоя совесть в аккурат и подскажет. Врага стреляй, а друга грудью заслони. Или вот, скажем, предатель, кто против своих пошёл. У того тоже совести нет...

Солдат не успел досказать. Шофёр зашёл в кабину. и машина начала фырчать. Пашка вернулся на тротуар. Его не удовлетворило объяснение солдата. В представлении мальчика совесть была чем-то более мелким, обыденным. Вот, например, он начал воровать, — есть у него совесть или нет? А если нет, если он её потерял, то навсегда или снова может её найти? Пашке казалось, что стоит ему бросить игру в карты, разнакомиться с ворами, и все станет на своё место и, наверное, совесть вернётся к нему обратно. И это никогда не поздно.

Грузовик зафырчал, несколько раз громко хлопнул, выбрасывая из трубы огонь, и уехал. Снова тишина.

Пашка стоял неподвижно, забыв, что приближается одиннадцать часов и надо торопиться. Ровно в одиннадцать движение по городу прекращалось, и всех опоздавших не имеющих ночных пропусков, патрули забирали в отделение милиции, где они и сидели до пяти часов утра.

Какое-то отупение охватило Пашку. Очнулся он, услышав быстро приближающиеся шаги...

— Мишка, ты?

Миша остановился. В первую секунду он удивился, узнав Пашку.

— Ты домой?

— Ага.

— Идём скорей, а не то заберут.

— Мне наплевать. Пускай хоть повесят, — мрачно сказал Пашка. — Хочешь папиросу?

— Я не курю. Идём, идём.

Они пошли по безлюдной набережной.

— Проиграл? — спросил Миша.

— Все продул. Ободрали, как липку. Мишка, давай вместе воровать. Я бы с тобой не боялся.

Миша молчал. Он только что простился с Леной, узнал адрес мастерской и думал о том, как приятно будет помочь этой славной девочке. От этих мыслей на душе у Миши было тепло. И вдруг такая встреча. Но делать нечего, приходится разговаривать. Ведь он разведчик...

— А ты давно воруеть? — небрежно спросил он.

— Нет.

— Какой же ты мне помощник? Сразу и попадёшься. Посадят тебя в тюрьму, и меня выдашь.

— Нет... я буду молчать.

— Ты лучше скажи, где деньги достал?

— Украл.

— У кого украл?

— Ключ сделал от кладовой и мясо украл у Стакан Стаканыча.

— А кто это такой?

Пашка рассказал о кладовщике, сознавшись, что тот хорошо к нему относился. И он, воспользовавшись доверием старика, смастерил второй ключ, Миша слушал без злобы. Почему-то ему было жаль этого простодушного на вид паренька, чем-то сильно похожего на Сысоева.

— Я могу всякий ключ сделать, — похвастался Пашка. — Не отличишь.

— Подумаешь, ключ! А ты подумал о том, что теперь тебя в тюрьму посадят?

— Никто и не узнает.

— Сразу узнают. Пришлют собаку, она обнюхает следы — и готово.

— Ну да! — испуганно сказал Пашка, останавливаясь.

— А ты как думал?.. Мы таких дураков только и ловим. Обыгрываем в карты, пока не посадят. Это же все нарочно

подстроено...

— А если я вас обыграю...

— Не обыграешь.

— А вот обыграю. Достану ещё денег и всех обыграю.

Миша понял, что задел самолюбие упрямого парня и, кажется, все испортил.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Почему?

— Потому что ты дурак.

— Ну, ладно... посмотрим, какой я дурак, — со злостью; сказал Пашка и замолчал.

Миша напряжённо думал, как исправить ошибку, и наконец блестящая мысль осенила его.

— А ты про Ваську Панфилова слышал?

— Нет.

— Которого в Фонтанке утопили? — Кто утопил?

— Вот тебе и кто!

— Скажи, Миша.

— Разболтаешь.

— Я разболтаю? Да я как могила! Да провалиться мне сквозь землю, если кому скажу!

— Ну, а если скажешь, сам будешь в Фонтанке, — сказал Миша и, выдержав паузу, продолжал: — Был такой, вроде тебя, Стёпка Панфилов.

— А ты говорил Васька...

— Васькой его воры звали. Прозвище у него было Васька Кот. А на самом деле его Степаном звали, — нашёлся Миша. — Вот любил в карты играть? А нашим только того и надо. Обыграли его раз, другой, а он все не унимается. Ворует деньги, часы, все, что под руку попадёт, и проигрывает. Один раз много денег принёс и давай играть. Всех обыграл. Брюнета, и Кренделя, и всех.

— А тебя?

— Меня тогда не было. Да я не люблю с нашими играть.

— Ну, а дальше?

— А дальше — финку ему в бок и в Фонтанку.

— А деньги? — спросил со страхом Пашка.

— Деньги взяли и поделили. Понял? Я тебе сказал про Панфилова потому, что теперь твоя очередь.

Миша чувствовал, что его выдумка попала в цель. Пашка усиленно засопел носом.

— Только ты не забудь, — предупредил Миша. — Если кому-нибудь скажешь, сразу в Фонтанку угодишь.

— Я не скажу, честное слово, не скажу... — Честное слово? Дёшево стоит. Если бы ты честный был. Я и так верю.

В это время радио заиграло «Интернационал».

— Уже одиннадцать — испугался Пашка. — Ещё в милицию попаду...

Они шагали вдоль решётки Летнего сада. Вот и силуэт судна.

— А тебе далеко? — спросил Миша.

— Нет. Мост перейти.

— Ну, будь здоров. Подумай о том, что я сказал.

Миша хлопнул по спине нового знакомого, перебежал дорогу и быстро поднялся по трапу своего корабля.

13. СЕКРЕТ АММИАКА

Часа три бесполезно кружили Вася со Стёпой по подвалу в поисках выхода — его не было: окна завалены снаружи строительным мусором, дверь закрыта. Ребят охватило отчаяние. Фонарик горел совсем плохо. Хотелось есть, и ко всему этому в подвале было сыро и холодно.

— Что же нам делать? — спросил Вася, когда они обшарили весь подвал.

— Ложись спать. Наверно, уже ночь.

— А чего ты злишься?

— А ты чего меня глупости спрашиваешь? В это время раздался глухой подземный удар.

— Обстрел.

За первым ударом сразу последовал второй, третий. Разрывы снарядов, выстрелы пушек учащались, и ребята с надеждой прислушивались к ним.

— Вот бы сюда попал. Пробил бы стенку...

— Ну и обоих нас всмятку.

— Я хотел сказать... и не разорвался бы.

— Все «бы» да «бы»... Давай попробуем окно расчистить. Крайнее окно около ящика, наверно, не очень завалено.

— А ты откуда знаешь?

— Там крупный кирпич торчит.

— Ну что ж, попробуем, — надо же что-то делать. Согреемся за работой.

Зажгли еле светивший фонарик и направились к намеченному окну. Стёпа едва доставал до окна, и после нескольких минут работы Васе пришлось встать на корточки и держать на себе приятеля. Можно было бы подтащить к окну ящик с противогазами, но его решили не трогать, чтобы не вызвать подозрений у врага. Работа закипела. Битый кирпич, извёстка сыпались на Васю, и, несмотря на это, сердца обоих ребят наполнились радостью надежды. Потом Вася сменил Стёпу. Углубление в мусоре увеличивалось. Казалось, что разрывы стали слышнее... Ещё немного, и они выберутся на улицу.

Через полчаса работы, когда оба согрелись и начали весело перекликаться, случился первый обвал. Верхняя часть мусора осела и завалила полуметровый проход-туннель. Стёпа едва успел выдернуть руку, сильно поцарапав пальцы.

— Что такое? — спросил Вася, когда Стёпа поспешно соскочил на пол.

— Все рухнуло.

— Как рухнуло?

— Обвалилось. Руку чуть нехватило. Ну-ка, зажги фонарь.

Вася зажжёт фонарик и поднес к руке друга. Пальцы были в крови.

— Больно?

— Да нет, ерунда. Царапины.

— Что же делать?

— Как что? Продолжать. Знаешь, как пленники, когда к побегу готовились, ногти себе начисто сдирали и то не сдавались, а у меня ещё все целы...

— Да-а... Это только в книжках.

— А вот и не в книжках... Начинай теперь же!

— А сколько рыть? Может быть, гам гора навалена?

— Ну так что? Будем рыть, пока не вылезем. Залезай! Я уже приготовился. Только ты направо не отгребай, а то как раз на голову сыплется. Слышишь?

— Слышу.

Вася ощупью нашёл ставшего на корточки приятеля, забрался ему на спину и, убедившись, что всю работу надо начинать сначала, со вздохом принялся отгребать мусор.

* * *

Когда Миша пришёл на корабль, Николай Васильевич лежал на койке в своей каюте с открытыми глазами и думал. После свидания с братом он не находил себе покоя.

Четыре дня прошло с тех пор, как Иван Васильевич задал ему задачу об аммиаке. Старший механик был сильно занят эти дни, но что бы он ни делал, о чем бы ни думал, в голове крепко сидело слово «аммиак». Это слово неотступно следовало за ним повсюду, и чем

больше он о нем думал, тем дальше уходил от решения загадки, как ему казалось. Не доверяя своим познаниям, он просмотрел много литературы, но это не помогло. «Как могут немцы использовать аммиак для газовой атаки? Этот сравнительно безвредный и очень лёгкий газ. Употребляется он в холодильном деле, и, если его выпустить на воздух, он никакого вреда принести не может».

— Черт бы их побрал с этим аммиаком! — проворчал вслух Николай Васильевич, переворачиваясь на бок.

Откуда-то издали доносился грохот разрывающихся снарядов. В коридоре послышались шаги. Кто-то спустился по трапу и, шаря рукой по стенке, приближался к каюте. Затем раздался стук.

— Можно!

В каюту вошёл Иван Васильевич в штатской одежде.

— Наконец-то! — обрадовался брату механик.

— Ты не спишь?

— Не могу заснуть.

— Лежи, лежи. Я на минутку зашёл. Почему ты не спишь? Обстрел мешает? Это в Московском районе...

— Какой там обстрел? Из-за тебя не сплю. Задал ты мне задачку. Как только ещё не свихнулся!

— Какую задачку?

— Да насчёт аммиака.

— Ну, ну? — заинтересовался майор, усаживаясь около койки. — Что же ты придумал?

Механик подробно изложил все свои соображения и догадки относительно безвредности этого газа.

— Думаю, что тут что-то не так, — добавил он. — Аммиак — это скорей всего шифровка. Условное обозначение какого-то другого газа.

— Нет, Коля, — перебил майор. — Аммиак они аммиаком и называют. Ты не совсем понял задачу и пошёл по неверному пути. Конечно, аммиак безвредный, лёгкий газ, но ведь им такой и нужен, чтобы устроить панику. Это трюк, провокация. Мы все время находимся в боевой готовности, и они хотят использовать нашу насторожённость. Газовая тревога, растерянность в обороне, а тем временем они двинут танки. Если бы немцы применили более устойчивый и вредный газ, то во время штурма они и сами столкнулись бы с ним.

— Тогда в чем же задача?

— Задача в том, как они могут аммиаком создать видимость газовой атаки? Снарядами? В баллонах?.. Но ты не ломай голову. Загадку мы почти раскусили.

— Это секрет?

— Секрет.

Механик сел на койку.

— А насчёт аммиака, действительно... — задумчиво сказал он. — Так просто... В самом деле, зачем им настоящий газ? Именно тут хорош аммиак... И его там очень много... Холодильники в Московском районе... Их там сколько угодно. Молококомбинат, Мясокомбинат... Да, наконец, и в столовых есть компрессоры...

— Алексеев вернулся? — спросил майор.

— Миша? Не знаю. Что-то не видел его сегодня целый день.

— Надо узнать. Пошли кого-нибудь.

— Я схожу сам.

Николай Васильевич спустился в кубрик.

— Алексеев! Алексеев!

Миша выскочил из каюты.

— Я здесь, Николай Васильевич.

— Ага! Ты давно пришёл?

— Да с час...

— Оденься и поднимись ко мне.

— Есть! Миша забежал к себе в каюту, на всякий случай надел кепку, пальто и побегал наверх. У каюты механика, прежде чем открыть дверь, снял кепку.

— Здравствуй, Миша, — приветливо встретил его майор.

Миша от неожиданности растерялся.

— Товарищ майор... вы зачем... то есть вы как сюда попали?

— Пешком пришёл. Говорят, что ты сегодня где-то целый день болтался?

— Было такое дело...

— С ворами познакомился?

— Познакомился.

— Ну и как? (Миша замялся.) Весело было?

— Какое там веселье, — ответил Миша. — Выпили водки...

— И ты пил?

— Нет, я не стал пить.

— Был там высокий парень, по прозвищу Брюнет?

— Так это их атаман!

— А ещё кто был?

Миша перечислил присутствовавших на вечеринке воров, рассказал о встрече на рынке с человеком, знакомым по фотографии, и передал содержание некоторых разговоров о краденых карточках. Судя по выражению Глаз майора, это все его не задевало, интересовало его что-то другое...

— А ты не заметил у них новеньких противогозов? — спросил майор.

— Нет. Хотя знаете что? На рынке Брюнет передал противогоз тому, который на карточке снят, Горскому, — сказал Миша и сразу заметил огонёк в глазах Ивана Васильевича.

— Ну, а дальше?

— А дальше я его не видел.

— Он не приходил туда вечером?

— Нет.

— Ну, а они тебе ничего не предлагали?

— Нет.

— А насчёт немцев или о политике ничего не говорили?

— Нет.

— Ну, а что вы ещё делали?

— В карты играли.

— Ты тоже играл?

— Играл, — сильно смутившись, сказал Миша. Это смущение не ускользнуло от внимания майора.

— Ну и как?

— Проиграл.

— Много проиграл?

— Да нет... рублей пятнадцать, что ли. Я так, для видимости играл, Иван Васильевич.

— Понимаю. А были у тебя ещё с собой деньги?

— Были. У меня рублей двести накоплено.

— Ну, молодец, — похвалил майор. — Я на тебя крепко надеюсь. Сознаюсь, были у нас сомнения. Бураков выражал опасения, что эта компания воров может втянуть тебя в игру, испортить... Но я, Миша, за тебя поручился. Верю и знаю, что ты вполне самостоятельный и крепкий мальчик. Не подведи меня. Самое трудное сделано. Ты установил с этой шайкой связь, но главное впереди. Сейчас нужно добиться того, чтобы они тебе доверяли. Продолжай держаться так же независимо. Ворьё уважает людей, которые не пляшут под дудку таких, как Брюнет, и не боятся их. Брюнет — это подлый и ловкий враг. У него ни совести, ни чести. В карты он проигрывает и выигрывает с расчётом. И займы даёт — тоже. Тут тонкий приём.

— Я ничего такого не заметил.

— А тебе и замечать особенно не надо. Нас интересует он не как картёжник, а как враг... как предатель. К ремесленнику присмотришься. Это жертва. Надо узнать, где он такие деньги достал.

— Ворует.

— Ну, конечно, не заработанные приносит... Ну, ты ещё об этом завтра поговоришь с Бураковым. Он утром зайдёт. Значит, помни:

главное впереди, и будь все время осторожен. Малейшая ошибка, промах, лишнее слово — и все сорвётся.

— Сволочи они, товарищ майор. Иван Васильевич серьёзно сказал:

— Опасные сволочи, Миша. Враги...

— Противно быть около них...

— Понимаю, Миша. Может быть, посылать тебя к ним больше не стоит?

— Что вы, что вы, товарищ майор! Я не боюсь.

— Верно, Миша... Но будь осторожен А теперь иди спать. Утро вечера мудрёнее, как пословица говорит. Миша попрощался и ушёл к себе в кубрик. Как только за ним закрылась дверь, вошёл механик.

— Беспокоит меня эта история, Ваня, — сказал он.

— Какая история?

— Да с Мишей...

— А что?

— Даёшь ему поручения какие-то, наверно опасные. Не попал бы он в беду... Хорошего парня — и вдруг в опасные истории...

— Именно хорошего. Плохого нельзя... Мы ещё не все распутали. В это дело оказались втянутыми воры, мальчишки. Их используют немцы. Со взрослыми они не будут водиться. Поэтому я и послал к ним Мишу.

— Но почему Мишу?

— Потому что он надёжный и умный парень. Сознательно к делу относится. Наблюдательный. С хорошей памятью и со смекалкой. У него есть два приятеля; ребята неплохие, но слишком увлекающиеся, — обязательно перестараяются, пересолят... А здесь, Коля, игра идёт оч-чень серьёзная...

— Я все понимаю, но неужели у тебя нет людей?

— Люди есть, и люди работают. Алексеев делает маленькое дело. Только один узелок развязывает, но этот узелок важный и ответственный. Не беспокойся, Коля, мы с него глаз не спускаем. В обиду не дадим.

14. ТАЙНА ПРОТИВОГАЗА

Иван Васильевич вернулся к себе в кабинет около пяти часов утра и сразу позвонил Буракову.

— Трифонов не вернулся? — спросил он, когда вошёл заспанный помощник.

— Никак нет, товарищ майор. Звонил он часа три тому назад. Сообщил, что последнюю поездку за хлебом делает.

— Больше новостей у вас нет?

— Алексеев благополучно вернулся на судно.

— Алексеева я видел. Надо будет выписать пару часов и завтра утром под расписку передать ему. Пускай он продаст их Брюнету. Ворьё будет думать, что часы краденые. Нужно проинструктировать его основательно.

— Есть!

Бураков вышел. Иван Васильевич сел за стол и начал просматривать документы. За эти несколько дней много было сделано.

Теперь он был уверен, что находится на верном пути и главные нити немецкой провокации с газовой атакой у него в руках. Почти все предатели уже известны, но это все второстепенные лица — исполнители. Где-то за ними скрывается обер-бандит, и даже установлена его кличка — Тарантул, но кто он и где скрывается, — неизвестно. Ивана Васильевича беспокоило одно: вдруг немцы назначат час штурма, и тогда придётся поторопиться, захватить мелочь, чтобы сорвать немецкую операцию с аммиаком, а Тарантул может ускользнуть.

Иван Васильевич ещё раз перечитал рапорт Трифонова о противогазе. Это был вторичный сигнал. Противогаз играл какую-то роль у банды, но не как противогаз. Трифонов был опытный, способный и наблюдательный разведчик и не мог ошибиться, придавая такое значение обыкновенному противогазу. Если противогаз или сумка его использовались немцами для хранения, переноса документов, оружия или чего-нибудь вроде этого, то это была удачная мысль. Почти все ленинградцы носили противогазы.

После третьего оползня у ребят пропала всякая надежда своими силами выбраться из подвала. Куча мусора под окном значительно выросла. Мальчики, стоя на битых кирпичках, которые они выгребли, уже свободно доставали до окна, но силы таяли, и работать становилось все труднее и труднее. Главное — они не знали, сколько же там за окном навалено этого мусора.

— Хорошо все-таки, когда люди вокруг, — сказал Стёпа после долгого молчания. — В прошлом году, помнишь, я тоже в подвале сидел, когда нас бомбой завалило. Воды по колени, думали — утонем; мертвецы кругом, а все-таки много живых людей было... И ничего. Я нисколько не боялся. Николай Васильевич тогда все подбадривал нас. Говорил, что не надо робеть, что потом, когда на свет вылезем из могилы, лучше жить станем.

— Никто не знает, что мы здесь, — глухо сказал Вася.

— Пускай не знают. Придёт же он за противогазами? Не бросит их совсем. Как только услышим, что он идёт, мы сразу в угол спрячемся. А когда пройдёт к ящику, мы сразу дверь цоп... закроем.

— Зачем?

— Майору позвоним, — продолжал Стёпа. — И пускай он его, голубчика, тут накроет.

— А может, и не надо накрывать?

— Ну, тогда просто уйдём, — согласился Стёпа.

— А когда он придёт? Может, через неделю.

— Ну так что?

— Ого! Неделю здесь сидеть? С голоду сдохнем.

— Человек может двадцать дней не есть и не пить.

— Кто тебе сказал?

— Я читал. Так, разговаривая, они сидели на куче мусора.

— А вдруг нас Миша выручит?

— Откуда он узнает?

— Мы же сегодня сюда собирались. Узнает, что мы домой не вернулись, и придёт.

— Когда узнает-то? Я замёрз, Стёпа.

— Побегай. Или давай покопаем ещё...

— У меня пальцы болят... Пощупай, как распухли.

— Ничего. До свадьбы заживут.

Надежда выбраться на свободу вспыхнула снова. Ребята залезли на кучу и с остервенением принялись за работу. Подвал наполнился шорохом, ударами падающих обломков кирпича, и за этим шумом мальчики не слышали приближающихся шагов.

— Руки вверх! Ребята оглянулись. Луч фонаря ослепил, но дуло пистолета, направленное на них, они разглядели.

— Ну, живо! Руки вверх! Руки сами потянулись вверх.

— Три шага вперёд!

Ребята сошли с кучи.

— Ложитесь лицом вниз.

Ребята, как подкошенные, шлёпнулись на пол и замерли. Луч скользнул в сторону, обшарил все углы подвала и вновь остановился на мальчиках, уткнувшихся носами в пол. Затем Стела, а за ним и Вася почувствовали, как рука обшарила их карманы, сняла и надела фуражки.

— Оружие есть?

— Нету... ничего нету.

Ребята, стараясь не опускать рук, поднялись. Луч светил прямо в лицо, и они ничего не видели.

— Что вы тут делаете?

— Дяденька, мы тут только играли... Мы играли в фашистов и коммунистов...

— начал придумывать Стёпа. — Ну вот, мы играли, и нас ребята заперли здесь. Мы хотели выбраться. Нет, правда. Посмотрите сами, сколько мусору выкопали... Вон там...

Стёпа хотел показать рукой на кучу мусора, но вспомнил про пистолет и сейчас же поднял руку.

— Руки можно опустить.

Фонарик приблизился к самому носу сначала Стёпы, затем Васи.

— Как тебя зовут?

— Меня или его? — переспросил Стёпа, выгадывая время, чтобы успеть придумать себе имя.

— Тебя.

— Меня зовут Шурка, а его Петька.

— Врёшь.

— Нет, я не вру. Спросите хоть его... Вася молчал. От неожиданности и страха он до сих пор не мог прийти в себя.

— Где ты живёшь?

— Мы живём недалеко тут... улицы три подальше, если на трамвае ехать... в обратную сторону.

— Как она называется?

— Обыкновенно как...

Стёпа попал впросак. Он не знал ни одной улицы в этом районе, а врать нужно было правдоподобно, — незнакомец мог легко установить правду.

— Как улица называется? — повторил он вопрос.

— Дяденька, я забыл. Вы меня так напугали, что я даже забыл. Нет, вспомнил. Проспект Газа...

— Опять врёшь. Как же все-таки вы сюда попали?

— Я же говорю, мы играли, — начал было Стёпа, прижимая руки к груди.

— Довольно врать! — перебил его незнакомец. — Где-то я видел вас... Отвечай-ка правду. Три дня тому назад вы не дежурили на огородах, в Старой Деревне?

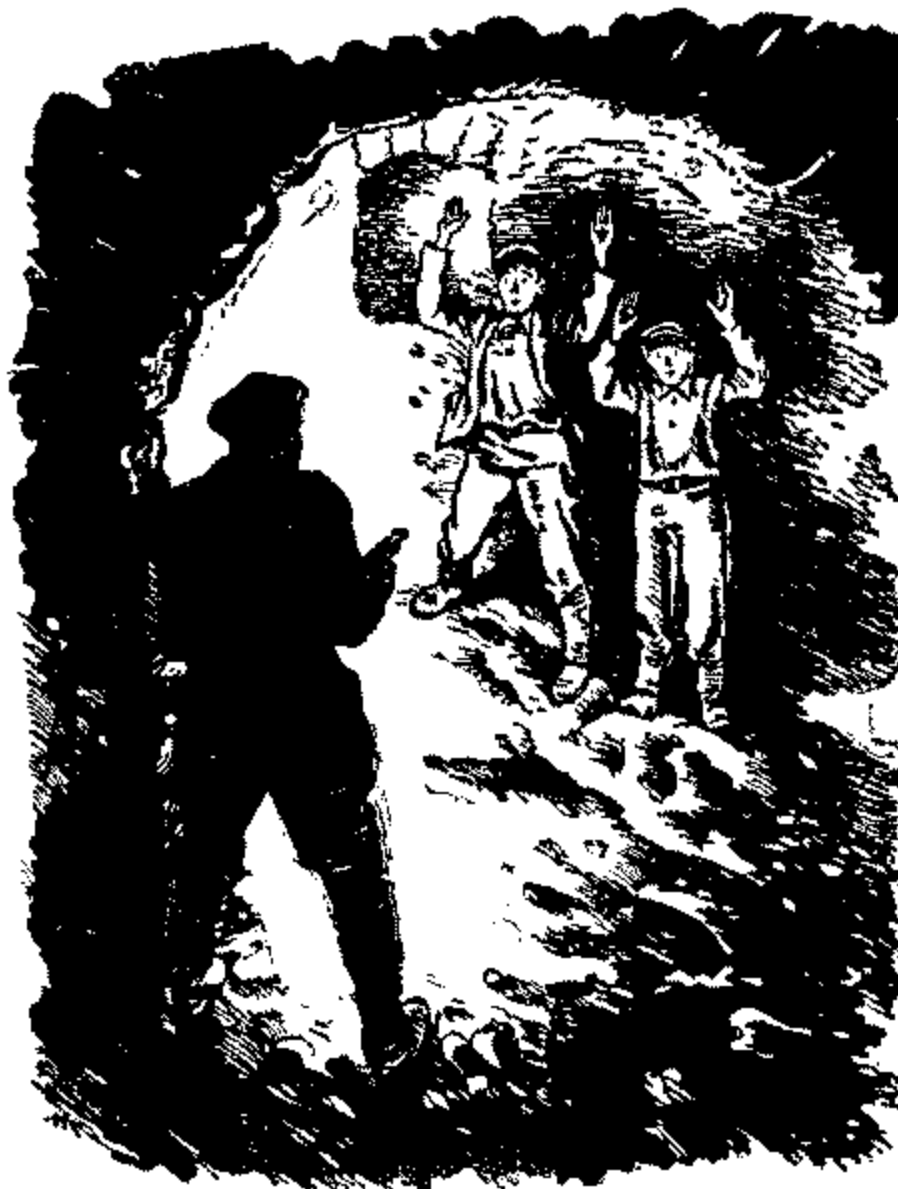
— Нет... Первый раз слышу.

— С вами был ещё третий, Миша Алексеев. Ребята переглянулись. Вася начал приходить в себя и, как говорят, обрёл дар слова.

— Что вы, дядя! В Старой Деревне? Так далеко нас мама не пустит. — сказал он, вытирая нос.

— Ну, тогда придётся о себе напомнить, — сказал незнакомец. — Вспомните-ка... Утром вам продукты привёз один шофёр. Вы его за диверсанта приняли...

С этими словами незнакомец перевёл луч света на своё лицо. Ребята сразу узнали его, и, когда луч фонарика снова осветил их перемазанные лица, они радостно улыбались.

— Ой, дядя... Как вы нас напугали!

— Я думал, что вы тот... — сказал Стёпа. — Вот, думаю, крышка нам...

— Ну, а теперь приведите себя в порядок, отряхнитесь и рассказывайте, как вы сюда попали.

— Дядя, а как вас называть? — спросил Вася.

— Фамилия моя Трифонов. Так и называйте.

* * *

Иван Васильевич вернулся в кабинет и прилёг на диван, но спать ему не пришлось. Зазвонил телефон.

— Слушаю.

— Иван Васильевич?

— Я.

— Трифонов говорит. Я достал то, о чем сообщал. Попутно двух пареньков знакомых встретил. Степан и Василий. Как поступить?

— Откуда вы говорите?

— Из Московского района.

— Машина где?

— Машина на улице. Ребята караулят.

— Забросьте мальчишек домой и быстро ко мне.

— Есть!

Повесив трубку, майор снова снял её и набрал номер.

— Бураков?

— Я.

— Спали?

— Нет.

— Сейчас ложитесь спать. В девять утра зайдите ко мне

— Есть!

Трифонов приехал через час и сразу пошёл к начальнику.

— Вот, товарищ майор, — сказал он, передавая противогаз. — В подвале красного дома взял. Там их целый ящик спрятан, двадцать пять штук.

— Только противогазы? — Больше ничего не нашёл.

— На чердак поднимались?

— Все обшарил.

— Так. Где мальчишек встретили?

— В подвале сидели. Увидели Горского на рынке, узнали — и следом... Уверяют, что он их не заметил. Говорят, что положил противогаз, вышел и закрыл их. Ломиком дверь припёр.

— А вдруг заметил?

— Не похоже.

Трифонов подробно доложил о результатах сегодняшней разведки и наблюдений, сообщил о своих планах и о том, что обещал Семёну Петровичу вечером перебросить продукты с базы.

— Хорошо. Действуйте, как наметили.

— Есть!

— Ну, а теперь идите отдыхать, — приказал майор.

Оставшись один, Иван Васильевич занялся противогазом. Снаружи он ничем не отличался от обычных советских, гражданского типа, противогазов. Серая сумка со шнурком и пуговкой. Внутри два отделения. Прежде чем вытащить маску и коробку, майор приподнял противогаз. Вес его показался необычно тяжёлым. Для сравнения Иван Васильевич снял со спинки стула свой противогаз и взял в другую руку. Да! Привезённый противогаз был значительно тяжелее... В резиновой маске и гофрированной трубке ничего особенного не нашлось, но, как только майор достал коробку, стало ясно, что секрет в ней. Вероятно, немцы очень тщательно копировали форму советской коробки, и при поверхностном осмотре она бы не вызвала подозрений, но сейчас Ивану Васильевичу сразу бросилось в глаза её заграничное происхождение.

Отделка, окраска, даже сам металл горловины были чужими. «У промышленности каждой страны свой почерк», — подумал майор, отвинчивая коробку от гофрированной трубки. Он обратил внимание на цифры, выдавленные на кружке картона, закрывавшем нижнее

отверстие. На советских противогазах этого не делали. Номер противогаза и штамп ставились на коробке сбоку. Осторожно вынул картонный кружок... Так вот оно в чем дело! Сюда закладывается часовой механизм. Значит, это мина. Иван Васильевич положил «коробку» на стол, откинулся в кресле и задумался.

Фантазия подсказывала много способов для использования этой, коварной мины. Её можно незаметно пронести в любое место, поставить на определённый час, повесить где-нибудь и уйти. Висит противогаз, и никому в голову не придёт, что это мина. Кроме того, Противогаз можно подменить...

До сих пор ещё не было таких взрывов, но теперь их можно ждать.

Иван Васильевич снял трубку и набрал номер.

— Товарищ полковник?.. Да, это я. Есть новость. Разрешите к вам подняться... Через три минуты буду у вас.

Иван Васильевич уложил коробку и маску обратно в сумку, застегнул её и, надев противогаз через плечо, вышел из кабинета.

15. ОПЕРАТИВНАЯ ЗАДАЧА

Утром Миша обнаружил возле своей койки узел для Люси. С интересом пересмотрел он все вещи: туфли, ботинки, валенки, галоши, пальто, шубку, капор, платья, нижнее бельё, чулки, рейтузы.

Он пошёл в каюту к Сысоеву, чтобы поблагодарить его.

Сысоев сидел на табуретке около топившейся времянки и возился с каким-то клапаном.

— Где ты вчера пропадал? — спросил он вошедшего юнгу. — Мы консервацию машины начали, — тавот привезли.

— А зачем? — спросил Миша.

Работа в разведке оторвала мальчика от интересов команды, и он не знал, что делается на судне.

— Что «зачем»? Эх ты, механик! Зима подходит, скоро морозы ударят.

— А почему Николай Васильевич мне ничего не сказал?

— Говорил, что дал тебе другое задание на берегу. Ничего, Мишук! Для тебя работы на всю зиму припасли, — утешил он Мишу, видя, что тот сильно огорчён.

— Какой работы?

— Котлы будешь готовить. Самое подходящее дело пацану в котлы лазить.

— Ты бы мне объяснил, что вы сейчас делаете.

— Обыкновенно... Кингстоны станем набивать тавотом. Трубопровод разобщать. Воду спустим, чтоб не замёрзла. Да разве все расскажешь? Работы много.

— А что ты сейчас делаешь? — с любопытством спросил Миша, наблюдая, как Сысоев, аппетитно пристукивая, поворачивает клапан.

— Клапаны питательной коробки от котла притираю. Коробку снял, а то внизу холодно... А какое я дело вчера состряпал, Миша!.. Во сне не приснится. Хочешь английским языком заниматься?

— Н-не знаю, — нерешительно протянул Миша.

— Будем, как лорды-милорды, балакать. После войны пойдём в Америку, и пожалуйста... Любую вывеску можно прочесть. Ол райт — и готово! А то ходишь по улицам, как глухонемой. Правда, я на

пальцах ловко умею объясняться... Такую, понимаешь, старушку нашёл! Профессорша! Согласилась английскому языку нас обучать. А сама говорит лучше, чем по-русски. Как дипломат. Ребята все, как один, записались. Я староста кружка. Тебя записать?

— Запиши. А только когда заниматься?

— По вечерам. Ну, а «приданое» видел?

— Большое тебе спасибо.

— Не для тебя старался, — остановил его жестом машинист. — Для Люсенки. Пускай она и скажет спасибо. Эх, мне бы такую сестрёнку! Я бы её одними конфетами кормил...

* * *

В конце коридора загремела свалившаяся с трапа пустая банка из-под консервов. Значит, кто-то спускался по трапу в кубрик. Моряки нарочно ставили такие банки на ступеньках, чтобы знать о приближении посторонних людей.

Миша вышел в коридор и в темноте чуть не столкнулся с Бураковым.

— Алексеев тут живёт?

— Это я, товарищ Бураков. Проходите ко мне в кубрик.

— Уронил какую-то коробку. Такой грохот!.. Под самыми ногами кто-то оставил.

— Это ничего... пустяки. Её специально для того и поставили.

Миша объяснил назначение банки.

— Вот как? Это надо запомнить. У тебя тут слышно за стеной?

— Слышно.

— Пойдём куда-нибудь в укромное местечко.

Они поднялись на палубу, прошли на нос и сели на бухту каната.

В это время просвистел снаряд и разорвался над Литейным мостом. — Обстрел! Спустимся вниз? — спросил Бураков.

— А зачем? Далеко.

Стали наблюдать за разрывами. Снаряды летели над их головами и рвались где-то правее Невы.

— В район водокачки...

— Вот если бы в Неву... У меня лодка наготове.

— Зачем?

— Поехали бы глушенную рыбу ловить. Я позавчера здоровую лососку поймал.

Когда обстрел прекратился, Бураков достал пару карманных часов и передал их мальчику.

— Держи. Я хочу тебя предупредить, Миша, — начал говорить он вполголоса.

— Конечно, мы тебя знаем и верим, но все-таки не лишнее сказать... Не забывай, что тебе поручили серьёзное, ответственное, рискованное дело. Если армия воюет открыто, то мы воюем тайно. Кто кого перехитрит... Знаешь, ведь чтобы, скажем, построить Днепрогэс, нужно много сил, средств и рабочих, а взорвать его может один человек... Ты вдумайся в это. Наш фронт очень трудный. Немцы много хитрых шпионов и диверсантов засылают. Это все отборные головорезы. А найди-ка их в такой массе людей! Они прикидываются патриотами, и на лбу у них ничего не написано. Ты, конечно, все это знаешь...

— Да...

— Эти часы ты предложи Брюнету. Поторгуйся с ним. Проси за них по полторы тысячи. Скажи, что на рынке продашь за такую цену. Ну, а потом уступи немного. Они будут спрашивать, где ты их взял. Придумай что-нибудь. Только попроще, а лучше не очень распространяйся. Они будут уверены, что ты их украл. Так и надо. Будь осторожен. Не вздумай их расспрашивать или навязываться со своими услугами, а тем более что-нибудь сам предлагать. Помни, что ты ничего не знаешь. Они должны сами посвятить тебя в свою тайну. Если они что-нибудь предложат, то сразу не отказывайся и не соглашайся. Скажи, что подумаешь. Потом мы посоветуемся и решим вместе, как поступить. Нам важно знать, что они тебе предложат. Может случиться так, что кто-нибудь из них проболтается. Старайся запомнить все, что они говорят. Ещё раз тебе напоминаю: у них не должно быть и тени подозрения, что ты честный сын народа и хочешь разоблачить этих предателей. Если у них возникнут подозрения, то, во-первых, ты ничего не узнаешь, а кроме того, они не будут церемониться, постараются тебя уничтожить. Очень может быть, что они захотят тебя проверить. Тогда держись, не смущайся. Теперь ты понимаешь, какое мы тебе серьёзное дело поручаем? Одно

неосторожное слово — и все пропало. Приятелям своим ничего не рассказывай. Они вчера такой номер выкинули, что придётся с ними вообще никаких дел не иметь. Я только что был у них. Это не игра в Пинкертонов, Миша, а борьба не на жизнь, а на смерть.

— А что они сделали?

— Они сами расскажут.

— Если они самовольно что-нибудь натворили, я им за это голову отверну...

— Голову отворачивать не за что... Они хотели сделать хорошее дело, хотя об этом никто их и не просил. Во всяком случае, о своей задаче с ними не откровенничай.

— Я никогда им ничего такого...

— Ну, как никогда... Про красный дом ты им рассказывал?

— Какой красный дом?

— На Международном проспекте, куда Семена Петровича проводил из Старой Деревни.

— А-а!.. Ну, так ведь мы вместе были... Они знали, — смущённо сказал Миша.

— Они знали только то, что им знать полагалось.

— Учту.

— Учти, учти. Вопросы есть?

— Если вы сказали все, что мне полагается знать, то я понял.

— Да, кажется, все, — усмехнувшись, сказал Бураков. — Значит, твоя задача

— поближе сойтись с кем-нибудь из этой шайки и ждать... Ждать и наблюдать.

— С Шуркой Кренделем?

— С ним... Кстати, он тебе своим спасением обязан.

— А я вас тогда здорово свалил?

— Неплохо.

— Вы даже шатались, когда встали.

— Это я нарочно. Значит, вопросов нет? — Есть один вопрос.

— Ну, говори.

— Как же их немцы хотят использовать?

— Ну, Миша, подумай сам, как могут немцы воров использовать. Одно то, что они занимаются кражей карточек, а значит, часть людей

лишают продовольствия, это уже немцев устраивает... Но, конечно, кроме этого, задача у них есть особая...

— Наверно, шпионят или обстрелы корректируют.

— Вот это ты и выяснишь, — с улыбкой сказал Бураков.

— Значит, я вечером опять схожу к ним?

— Как условился, так и поступай.

— А до вечера что делать?

— Занимайся своими делами. Да, относительно звонков. Ивану Васильевичу теперь звони только в крайнем случае и маскируй разговор. Они могут следить за тобой. Условимся так: если ты звонишь дяде Ване, чтобы тебе обед оставили, потому что ты опоздал, — значит, ты идёшь на судно и у тебя есть важные сведения. Каждое утро я буду к тебе заходить. С телефонами сейчас трудно. Во всяком случае, звони только по необходимости.

— А по проводу могут подслушать?

— Все может быть. Разве ты можешь ручаться за то, что рядом не стоит враг?

Миша вспомнил плакат с мордой предателя и громадным ухом и невольно оглянулся.

— Не могу... — согласился он.

— Вот, вот... Фотография Горского у тебя?

— У меня.

— Давай сюда. Она больше не нужна.

Миша достал бумажник и вынул фотографию.

— У тебя записаны наши телефоны где-нибудь?

— Записаны.

— Уничтожь. Надо их держать в памяти.

— Я их помню, — сказал Миша, вырывая листок из записной книжки.

Он понял, для чего нужна эта предосторожность, и не расспрашивал.

— Брюнет может украсть у тебя бумажник и заинтересоваться номерами, — пояснил Бураков, протягивая руку на прощанье. — Ну, ни пуха ни пера... Не теряйся. Помни, что ты не один, Стоя на борту, Миша долго провожал глазами уходившего по набережной Буракова. Мальчик, конечно, понимал, что выполняет скромную роль в общем деле борьбы. Встреча с Трифоновым в столовой, сведения

относительно воровской шайки — все это говорило о том, что ведётся большая невидимая работа советской разведки. Но то, что он был тоже маленьким полезным звеном в этой борьбе, наполняло гордостью его душу. Он сделает все, что в его силах, и если нужно, то и жизни не пожалеет.

Сбоку раздался знакомый голос, и, повернув голову, Миша увидел на набережной приятелей. Не спеша он спустился по трапу вниз и поздоровался.

— Притопали?

— Как дела, Миша? — небрежно спросил Вася.

— Дела, как сажа бела.

— Видал? — сказал Вася, показывая поцарапанные и распухшие руки.

— Подумаешь! Две царапины, — сказал Стёпа. — Ты лучше на мои посмотри.

— Нашли чем хвастать.

— А ты спроси, где это мы поранились.

— И спрашивать не желаю.

— Почему?

— Знаю, что по глупости. Подрались или что-нибудь в этом роде...

— Ничего подобного. Ты только послушай...

И ребята начали наперебой рассказывать о своих вчерашних похождениях, о том, как их в конце концов выручил знакомый по огородам шофёр Трифонов, как он подвёз их на машине до дому, как сегодня приходил к ним Бураков и категорически запретил ездить в Московский район заниматься разведкой, пока не скажет.

— А знаешь почему? — спросил Стёпа.

— Что почему?

— Почему он приказал больше не следить за Горским, если мы его опять встретим?

— Почему?

— Потому что уже все сделано.

— Это вы и сделали?

— А то кто же?..

У Миши зашевелилось ревнивое чувство. Захотелось их обрезать, чтобы они не задирали нос, объяснить, что они дураки и что после

этого им нельзя доверять ничего серьёзного, что ничего ещё не сделано и главное впереди. Захотелось, хотя бы намёком, дать понять, что вот перед ним, Мишей, поставлена действительно сложная задача... Но он легко подавил это желание. Помолчали.

— А ты что делал вчера? Миша вяло рассказал, что он поймал рыбу.

— И все? — удивился Вася.

— Все... Вечером дрова пилили.

На этом разговор закончился, и Миша ушёл на судно.

Ребята, не удовлетворённые отношением Миши к их похождениям, отправились неизвестно зачем на Невский проспект. Вчерашний случай все ещё волновал их. Хотелось какой-то бурной деятельности, новых подвигов, но ничего такого пока не предвиделось. Нужно было ехать в подсобное хозяйство. За ними уже приходили одноклассники, но ребята решили ещё один день остаться в городе.

Сразу после разговора с Бураковым они пошли к Мише, единственному человеку, с которым можно откровенно говорить, а между тем он встретил их прохладно.

— Что это с ним? — удивился Стёпа. — Какой-то сам не свой.

— Ему завидно, что в подвал попал не он, а мы, — решил Вася. — Или рыбиной хвастает... Подумаешь, лососка... Каждый бы поймал мёртвую.

На Марсовом поле кое-где копошились огородники, снимая остатки урожая. За углом загремел трамвай. Ребята побежали на остановку и сели в третий номер. Народу ехало много, и почти все женщины.

Доехав до Невского, Стёпа предложил слезть, на двенадцатом номере вернуться домой и после обеда отправиться в подсобное хозяйство.

— Едем до конца, — возразил Вася. — Посмотрим на окошко, какая там куча-то была...

— А что сказал Бураков?

— Так мы с трамвая не сойдём!

— Нет. Выходи.

Уже дверной автомат зашипел, когда ребята выскочили из вагона. Трамвай быстро пересекал Невский. В этот момент раздался

оглушительный взрыв. Снаряд угодил под самый вагон. Стоявшие на остановках люди бросились под арки ворот. Послышались крики о помощи. Снова завыл снаряд и разорвался где-то внутри Гостиного двора, и без того уже закопчённого пожаром и разбомблённого в сорок первом году.

— Ложись! — крикнула девушка-милиционер, стоявшая на посту.

Многие послушались её и легли на землю. Крики о помощи остановили ребят.

— Пойдём... Туда же больше не попадёт. К трамваю со всех сторон приближались люди. Мимо мальчиков пробежал командир, а за ним устремились и они. Снаряды продолжали падать один за другим и рвались со страшным грохотом. Но, не обращая на это внимания, на помощь пострадавшим уже спешили девушки с носилками, из команд МПВО соседних домов. Раненых вытаскивали из дымящегося вагона. Как только Стёпа, бежавший впереди, приблизился к трамваю, он увидел выбиравшуюся из вагона раненую женщину.

— Мальчик... мальчик... помоги.

Ребята подхватили женщину под руки, и она тяжёлым грузом повисла на их плечах. Не зная, что делать с раненой, они потащили её к тротуару.

Пронзительно взвизгивая, по пустому проспекту уже неслись машины «Скорой помощи». Ребята дотащили женщину до стены Публичной библиотеки. Из-за угла выехала санитарная машина и остановилась как раз напротив. Подбежал врач в халате.

— Положите её! — приказал он.

Ребята осторожно опустили охающую женщину на асфальт. Стёпа дёрнул за рукав приятеля, и они, невольно приседая во время разрывов, побежали к повреждённому трамваю. Но там уже нечего было делать. Лишние люди только мешали.

— Убирайтесь отсюда! — крикнул военный, когда ребята сунулись в вагон.

Обиженные мальчики отошли к Гостиному двору, прислонились к колонне и стали наблюдать.

Машины «Скорой помощи», одна за другой, с бешеной скоростью приезжали и уезжали. Со звоном прикатила пожарная команда.

Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался.

— Вот если бы мы поехали!.. Говорил я тебе... — сказал Стёпа.

— Говорил, говорил... А ты знал, что ли?

— Васька, ты весь в крови...

— Где?

— Да и я тоже...

Это была чужая кровь.

— Интересно, как она? Выживет? — сказал Стёпа.

— Конечно, выживет.

— Куда её ранило?

— В ноги, что ли?

— Пойдём посмотрим.

— Увезли, наверно.

— Двенадцатый идёт. Бежим!

На углу ещё стонали раненые; мёртвых относили в сторону, пожарники возились с дымящимся, разбитым вагоном, дворники торопливо сметали стекла, а между тем девушка-милиционер, стряхивая приставшую пыль, взмахнула палочкой, и снова тронулись трамваи, заспешили пешеходы.

* * *

Около двенадцати часов, после второго в этот день обстрела, Миша собрался поехать с Сысоевым к сестре, чтобы отвезти ей «обмундирование», но их вызвал старший механик.

— Вот что, товарищи! — сказал он, когда они вошли в каюту. — Важное задание. Срочно создаётся бригада технически опытных людей. Нужно быстро починить аварийную станцию водокачки. Немцы повредили.

— Ну что ж. Надо, — значит, надо, — сказал Сысоев.

— Людей у нас мало. Вас двоих посылаю.

— А долго там работать? — спросил Миша.

— Дотемна.

— Ну, если дотемна, это ничего.

— Вот вам записка. Пройдите вверх по Неве, там увидите землечерпалку «Волхов».

— Так это же Балттехфлот, Николай Васильевич, пускай они сами... — разочарованно начал машинист.

— Что за ведомственные счёты!..

— Я к тому говорю, что народу у них уйма...

— Значит, не хватает.

— Мы будем па них работать, а спасибо кому скажут?

— Сысоев! Мы будем работать на Ленинград!

— Да я понимаю, — недовольным тоном сказал Сысоев и взял записку. — К кому там?

— К старшему механику.

— Есть! Николай Васильевич, а как же с английским языком?

— Успеете. Почините станцию и можете заниматься. Хоть китайским.

Всю дорогу Сысоев ворчал:

— Вот увидишь — они нас запрягут. Они, видишь ли, и Дорогу жизни строили, и фарватер углубляли под бомбами, и вообще герои, а мы — просто так... А виноваты мы, что ли, если нас в Неву загнали? Герои — это не те, что героями родились, а те, которых война научила геройствовать... У нас каждый бы стал героем на месте героя.

Миша не понимал недовольства и обиженного тона машиниста и тем более его теории о героях. Ему было достаточно того, что работа нужна для Ленинграда.

— Вот тоже герои! — сказал Сысоев, указывая на женщин, которые суетились около ручной тележки, тяжело нагруженной какими-то машинными деталями.

Объезжая воронку от снаряда, они с тележкой застряли в развороченном бульжнике и никак не могли выкатить её на ровную дорогу.

Сысоев подошёл к женщинам и по-хозяйски сразу же набросился на них:

— Вылупили глаза, а дороги не видите!.. Дальше надо было объехать... куда смотрели!..

— Ладно, ладно, моряк. Ты лучше помоги, — миролюбиво отозвалась старшая, рукавом ватника вытирая вспотевшее лицо. — У нас силёнок-то не шибко много... приходится экономить...

— Вот и плохо экономите...

Сысоев с сердцем решительно ухватился за колесо и начал командовать:

— А ну, взяли!.. Раз, два, три!.. Ещё раз! — Тележка закачалась, брякнула металлом и выехала на ровное место.

— Ну спасибо, товарищ! Выручил! — зашумели довольные женщины. — Приходи в гости, чаем угостим...

Сысоев сердито зашевелил усами и, молча подтолкнув Мишу, зашагал прочь, не отзываясь на благодарность.

— А я думаю, они на самом деле герои, — сказал Миша. — Работают под снарядами, в голоде, в холоде и не хныкают, а ленинградскую марку держат как надо.

Сысоев покосился на мальчика и неохотно подтвердил:

— Ну и что ж, так оно и есть. В Ленинграде сейчас, конечно, жить не просто; только я говорю, что одни побольше герои, а другие поменьше, Техфлотовцам везёт. Их посылают в такие места, что хочешь не хочешь, а геройствуй!

Впрочем, Сысоев забыл о своём недовольстве, как только они пришли на громадную землечерпалку и попали в бригаду. Ни Миша, ни Сысоев не уронили чести торгового флота и работали на совесть. А задача была трудная. Приходилось работать по пояс в холодной воде. Обстрелом были повреждены железные трубы, проложенные от землечерпалки на городскую водопроводную станцию. Трубы были проложены на случай, если бомбой или снарядом повредит станцию, и тогда должен был начать работать «Волхов», машины которого могли вполне обеспечить город подачей воды.

16. У ВОРОВ

К Кренделю Миша шёл сосредоточенный, серьёзный. Вспоминался разговор с Иваном Васильевичем и с Бураковым. Мальчик обдумывал всевозможные неожиданности, которые могли случиться, но потом решил, что все предусмотреть невозможно. Главное — не теряться.

Затем он начал было придумывать себе новую биографию, но и здесь верно решил, что ничего придумывать не надо. Если придётся говорить о себе, то лучше приводить факты, которые легко проверить. Отец пропал без вести на фронте, мать убита во время бомбёжки, работает и живёт он на судне.. Ну, и занимается воровством. Эту-то ложь они проверить не смогут.

По пути к Кренделю Миша решил зайти к Лене, занести ей продукты.

Противогаз заметно оттягивал плечо, — там лежал большой кусок лососины и с килограмм хлеба. Мастерскую Миша нашёл легко. Лишь только он поравнялся с ней, как за окнами услышал стрекотанье швейных машинок.

В прихожей, куда он вошёл, против висевшей на стене стенгазеты под названием «Боевой листок» стояли две женщины. На другой стороне, около вешалки, на скамейке сидела старуха.

— Тебе чего нужно? — спросила старуха.

— Вызовите, пожалуйста, Лену, — попросил Миша, но шум машинок заглушил его слова.

Женщина, читавшая газету, подошла к мальчику и задала тот же вопрос. Миша повторил:

— Мне Лену...

— Какую Лену? У нас их три. Миша смутился. Он не знал фамилии новой знакомой.

— У которой карточки украли, — нашёлся он.

— А-а... Леночку Гаврилову.

Женщина ушла. Миша с волнением ждал. Ему казалось, что он не узнает девочку. Вчера из-за темноты он не мог разглядеть её лица. Интересно, как она отнесётся к его приходу, думал он.

Из глубины прихожей вышла девочка и остановилась. Она была в скромном ситцевом платье, не доходившем до колен. Светлые, слегка вьющиеся волосы были заплетены в две косы и перекинуты на грудь.

— Кто меня звал? — с удивлением спросила она, не узнавая Мишу.

— Это я звал, — сказал Миша прерывающимся от смущения голосом и откашлялся, — Вы меня не узнали, Лена?

Девочка покраснела.

— Миша? Я не думала, что вы придёте, — просто сказала она и пальцами начала крутить колечко локона на своей косе.

Миша сосредоточенно смотрел на это движение, словно за этим и пришёл.

— Пойдёмте в красный уголок, — предложила Лена.

— Нет, я сейчас тороплюсь. Я зашёл на одну минуту.

Он вынул продукты, завернутые в газету, и протянул ей.

— Вот. Это вам...

— Нет, нет... — испуганно отступив на шаг, сказала девочка. — Я ни за что не возьму.

— Это мне ничего не стоит, — горячо сказал Миша.

— С какой стати! Нет... нет...

— Ну, тогда я так оставляю...

С этими словами Миша положил свёрток на скамейку и не прощаясь вышел.

В квартире Кренделя все уже собрались, кроме Пашки, и встретили Мишу, как старого знакомого. Среди присутствующих была новенькая — Тосина подруга, по имени Нюся. Клички она не имела, хотя Брюнет звал её Ню. Завитая, накрашенная, вертлявая, худенькая девчонка строила из себя взрослую. С первой фразы Миша возненавидел её.

— А вы, Миша, интересный...

— Какой есть, — буркнул мальчик, поздоровавшись. На столе стояла наполовину выпитая бутылка водки, а мать Кренделя на кухне жарила лепёшки.

— Мы гуляем, Миша, — преувеличенно пьяным голосом сказал атаман. — По случаю случившегося случая... Деньги у тебя есть?

— Если надо будет, найдём.

— Ну, значит, сегодня сыграем.

— Он очень деньги любит. Деньги — его страсть, — сказала Нюся и расхохоталась.

— А кто деньги не любит? — спросил Брюнет. — Поднимите руки, кто деньги не любит. За деньги мы на все пойдём. Так я говорю, Чинарик?

— Так, так... Ты не ломайся, Жора. Выпил на копейку, а захмелел на рубль.

— А ты согласен со мной? — обратился Брюнет к Мише.

— Согласен, — сказал Миша.

— Правильно... Таких я люблю. Погоди, мы ещё с тобой дел наделаем...

— Миша, а водку вы пьёте? — кокетливо спросила Нюся.

— Нет.

— Неужели? Какой же вы мужчина?

— А кто вам сказал, что я мужчина? Я такой же мужчина, как вы женщина... Полметра ещё не доросли.

Раздался смех. Нюся обиделась, но ненадолго. — А за девочками вы ухаживаете?

— А чего за ними ухаживать, если они здоровые...

Нюся повернула этот ответ по-своему.

— А если они заболеют?... Влюбится какая-нибудь в вас и заболеет? Тогда будете ухаживать?

— Обязательно буду. Вызову «Скорую помощь» и отвезу в сумасшедший дом, — сухо ответил Миша.

Снова раздался хохот, но теперь Нюся не обиделась, а когда установилась тишина, сказала:

— Значит, в вас только сумасшедшие могут влюбиться?

— Конечно.

— Значит, я начинаю сходить с ума... Ах! Ах! Я сейчас всем глаза выцарапаю!..

— Брось, Ню... — остановил её кривлянье атаман. — Хочешь, я тебе лекарства налью стопочку?

— Вместе со всеми, Принесли лепёшки, и компания принялась закусывать.

— Мне не нужно, — отстранил Миша руку Кренделя с тарелкой. — Я только что обедал.

— Где?

— В столовой.

— Как хочешь. Нам больше останется. Пока ели, Миша думал о том, как удобнее предложить Брюнету часы, но это получилось само собой.

— Кто знает, сколько сейчас времени? — спросила Тося, видимо куда-то собиравшаяся.

Миша и Брюнет одновременно вытащили часы.

— На моих без четверти девять, — сказал Брюнет.

— Отстают. Ровно девять.

— У тебя хронометр, что ли? Ну-ка, покажи. Вор взял часы, внимательно осмотрел их со всех сторон, приложил к уху.

— Продай, — предложил он.

— Купи... Полторы тысячи.

— Э-э-э.. нет. Дорого.

— Ну, а сколько дашь?

— Любую половину.

Миша вытащил вторые часы и протянул их атаману.

— Ну, а за эти сколько?

— Огольцы! Смотрите, у него полный карман часов. Ай да Мишка! — воскликнул Крендель.

Ваня Ляпа и Лёня Перец с уважением и завистью посмотрели на Мишу.

— У тебя ещё есть? — спросил Перец, облизывая пальцы.

— Если не будет, найдём.

— Расскажи, где ты их стянул.

— Мне их принесли, а я только в карман положил. Воры засмеялись этой шутке и прекратили вопросы.

— Ну, а за эти сколько хочешь? — спросил Брюнет после осмотра.

— Столько же.

— Вот моё слово: хочешь полторы за пару?

— Мало. Я на рынке продам дороже. Мне некуда торопиться.

— Жора, зачем вам столько часов? — любопытствовала Нюся.

— Ну как? Согласен? — не обращая внимания на вопрос, настойчиво спросил Брюнет.

— Плати по тысяче, — твёрдо сказал Миша. Брюнет подумал, прищурившись посмотрел на сидевших за столом воров и спрятал

часы в карман.

— Я такой... Если вещь понравилась, — значит, моя.

— А деньги?

— Не бойся, получишь.

На этом разговор был кончен. Нюся вытащила из-под стола патефон и поставила пластинку.

— Миша, вы умеете танцевать?

— Я даже не знаю, с чем это едят или пьют...

— Не прикидывайтесь медведем...

— Чего ты, Нюська, навязываешься! — перебила подругу Чинарик.

Достали карты. Пока убирали со стола и рассаживались, Брюнет отсчитал деньги и передал Мише.

— Ты имел дело со мной... Моё слово — закон.

Миша молча взял деньги, спокойно пересчитал их и спрятал в карман.

Игра шла вяло. Чувствовалось, что нет жертвы. И только когда играл Миша, а Брюнет раздавал карты, устанавливалась напряжённая тишина.

Сегодня Миша немного выиграл. Играл он, как и все, очереди не пропускал, но без интереса. Миша вспомнил слова Ивана Васильевича о том, что Брюнет играет нечестно, и внимательно следил за его руками.

Действительно, когда вор начинал сдавать карты, он прикрывал колоду рукой и, как показалось Мише, тянул карты не по порядку. Когда очередь дошла до Миши, в игре было свыше ста рублей.

— Ну что, Миша, на все? — спросил Брюнет.

— Если перетасуем карты, а колоду положим на стол, могу и на все, — сказал Миша.

Все сидевшие за столом с испугом посмотрели на смельчака. Атаман побледнел и медленно поднялся.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что карты следует перетасовать...

— Значит, по-твоему, я шулер? — стиснув зубы, спросил Брюнет.

— Ничего такого я не говорил. — спокойно сказал Миша. — Я тебя не знаю, и ты меня не знаешь... Ты сядь и не пугай меня!

Спокойный и независимый тон мальчика обезоруживал. Миша даже не взглянул на Брюнета. Атаман вызывал его на скандал, на спор, во время которого он бы проучил противника, но этого не получилось. С минуту простояв, он строго посмотрел на присмиривших членов шайки.

— Я не пугаю... Значит, я ослышался, — сказал он и сел на место. — На сколько ты идёшь?

— На пять рублей.

— Ты же хотел на все.

— С условием, если карты будут перетасованы и положены на стол, — настойчиво повторил Миша.

Глаза Брюнета блеснули, но на этот раз он сдержал себя, и на лице у него появилась кривая улыбка.

— Так, может быть, ты вообще не хочешь играть?

— Могу и не играть.

— Мне показалось, что ты любишь играть.

— А чего тут любить? Проиграешь — денег жалко. А выиграешь — не ценишь их... Деньги нужно доставать... так... ну, чтобы...

Миша хотел сказать «трудом», но, понимая, что здесь это слово будет звучать неуместно, замялся;

— С риском, — подсказала Чинарик.

— Да. С риском, — согласился он.

— А ты рисковый? — спросил атаман.

— Не знаю. Я про себя вообще не люблю говорить.

Игра в карты прекратилась. Между Мишей и Брюнетом почувствовалась натянутость. Все понимали, что атаман затаил злобу, и, зная его жестокий и мстительный характер, с любопытством ждали, как он расправится с не признавшим его авторитет новичком.

Крендель был уверен, что открытой драки не будет, — Миша физически сильнее Брюнета, а значит, тот ударит в спину из-за угла. Крендель чувствовал себя перед Мишей должником за спасение от тюрьмы и поэтому решил его предостеречь.

К десяти часам ушла на дежурство Чинарик вместе с подругой. Вечер не клеился. Решили разойтись по домам.

— Оставайся ночевать. Ляжешь на диване, а я на Тоськиной кровати. Дело есть, — сказал Крендель, загораживая Мише проход к двери.

— Мне утром рано вставать надо.

— Матка разбудит.

Миша согласился.

Когда все разошлись, мать Кренделя принесла из кухни подушку, одеяло, бросила все это на диван и отправилась к себе.

— Слушай, Миша... Ты поосторожней с Жорой. Он тебе не простит. Если не сейчас, то потом, когда немцы придут, — отомстит.

— А ты думаешь, немцы придут? — спросил Миша, обрадовавшись, что Крендель сам заговорил на эту тему.

— Придут не придут — не в этом дело... С Жоркой не ссорься. Он злопамятный.

— А мне наплевать на него. Видал и почище...

— Ты его не знаешь... Для него никто не существует — свой, не свой...

— А что он мне сделает?

— Драться он не будет. Даже если они трое тебя подкараулят...

— Пускай попробуют...

— Он не любит в открытую. А где-нибудь за углом уколёт. А если ты с ним будешь заодно... У него такие знакомства... Можно заработать. Слушай, я тебе по секрету скажу... Когда он уходил, то в прихожей сказал... Предупреди, говорит, Мишку: если, он против меня пойдёт, то ему плохо будет, а если со мной, то не пожалееет... Понял? Значит, ты ему нужен.

— Дальше будет видно. А какая может быть польза от него?

— Деньги... продукты...

— Это я и без него достану.

— Столько не достанешь. А потом все до поры до времени...

Видно было, что Кренделю трудно говорить. Он боялся о чем-то проболтаться и все время запинался.

Больше часа они беседовали, сидя на диване. Говорил, собственно, вор, а Миша слушал. Из его рассказов он понял несложную историю самого Кренделя. Воровать начал с детства, и это приучило его к лёгкой, разгульной жизни. Учиться и работать Крендель не хотел. Читал мало, ничем не интересовался, кроме кино, куда ходил до войны каждый день.

«Вот паразит, — думал Миша. — Все люди учатся, создают, а эти живут чужим трудом, как пиявки. Все чем-то интересуются, куда-то стремятся, чего-то добиваются, а эти только тем и занимаются, что проживают наворованное...»

Радио в соседней комнате протяжно завывало. — Ого! Воздушная тревога... Ты боишься?

— Боюсь! — сказал Миша.

— Врёшь, — не поверил вор. — Чего это они сегодня зарядили? Обстрел за обстрелом, а ночью налёт... Они собираются наступление делать...

— Откуда ты знаешь?

— Знаю... Вот увидишь. Скоро немцы придут. Вот уж тогда не зевай! Поживиться можно будет.

— А тебе не жалко Ленинграда?

— Чего его жалеть? По мне, провались он...

Миша побледнел и стиснул зубы, сдерживая вспыхнувшее чувство горячего гнева, желание наброситься на Кренделя, немедленно что-то сделать...

В комнату вошла заспанная мать Кренделя.

— Шура, спуститься в подвал, что ли? Летят.

— Спускайся, если охота.

— Не знаю, что и делать...

Захлопали зенитки.

Мать постояла с минуту в дверях и ушла обратно в кухню. Миша все ещё стоял со стиснутыми зубами — от острой ненависти и отвращения к этим людям, к их обстановке, ко все этим вещам...

— Давай лучше спать, — предложил он, стараясь говорить спокойно. — Мне рано на работу надо.

Крендель ушёл в кухню. Миша, сильно уставший за день, снял ботинки и не раздеваясь лёг. Однако долго не мог заснуть, стараясь преодолеть чувство острой брезливости к подушке, к дивану, на котором лежал. «Завтра сразу же надо сходить в баню», — решил он и успокоился наконец, начиная дремать...

Перед глазами мелькнули светлые локоны, затем детские, но взрослому серьёзные глаза и наконец все лицо Лены.

«Как она испугалась, когда я достал продукты!» — подумал Миша и улыбнулся. Но сразу тревожная мысль насторожила: «Не подумала бы, что я украл. Надо будет рассказать в следующий раз... А что делать с остальной рыбой? Сегодня Сысоев разделал её и присолил. Лососки осталось ещё много — больше половины. Может быть, часть снести Лене, а остальное в детский сад? Пускай малыши едят. Сам сыт и могу заработать, если нужно», С таким решением он и заснул.

Сильные удары во входную дверь разбудили Мишу. Он не знал, сколько времени спал, но, видимо, до утра было ещё далеко. Веки слипались, а в голове стоял звон от прерванного сна. Снова раздался настойчивый сильный стук. В прихожей послышалось шарканье ног и голос матери Кренделя:

— Кто там?

— Откройте, гражданка Кукушкина, это управхоз. Загремело железо запора, звякнула цепочка, и в прихожую вошёл управхоз с

какими-то людьми.

— Обход. В квартире посторонние есть?

— Никого нет посторонних. Племянник ночует, мальчик, — заискивающе сказала Кукушкина. — В той комнате сын спит.

Кто-то из пришедших прошёл в соседнюю комнату, затем на кухню. Мише стало не по себе. Он здесь не прописан, и, если его будут спрашивать, кто и откуда он, придётся врать. Пока не поздно, надо придумать.

Минуты через три открылась дверь и загорелся электрический свет. Миша сейчас же узнал Буракова и понял, что обход устроен из-за него. «Ведь я не предупредил, что останусь ночевать здесь», — подумал он. Бураков наклонился к Мише, увидел открытые глаза и выпрямился. Внимательно осмотрев комнату, заваленную всевозможными вещами, потушил свет и вышел.

Снова раздался звон железного запора, злобное ворчанье Кукушкиной, шарканье ног, и все стихло.

17. ПЕРВЫЙ ШАГ

— Василий, проснись! Тебе говорят!

Мальчик открыл глаза. Около него стояла мать и тормозила за плечо. Горела коптилка, а в чайнике, стоявшем на «буржуйке», булькал кипяток.

— Ты чего, мама?

— Вставай, живо! Сейчас пойдём.

— Куда?

— А там увидишь.

Тон матери ничего хорошего не предвещал. Не дожидаясь ответа, Вася вылез из-под одеяла, поверх которого лежал ещё тяжёлый отцовский полушубок, и начал одеваться. Мать отошла к накалённой докрасна времянке, заварила кофе, достала конфеты, нарезала хлеба.

— Ты чего натворил? Сознаться, — строго сказала она.

— Я — ничего, — с недоумением сказал Вася.

— Где вы со Стёпкой по целым дням шляетесь? Вместо того чтобы делом заняться, вы что делаете?

— А что?

— Я тебя спрашиваю. Вчера в партийный комитет вызвали, про тебя спрашивали. В милицию, что ли, попал? Протокол составили?

— Чего ты выдумываешь? Ничего я не знаю.

— А откуда про тебя в комитете знают? Чем прославился? Степкину мать тоже в комитет вызвали. Чем, говорят, ваш сын занимается?.. Пора бы, говорят, к делу пристроить. Вон какой детина вырос. Скоро в армию пойдёшь, а ума не нажил... Зря расспрашивать не будут...

— Мама, честное слово, я ничего не знаю.

Мать сердито сняла чайник, налила в кружки кофе.

— Садись, ешь. На завод пойдём.

— Зачем на завод?

— Работать будешь. Обещали тебе хорошее место дать. Не такое сейчас время, чтобы собак по улице гонять. Все работают от мала до велика.

— А Стёпка что? — спросил Вася.

— И Стёпка твой пойдёт на работу... Думала сначала, не воровать ли вы начали, Я бы тогда не знаю что... голову бы тебе оторвала. Да нет, слава богу, не дошёл. Степану тоже обещали хорошее место, — уже мягче сказала мать.

— Мама, а как же школа?

— Какая нынче школа? Немцы под городом в двух километрах сидят... Сначала их выгнать надо, а уж потом про школу думать, Она положила на тарелку разогретой тушёнки из овощей и села к столу.

— Иди, ешь!

— Дай хоть умыться, — хмуро сказал Вася.

— У тебя хороший товарищ есть. Бери с него пример. Сиротой остался и не потерялся. Сестру пристроил и сам у дела. А ты за родительской спиной баклуши бьёшь. Случись со мной что-нибудь...

— Чего говорить раньше времени, — перебил он мать. — Я же не спорю. На завод так на завод.

Но она не прекратила разговора и продолжала говорить о положении города, окружённого со всех сторон врагами, о приближающейся зиме, Вася слушал и про себя соглашался с матерью, но было обидно, что отрывают от интересных и более важных, как ему казалось, дел. А впрочем, если он понадобится, Иван Васильевич всегда может освободить, как и Мишку, подумал мальчик и успокоился.

Позавтракав, они вышли на улицу. Было ещё совсем темно, но народу на проспекте оказалось гораздо больше, чем днём.

Номерной завод, где работала мать, был довольно далеко. Васе приходилось бывать здесь в прошлом году, и он прекрасно помнил, как выглядел завод в страшную зиму. Большинство цехов тогда стояли замороженными, с чёрными пустыми рамами. Везде намело сугробы снега. Не было энергии, света, топлива, воды. Казалось, что по воле какого-то злобного волшебника жизнь замерла. И все-таки завод работал. Люди ходили как тени, еле держались на ногах от голода, но работали и работали...

Сейчас другая картина. Завод ожил. Через щели незакрытых дверей вырывались яркие полосы электрического света. Гудели станки, и где-то тонко визжала сталь. Завод работал в три смены.

Через всю дорогу, от одного корпуса до другого, висел плакат: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Потом

Вася увидел другой плакат: «Все силы на оборону Ленинграда!», а немного дальше: «Все для фронта, все для победы!» Васе понравились эти короткие лозунги, в которых заключено так много смысла. Кроме того, здесь они звучали как-то особенно убедительно. Напряжённая, деловая атмосфера завода, грохот, визг стали, стрекотня клёпки говорили о том, что лозунги вырвались из груди этих людей и призывают всех к борьбе. Васе захотелось включиться в этот ритм и тоже принять участие в общей работе. Он понимал, что завод военный и работает для фронта. Может быть, он делает те самые пушки с длинными стволами, которые Вася видел на Литейном...

Везде работали женщины в ватниках. У ворот на ожидавших впуска грузовиках сидели женщины. В проходной — женщины. Когда они шли по двору, их догнала вагонетка с болванками для снарядов, которую толкали два человека в ватных штанах, оказавшиеся тоже женщинами.

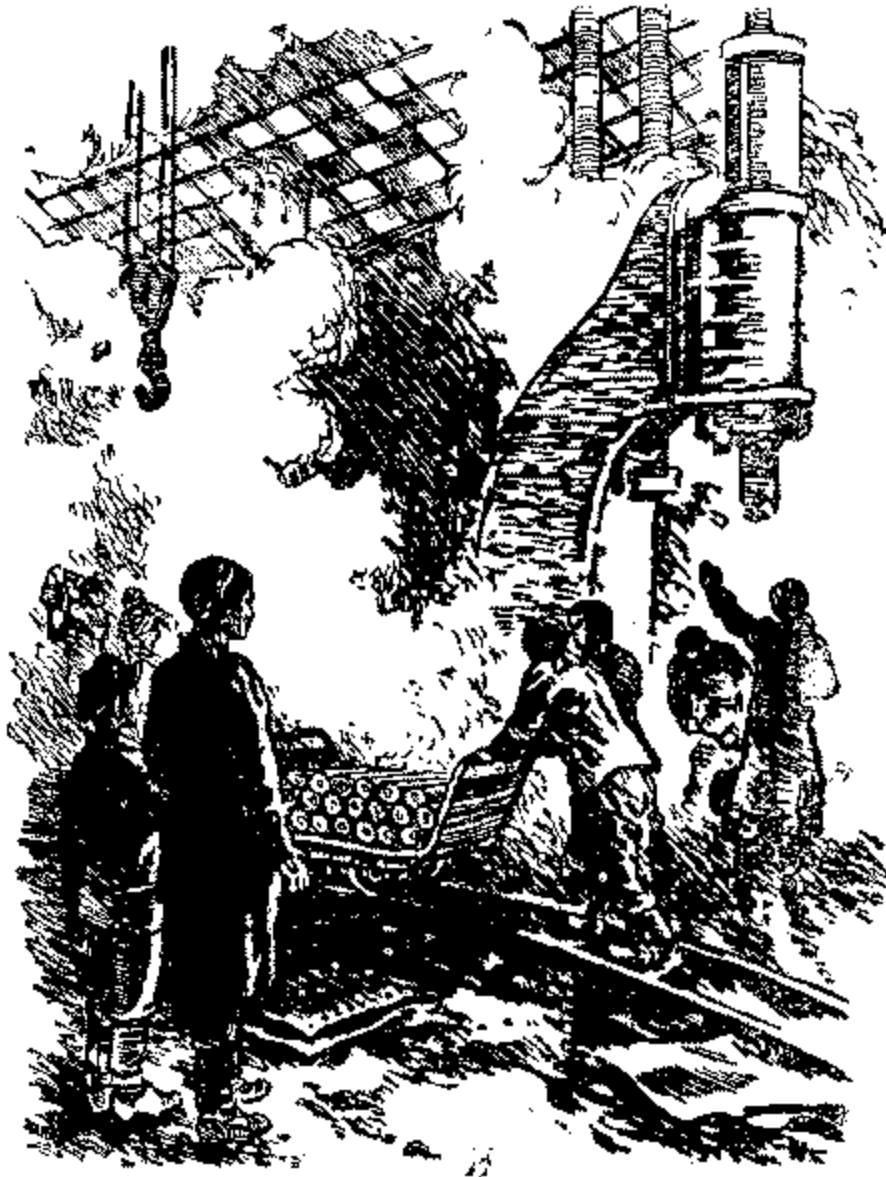
— Мама, у вас только женщины работают? — спросил мальчик.

— Почему женщины? Есть и мужчины.

В конторе, у стен, за канцелярскими столами, стояли аккуратно заправленные кровати. Многие жили здесь «на казарменном положении» и не покидали завода по месяцам. Васе это понравилось, и он решил, что тоже поставит для себя кровать.

Когда они проходили по коридору, кто-то сзади надвинул ему кепку на глаза. Вася оглянулся.

Три подростка, примерно одного с ним возраста, в лоснящихся от масла ватниках, шли сзади. Глаза их аадорно поблёскивали.

Вася поправил кепку и, не опуская руки, быстрым движением схватил крайнего за козырёк, сильно дёрнул, надвинул кепку на нос.

Ребята заулыбались.

— Ты что, работать? — спросил один.

— Ага!

— Заходи к нам. — А где вас искать? — В литейный цех приходи...

Мать остановилась у двери, на которой висела дощечка с надписью: «Главный инженер».

Ребята прошли дальше.

В кабинете инженера бросались в глаза, как что-то постороннее, кровать и стоявший около стены небольшой столик, на котором был недопитый стакан чая, тарелка с хлебом и ещё какая-то посуда, закрытая салфеткой. Сам инженер сидел за большим письменным столом, заваленным бумагами и всевозможными образцами изделий.

О чем говорила мать с инженером, Вася не слышал.

Он терпеливо ждал у двери.

— Позовите Осокина, — сказал инженер в телефон. — Степан Николаевич, я к вам мальчика направляю... сына Кожуха. Вы его знали. Он сейчас на фронте... Что? Я говорил начальнику цеха. Они сами пришлют... А что я могу сделать? Постарайтесь к вечеру исправить.

Вася насторожился. Речь шла о нем. Но из дальнейшего разговора он ничего не понял. Мать поблагодарила инженера, и они вышли из кабинета.

Пришли они не в цех, как предполагал Вася, а в лабораторию завода. Здесь было интересно. Окинув взглядом большую комнату, он увидел всевозможные аппараты, динамо, станочки, инструменты...

Осокин оказался человеком среднего роста, не старым, бритым, с большим лбом. Потом, когда он снял кепку, Вася увидел на голове лысину.

— Степан Николаевич, вот я к вам сына привела. Пускай работает. Приучите его к делу, — сказала мать.

Осокин внимательно посмотрел на будущего ученика.

— Что-нибудь сделаем.

— Баловать не давайте, построже с ним.

— Как это баловать? Он пришёл работать, а не в игрушки играть. Сам понимает, не маленький. Так я говорю? — обратился он к Васе.

— Так, — согласился тот.

Мать ушла, условившись, что домой они поедут вместе.

— Ты где живёшь? — спросил Осокин мальчика.

— На Большом проспекте, на Петроградской стороне.

— Вот как! Я тоже на Петроградской живу.

— А на какой улице?

— На Зелениной.

— Ну-у! — удивился Вася, — Значит, нам по пути.

— Тем лучше. Тебя Василием зовут? Ты когда-нибудь с электричеством возился? Пробки в доме чинил?

Вася усмехнулся и сказал, что он не только чинил пробки, но даже делал самостоятельно проводку, разбирал и собирал патроны, выключатели, штепсели...

— Это хорошо, — сказал Степан Николаевич. — Нам с тобой придётся все время с электричеством дело иметь. Парень ты, я вижу, с головой. Сработаемся.

Васе тоже понравился этот человек. В дальнейшем он узнал, что Степан Николаевич работал на заводе электриком, высшего образования не имел, но к нему часто приходили за советом инженеры. Он чинил самые сложные электрические приборы и легко разбирался в них. Затем выяснилось, что Степан Николаевич хорошо знает часовой механизм, но если и берет в починку часы, то только какие-нибудь особенные. Ему интересно было, например, припаять зуб к крохотному колёсику маленьких дамских часов. Знал он всевозможные двигатели, мотор внутреннего сгорания, фотографию, радио... Да кажется, не было той области в технике, которой бы он не интересовался. В довершение ко всему он был страстным охотником и рыболовом.

Васе повезло. У такого учителя многому можно научиться.

В работе Осокин был требовательным, настойчивым и точным.

Через полчаса из цеха принесли в красном футляре какой-то сложный электроизмерительный прибор.

— Опять испортили. Прислали к вам, товарищ Осокин.

— Кто на нем работал?

— Наш техник.

— Я бы руки поотрубал таким техникам... Опять короткое замыкание. Придётся катушку перематывать.

— Просили к вечерней смене сделать.

— Кто это просил?

— Главный инженер говорил, что вы обещали...

— Ничего я не обещал. Я сказал, что посмотрим.

— Ну, наше дело передать. Вот бумаги, получайте.

Рабочие ушли. Степан Николаевич несколько раз обошёл вокруг прибора, как бы прицеливаясь, с какой стороны лучше взяться за него.

— Есть у нас такая привычка: попробовать! А чего пробовать, когда все уж испробовано. Нужно знать! Запомни, Вася: никогда за дело не принимайся, пока существа дела не понял... Ему, видите ли, своё достоинство уронить неудобно. Лучше прибор сломать... Легко сказать: к вечерней смене...

Он снял кепку, погладил себя по лысине и, хитро подмигнув ученику, спросил:

— А может, сделаем? Как ты думаешь?

— Сделаем, — уверенно согласился Вася.

— Ну, значит, сделаем. Иди сюда. Держи за края, а я винты выверну, и вытащим его оттуда.

Таким образом Вася сделал первый шаг, вступая на трудовой путь...

18. ПИСЬМО

Прошло три дня. В Мишиной памяти эти дни слились в один. Они походили друг на друга и не содержали чего-нибудь запоминающегося. Обычные обстрелы, воздушные тревоги, однообразная, хотя и трудная, работа на «Волхове», столовая, баня, а по вечерам малоинтересные встречи с ворами. Никаких предложений они не делали, и ничего, кроме ругани да воровских словечек, он от них не слышал.

По совету Буракова, Миша установил с Брюнетом хорошие отношения.

Каждый день мальчик собирался съездить к сестре и порадовать девочку новой одеждой, но дела не пускали.

Приятелей своих Миша не видел. Бураков сообщил, что они устроены на работу.

Один раз он заходил к Лене, но не застал. По словам сторожихи, её послали на склад за материалом для мастерской, Миша попросил старуху передать девочке свёрток с хлебом, рыбой, морковью со своей грядки и ушёл. Сначала его огорчила эта неудача, но, подумав, он решил, что это даже лучше. Ему очень хотелось повидать девочку, но он боялся быть назойливым.

На четвёртый день события начались с утра. Как и в предыдущие дни, его вызвали в каюту старшего механика. Там ждал Бураков. Он внимательно выслушал сообщение юного разведчика и предупредил:

— Миша, сегодня будь начеку. Положение может проясниться.

— А что? — насторожился Миша.

— Какой ты любопытный! В своё время узнаешь. Все остаётся по-прежнему, и для тебя ничего не меняется. Сейчас иди на работу.

Шагая по набережной, Миша раздумывал над словами Буракова, но, как ни ломал голову, ничего придумать не мог.

«Что может проясниться? Какое положение?» Он чувствовал, что это предупреждение сделано не случайно.

Миша был прав. Военная разведка сообщала, что немцы готовят удар. Нужно было торопиться. В числе прочих дел Иван Васильевич

вчера вечером обсуждал с Бураковым застой в Мишиных делах и решил ему помочь.

Судя по рассказам юного разведчика, воры ему доверяли, и отношения между ними сложились благоприятные. Было установлено, что Брюнет играл главную роль, но и он начал относиться к Мише дружелюбно, стараясь втянуть его в свою шайку. В чем же дело?

— А может быть, между ними все роли уже распределены? — сказал майор.

— Очень может быть, — согласился Бураков.

— Так надо спутать им карты... Брюнета трогать пока нельзя. Кренделя тоже. Значит, этих... Ваню Ляпу и Перца убрать.

— Есть убрать!

Так родилось решение, и оно должно было изменить положение Мишиных дел.

В тот момент, когда Миша залез по колено в воду и громадным ключом захватил железную трубу, а Сысоев начал навинчивать на неё «рубашку», Ленка Перец в прекрасном настроении вышел на улицу. У разломанного ларька, на перекрёстке, его поджидал Ваня Ляпа. Перекинувшись двумя-тремя фразами и закурив, они отправились в большой магазин. Отоваривание продовольственных карточек к этому времени было организовано прекрасно, и небольшие очереди бывали только в первый день очередной выдачи. Именно сегодня была объявлена выдача продуктов, и могло случиться так, что в магазине образуется очередь.

Как воры и предполагали, народу в магазине было больше, чем в обычные дни. Следом за ними вошёл пожилой мужчина в очках, две женщины и молодой человек в коричневом пальто. Все они замешались в толпу у прилавка.

Ваня Ляпа встал около двери, а Ленка ушёл в другой конец магазина. Между ними была молчаливая договорённость, и они, что называется, сработались Зевать нельзя, — такого благоприятного момента трудно дожидаться. Ленка опытным глазом сразу нашёл жертву — невысокого роста старую женщину. Он неплохо разобрался в поведении людей у прилавка. Он знал, что, когда дойдёт до неё очередь, она заторопится, вытащит заранее приготовленные карточки и обязательно перепутает их. Разобравшись сунет ненужные в карман

и с напряжённым вниманием будет следить, какие талоны ей вырежут, а потом устанет на стрелку весов. В это время и действуют воры. Ленька знал, что в такой работе главную опасность представляют сзади стоящие, которые могут заметить и предупредить воровство. На этот раз, по определению вора, сзади жертвы стояла такая же «разиня». Оценив положение, Ленька опянулся и подмигнул соучастнику. Когда подошла очередь жертвы, все случилось так, как он и предполагал. Перец дал сигнал, мотнув головой, и воры подошли к старухе с разных сторон. Ляпа заслонил от посторонних глаз Леньку и занялся разговором.

— Тётя, я только спросить...

— Становись в очередь.

— Да я не получаю... Я только спросить... Гражданка, что вы на мясные талоны даёте?

Времени достаточно. Карточки мгновенно были вынуты. Не дождавшись ответа продавщицы, воры хотели уйти, но тут события повернулись иначе. Ляпа почувствовал, как чья-то сильная рука ухватила его за шиворот.

— Чего ты? Пу-усти-и! — плаксиво закричал Ляпа.

— Тихо, тихо. Не надо вырываться. Мы же с тобой старые знакомые, — сказал мужчина, снимая очки.

Ванька сразу узнал сотрудника уголовного розыска, который дважды его допрашивал по подозрению, но отпускал за отсутствием улик.

Леньку держал другой, молодой, и так крепко, что тот не мог выговорить ни слова, а когда воротник, душивший его, ослаб, разговаривать было незачем.

— Вот паразиты. Зимой из-за таких мерзавцев люди гибли, — сказал кто-то из очереди.

— Откуда они только берутся?

— Родители виноваты. Распускают.

— Держите крепче, а то убегут, — предупредила высокая женщина.

Карточки вернули владелице, а воров увели в кабинет директора магазина.

Молодой человек в коричневом пальто позвонил по телефону.

— Алло! Давайте машину. Двоих задержали. Он сообщил адрес и повесил трубку. Воры с тревогой переглянулись. Обычно если задерживали, то уводили в ближайшее отделение милиции. Вызов машины ничего хорошего не предвещал.

— Ну что, детишки, присмирели? — насмешливо сказал пожилой мужчина. — Допрыгались. Тебя как величают? Ленька Перец? Давно мы к тебе присматриваемся.

— Ну да?

— А ты думал как? Собирался до старости спокойно и тихо воровством промышлять? Нет, шалишь! Все до поры до времени. Мы думали, что за ум возьмёшься, бросишь грязное дело...

— Я только первый раз... Карточку потерял... — захныкал Ленька. — У меня, дяденька, дома мать больная...

— Неужели? Ну поплачь, поплачь. Может быть, и разжалобишь. Я ведь добрый... — все так же насмешливо говорил сотрудник уголовного розыска. — Ваня Ляпа помнит меня. Два раза клялся, что бросит воровать, учиться пойдёт в ремесленное училище. Наверное, и сейчас пошёл бы? А?.. Пойдёшь?

— Пойду, — угрюмо сказал Ваня Ляпа.

— Как только со мной встретится, так сейчас же учиться хочет, а как отпустишь, так опять за своё...

Молодая женщина, заменявшая директора магазина, писала отчёт и с любопытством поглядывала на пойманных.

— Дяденька, а вы нас выпустите? — плаксиво спросил Ленька.

— Обязательно выпустим.

— Скоро?

— А уж это суд решит.

— А как суд решит?

— Этого я не знаю. Решит, как полагается. Что заработали, то и получите.

— Сто шестьдесят вторая статья, — сказал Ляпа, — Два года.

— А в военное время, может, и прибавят.

— Дяденька, а как бы мамке сообщить, чтобы передачу принесла?

— Догадается, принесёт.

— Можете по телефону позвонить, — неожиданно разрешил молодой.

— А можно?

— Раз говорят, — значит, можно, — подтвердил и пожилой.

Женщина молча передвинула телефон в сторону Леньки, на край стола.

— Кому позвонить? — спросил шёпотом Ленька.

— Звони Чинарику, — сквозь зубы ответил Ляпа.

— А какой у неё телефон?

Ляпа назвал номер телефона магазина, где работала Тося.

— Позовите, пожалуйста, Тосю к телефону. Очень срочное дело, — сказал Ленька и стал ждать. — Тося? Это Ленька говорит. Взяли нас с Ляпой. Попались на месте. Крышка... Нечего толковать, теперь уж скоро вас не выпустят. Долго не увидимся. До свиданья.

Пожилой мужчина засмеялся.

— Давно бы так, — сказал он, когда Ленька повесил трубку. — Своим языком заговорил... А то плакать.

Ленька молчал. Было странно, что их сразу же не отвели в отделение милиций и разрешили позвонить по телефону.

Скоро пришла машина и увезла обоих...

* * *

Своё обещание «поднажать» бригада моряков выполнила раньше, чем сама ожидала. На четвёртый день к двенадцати часам работу закончили, и аварийная станция снова была готова подавать воду городу.

До темноты ещё оставалось много времени. Миша заторопился. Можно успеть съездить домой и повидать сестрёнку. Он передал свой талон на обед Сысоеву и пошёл на судно. Николай Васильевич только что пришёл с завода. Получив его разрешение, Миша наскоро переоделся, захватил узел с Люсиным «обмундированием» и пошёл к трамваю.

Дома Миша не был почти неделю. Когда он повернул ключ и открыл пустую квартиру, первым, что бросилось ему в глаза на полу за дверью, был белый конверт. «Вероятно, чьё-то письмо по ошибке опустили в почтовую щель, — подумал он, но, когда прошёл в

комнату и взглянул на конверт, сердце его сжалось до боли. — Письмо от отца! Он жив! Папа нашёлся!»

Миша бросил узел на кровать, сел к окну и торопливо разорвал конверт. Письмо было написано карандашом, неровными буквами.

«Здравствуйте, мои дорогие! Живы ли вы? Душа у меня кровью обливается, когда про вас думаю. Такие страшные вести про город родной приходят. Окружили Ленинград со всех сторон и хотят задушить... Писал вам несколько раз, но ответа не получал. Не сдавайтесь, Даша. Не сломить фашистам русского народа, никогда не поставит нас на колени! Про себя могу сказать, что я все время на фронте. Два раза имел ранение и сейчас только что выписался из госпиталя и отправляюсь на фронт. Будем драться. Если живой останусь, с победой вернусь...

Пишу и не знаю, живы ли вы. Мишутка, сынок, наверно, большой, не узнать... Пускай не балует, пускай матери помогает. Тяжёлое испытание нам послала судьба. Зато потом легче станет. Моряком, скажи, будет непременно. В том ему моё слово.

Люсенька выросла, наверно, и забыла меня. Крепитесь, мои родные, как бы тяжело ни было. Пережить надо. Надеюсь на людей, что помогут вам. Сходи, Даша, на завод, в партийный комитет...»

Дальше следовали наказы, к кому обратиться за помощью, кому передать приветы. Отец не знал, что завод давно переехал на Урал. В конце письма стоял номер полевой почты.

Миша держал перед глазами листок бумаги и часто мигал. Крупные слезы катились у него по щекам.

«Папа жив!» — эта мысль согрела необыкновенным теплом его душу. Он почувствовал себя снова мальчишкой. Свалилась какая-то тяжесть, которую он таскал на своих плечах после смерти матери, и Миша готов был крикнуть изо всей силы, так, чтобы услышал отец: «Я жив, папа! Я не балую! Я работаю!.. Бей фашистов крепче и вернись поскорей!.. А мы здесь им дадим как следует...»

Миша долго сидел у окна. Потом принёс бумагу, перо, чернильницу. Чернила высохли. Пришлось писать карандашом.

«Здравствуй, папа! Сообщаю тебе, что мы с Люсей живы и здоровы, а мама погибла от немецкой бомбы в прошлом году. Квартира наша в порядке, и ни одного снаряда не попало. Даже стекла целы. Люсю я устроил в детский сад, в который сам ходил, на Пушкинской улице, и там она живёт неплохо. Немцы нам все равно ничего не сделают, потому что город обороняют все ленинградцы. Мы не сдадимся. А что они стреляют, так мы не боимся. Я работаю юнгой, а скоро буду механиком, когда кончу учиться. А баловать мне некогда, потому что все время при деле нахожусь. Сегодня мы починяли на „Волхове“ водопроводные трубы, и нас похвалили за хорошую работу. Про нас ты не беспокойся, а бей фашистов и вернись домой живой и здоровый. Ты все думаешь, что я маленький, а я уже вырос и могу жить не хуже других. О Люсе я сам забочусь, а завод переехал на Большую землю, и здесь никого не осталось...»

Единственным желанием Миши было успокоить отца, ободрить. Хотелось написать много, но он вспомнил, что ему опять надо идти к ворам. На улице темнело. Закончив письмо, он запечатал его, написал адрес и сунул в карман. К Люсе идти было уже поздно. «Завтра схожу», — решил мальчик и вышел из дому.

* * *

Настроение в квартире Кренделя было подавленное. Тося ещё днём успела сообщить, что Леньку Перца и Ваню Ляпу посадили в тюрьму. Конечно, они не выдадут своих соучастников, но было жалко потерять надёжных друзей. Исчезновению Пашки не придавали большого значения. Он был новичком и не успел Прочно войти в шайку.

Миша, наполненный радостью и не понимая общего настроения, весело поздоровался со всеми.

— Ты чему обрадовался? — мрачно спросил его атаман.

— Так, ничего особенного.

— Что я, не вижу, что ли?

— Письмо от отца получил. Думал, что убили, а он живой, — сказал Миша.

— Письмо от отца? Тоже радость! Пора привыкать своим умом жить.

— Так я живу своим умом... У других не занимаю.

— Знаешь новость? — Какую?

— Ленька с Ваней попались.

— Как попались? — с недоумением спросил Миша, не поняв, о чем идёт речь.

— Ну, попались... Что ты, не понимаешь? Посадили в уголовку, Эта новость заставила мальчика насторожиться. Не об этом ли предупреждал его утром Бураков? Миша Сразу перестроился на другой лад.

— Надо выручать, — озабоченно сказал он.

— Не так просто... А ты пойдёшь, если надо будет?

— Понятно, пойду.

Крендель хлопнул Мишу по плечу.

— Этот свой в доску, Жора.

— Черт!.. Вот не вовремя эти дураки влипли, — задумчиво сказал Брюнет. — Слушай. Мишка... Хорошо жить хочешь?

— А почему нет?

— Когда немцы придут, ты что собираешься делать?

— А там видно будет, — подумав с минуту, сказал Миша.

— Потом поздно... Надо сейчас определять. Хочешь с нами?

— Могу и с вами.

— Я тебе дело найду. Согласен?

— Что значит — согласен? Надо знать, о чем речь. С колокольни прыгать не согласен, а если что-нибудь полегче — могу.

Брюнет, уверенный в Мишке, сходил на кухню и принёс противогаз.

— Держи.

— На что он мне?

— Держи, говорят. Пригодится. Все с противогазами ходят. Завтра к десяти часам утра придёшь к Витебскому вокзалу. Там тебя встретит Нюся... Слышишь, Ню? Отведёшь его к Виктору Георгиевичу.

— Миша, вы меня ждите у трамвайной остановки, если ехать от Невского. Не опаздывайте.

— Не опоздает, — ответил за Мишу атаман. — Слушай дальше. Отдашь противогаз и скажешь, что от меня пришёл. Об остальном с ним договоришься. Понял?

Миша оказался в затруднительном положении. Ему было сказано: «не соглашаться и не отказываться». Как быть сейчас? Впрочем, никакого предложения со стороны Брюнета ещё не сделано. Предложение, наверно, будет завтра.

— Есть, — кивнул он головой в знак согласия.

Миша соображал: уж не тот ли это противогаз, о котором однажды спрашивал его майор?.. Виктор Георгиевич! Так зовут Горского.

Миша все больше входил в роль разведчика. Личную ненависть к Нюсе и Брюнету ничем не проявлял и даже, наоборот, старался быть с ними приветливым.

Разговор снова зашёл об арестованных.

— Ерунда! — сказал атаман. — На Большую землю их не успеют увезти. Пока следствие идёт, пока суд, пока что... Немцы придут и выпустят.

Говорил один Брюнет. Остальные совершенно не интересовались политикой, войной и слепо верили атаману. Он был начитаннее и образованнее их. Миша слушал, и внутри у него кипело. «Ух, подлая гадина!.. Продажная душа, — думал он. — Хочет выслужиться перед немцами, чтобы жить паразитом, гулять, воровать... Ему все равно, кто будет в Ленинграде». Миша вспомнил письмо отца. Стало жутко. «Там на фронте кровь льётся, жизни не жалеют, а эти паразиты готовят нож в спину». От этой мысли захватило дыхание, и, чтобы не выдать себя, не наброситься на предателя, Миша встал.

— Я пойду.

— Рано ещё. Посидите, Миша, — сказала Нюся.

— Нет. Мне надо по делу.

— Противогаз-то забыл!

Миша вернулся, взял противогаз и, не прощаясь, вышел.

Неожиданный его уход несколько озадачил воров, но они уже привыкли к странностям этого спокойного, неразговорчивого, но твёрдого парня и не придали его торопливому уходу особого значения.

— Живот у него схватило, — сказала Тося. — Стеснительный.

Все засмеялись.

19. ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ

На улице Миша вздохнул полной грудью и быстро зашагал на судно. Хотелось скорее сообщить о том, что он сейчас услышал. «Главный враг — Брюнет, Остальные у него в руках и делают все, что он прикажет. Теперь все ясно, — думал Миша. — А все ли?»

Иван Васильевич советовал не делать поспешных выводов. А Горский?.. Да, спешить не надо. Куда, например, он бежит сломя голову? Бураков придёт только утром. Правда, на судне кипит работа по подготовке машин к зиме. Но сейчас уже поздно, и команда отдыхает. Может быть, придёт учительница английского языка?

Работы на «Волхове» закончены, и теперь по вечерам начнутся занятия в кружке. Впрочем, Сысоев предупредил бы его. Нет, ему решительно некуда торопиться.

Миша остановился на углу. Внутри кипело и щемило, словно он не сделал у воров чего-то абсолютно обязательного. Чего-то ему не хватало.

Вдруг Миша вспомнил, что сегодня он собирался повидать Леночку Гаврилову. Но хлеб, приготовленный для неё, он оставил в кубрике. Наверно, она съела продукты и опять голодает...

Съездить на судно и обратно? Нет, не успеть. Придётся отложить до завтра. Желание повидать девочку и услышать её спокойный голос захватило Мишу с такой силой, что он остановился. «Зайду сейчас же... Извинюсь и спрошу, что ей принести», — решил он и быстро зашагал к мастерской.

С Леной он встретился на пороге проходной, когда открыл дверь. Она выходила с подругой и в первый момент, не узнав Мишу, прошла вперёд.

— Лена, куда ты? — сказала подруга. — К тебе пришли.

Девочка оглянулась. В темноте не было видно, но Миша почувствовал, что она смутилась.

— Это Миша? Я тороплюсь домой. Если вам по пути, пойдёмте вместе, — предложила Лена.

Они молча пошли втроем. Их обгоняли мастерицы, и каждая с любопытством заглядывала в лицо мальчика. Он чувствовал, что про

него знают, и готов был провалиться сквозь землю от смущения. / Вспомнил, что мальчиков, друживших с девочками, в школе дразнили «женихами». Очень может быть, что и сейчас Мишу в мастерской прозвали так же. Он был уже не рад, что пришёл.

У первого переулка подруга свернула и оставила их вдвоём.

— Зачем вы пришли? — спросила Лена.

— Я хотел сказать... Я хотел спросить, что вам принести...

— Миша! — перебила его девочка. — Я вас очень прошу больше ничего не приносить. Мне выдали талоны. Спасибо вам за все, но больше ничего не приносите.

— Вам не понравилась лососка? — оправляясь от смущения, спросил Миша. — Я сам случайно поймал её в Неве.

— Такую большую! — вырвалось радостное восклицание у девочки.

— Да. Был обстрел, ну а она, глушеная, кверху... — Миша хотел сказать «брюхом», но удержался, — вниз спиной выплыла. Я как раз на лодке с сестрёнкой катался.

— У вас и сестра есть?

— Да. Маленькая... И знаете, Лена, у меня сегодня радость. Я получил письмо от папы...

Теперь неловкость исчезла, и они говорили свободно, как старые друзья. Миша рассказал о письме отца, о смерти матери, о сестрёнке. Девочка жадно слушала. Потом она созналась, что ценная рыба вызвала в мастерской всевозможные толки и даже предположения, что лососка украдена.

— Мне было больно за вас, Миша, — сказала она. — Я знала, что вы не сделаете мерзости, но ведь я не могла объяснить, откуда вы её взяли. Вы на меня не сердитесь, Миша, я говорю вам всю правду. Ведь это самое главное в дружбе — всегда говорить только правду.

Она первая произнесла то слово, от которого у Миши потеплело в груди

— Я никогда не забуду, что вы отнеслись ко мне, как друг, — продолжала Лена и задумчиво прибавила: — Может быть, мы с вами никогда больше не увидимся, но это ничего не значит, правда?

— А почему не увидимся?

— Мало ли что случится... Вдруг я под снаряд попаду.

— Ну вот ещё... — строго сказал Миша.

— Я сегодня тоже письмо получила, — сказала Лена, круто меняя тему. — Письмо с фронта от одного артиллериста.

— От брата?

— Нет. Я его не знаю. Какой-то Савельев. Когда мы сдаём ватники, то часто вкладываем в карманы письма... Они там на фронте в окопах сидят, мёрзнут, нас защищают... Ну мы им и пишем, кто как умеет, чтобы они крепче фашистов били и скорей домой возвращались. Просим написать о себе... ну, мало ли что в голову придёт. Хочется писать, ну и пишешь.

«Вот бы такой ватник получить с письмом от Лены», — с завистью подумал мальчик и пожалел, что он не на фронте.

— А что он вам пишет?

— Хотите, прочитаю?

— Прочитайте.

Они подошли к подъезду, где горела синяя лампочка, и Лена без труда прочитала письмо. Мише показалось, что она знала его наизусть.

«Дорогой боевой друг, товарищ Гаврилова!

Письмо ваше получил, и оно меня очень обрадовало. Мы все его в подразделении прочитали и обсудили. Будем помогать друг другу и вместе ковать победу над врагом.

Товарищ Гаврилова, про себя скажу, что могу заверить вас и ваших товарищей-ленинградцев, что каждый снаряд, который вы сделаете, будет рвать в клочья фашистскую нечисть. Делайте снарядов побольше и лучше, а мы уж постараемся переслать их по адресу.

А ещё прошу вас. если писать будете, то вложите вашу карточку, чтобы мне на память осталась... Под Ленинградом долго сидеть не будем. Скоро такое время наступит, что двинемся вперёд...

С приветом, ваш боевой друг

наводчик Савельев».

— Хорошее письмо, — сказал Миша. В разговорах незаметно они дошли до дома, где жила Лена. Остановились у подъезда.

— Уже пришли, — разочарованно сказал Миша.

— До свиданья, Миша, — протягивая руку, сказала Лена. — В мастерскую не приходите. Потому что... — она не договорила, смутившись, но мальчик понял.

— Хорошо... Значит, мы больше не увидимся.

— Почему? Есть такая пословица, что гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся обязательно. И я знаю, что мы с вами ещё встретимся... Большое вам спасибо за все...

Миша крепко пожал ей руку, и она, резко повернувшись, скрылась в темноте подъезда.

Всю дорогу до судна Мишу не покидала приятная грусть расставания...

На набережной, возле решётки Летнего сада, против судна, стоял мальчик. Сначала Миша подумал, что это кто-то из друзей, но каково было его удивление, когда он узнал Пашку!

— Пашка! Ты что тут делаешь?

— Я тебя жду, — глухим от простуды голосом сказал Пашка. — Пропал я, теперь мне крышка, — пояснил он и безнадежно махнул рукой.

Голос его дрогнул, и Миша понял, что он плачет.

— Попался, что ли?

— Нет, ещё не попался. А скоро попадусь. Некуда мне податься.

— Да ты говори толком — что случилось?

— Теперь мне крышка. Некуда голову приклонить.

— Вот зарядил. Крышка да крышка. Опять украл что-нибудь?

— Нет. Зарок дал больше не красть и в карты не играть.

— Ну, так что?

— А то, что мне, значит, крышка. В училище не хожу. Стакан Стаканыч узнал, что я мясо стащил. Как я тогда домой пришёл, он, значит, встретил меня на лестнице и говорит: «Ага, голубчик. Ты, значит, мне и нужен».

— Ну, а ты что?

— А я бежал, — сказал Пашка и снова махнул рукой. — К Брюнету не пойду. Деньги ему должен... Да они все равно меня убьют. Вот и выходит, что мне крышка. Возьми меня к себе в компанию.

— А ты же зарок дал не красть.

— Я что-нибудь другое стану делать. Ключи, скажем, или что другое надо, а ты сам кради.

Мрачное настроение Пашки, безнадёжность его положения были немного комичны, но Миша задумался. Необходимо помочь этому простаку, иначе он неизбежно попадёт в лапы Брюнета и погибнет.

— А где ты жил эти дни?

— Где придётся. Под мостом ночевал.

— Да ведь холодно.

— Конечно, не жарко. Ну, побегая, попрыгаю и согреюсь.

— А ел что?

— Милостыню в булочных просил. Подавали.

Миша подумал и решительно сказал:

— Ну, ладно. Пойдём со мной.

Он взял Пашку за руку и повёл на судно.

— Алексеев, это кто с тобой? — окрикнул их вахтенный.

Пашка хотел было удрать, но Миша удержал его за руку.

— Это знакомый. К Николаю Васильевичу.

Они спустились вниз и остановились перед каютой старшего механика.

— Стой здесь, пока я тебя не позову, — приказал Миша и постучал в дверь.

— Можно! — услышал Миша из-за двери.

— Николай Васильевич занимался, но, увидев мальчика, отложил циркуль и пересел на койку.

— Ну, как дела, Миша?

— Николай Васильевич, — не отвечая, начал Миша. — Вы мне сказали, что, если меня когда-нибудь затрёт, приходите к вам за советом.

— Был такой разговор. Затёрло, значит? Миша коротко рассказал все, что знал о Пашке, вплоть до последней встречи. Николай Васильевич внимательно слушал, постукивая пальцами по краю стола, на котором был разложен чертёж, и, когда Миша кончил» встал.

— Все ясно. Где твой Пашка?

— Тут. За дверью.

— Давай его сюда.

Миша открыл дверь и позвал мальчика. Грязное лицо, светлые волосы, круглые от удивления и страха глаза вызвали улыбку на лице механика.

— Вон он какой, Пашка! Когда ты из деревни прибыл?

— Третий год пошёл.

— Так. Давно воровством промышляешь? Пашка замялся.

— Говори правду! — строго сказал Миша.

— Недавно... Я, дяденька, только мясо украл. А больше никогда...

— А на какие деньги в карты играл? — продолжал спрашивать механик.

— Я накопил. Сам зарабатывал и накопил.

— И все проиграл?

— Все до копейки.

— А что думаешь дальше делать?

— Не знаю.

— Плохи твои дела, Пашка. Очень плохи, — задумчиво сказал механик. — Приехал в город культуры набираться и угодил в помойную яму. Ты же знал, что в карты играть — гибельное занятие?

— Знал.

— Почему же ты играл?

— А я думал отыграться.

— Все вы так думаете, а думалка-то у вас плохо варит. А надо что-то придумать... Самое лучшее — сходить тебе к директору училища и покаяться. Помни, что, если ты чистосердечно сознаёшься и расскажешься, это уже половина вины долой. Могут и простить. Понял?

— Понял.

— Боишься идти?

— Боюсь.

— Как же быть? Дел натворил целый ворох, а ответ держать трусишь. Когда мясо воровал, не боялся?

— Боялся.

— А все-таки украл. Так и сейчас надо. Пересилить страх. Потом легко будет. Сколько же ты мяса украл?

— Кило четыре с лишним.

— А точнее? — Ну, пять.

— Да... Серьёзное дело. — Ведь посадить могут, дяденька...

— Могут и посадить, — подтвердил Николай Васильевич. — А все-таки дорога только одна у тебя: признаться самому.

Пашка заплакал.

— Боюсь, дяденька, один идти... Сердце застывает...

— Ну, вот что сделаем. Так и быть, схожу с тобой к вашему директору. Согласен?

— Согласен, — сказал Пашка и горько вздохнул, — Только они меня все равно в милицию отправят.

— Да, может, и отправят... Заслужил...

— Дяденька, вы скажите ему, что я больше никогда, ни за что не буду красть. Пускай меня на части режут... Я же не хотел... Я думал, что отыграюсь... Стакан Стаканычу я помаленьку отдам все сполна...

— говорил Пашка, и крупные слезы текли, промывая две светлые дорожки на грязных щеках.

— Я больше никогда, дяденька...

— Умыться тебе надо, — сказал сурово механик — Какой адрес училища?

Он записал адрес и фамилию директора, который жил при училище.

— Завтра пойдём... Миша, отведи его в кубрик. Пускай умоется и спать ложится, а сам зайди ко мне... Тюфяк на койке есть?

— Есть. Идём, Пашка.

Они прошли в кубрик. Здесь Миша дал Пашке мыло, полотенце, показал койку и, проводив его к умывальнику, отправился к Николаю Васильевичу. Тот был уже в шинели.

— Миша, ты его знаешь больше меня, — сказал механик, когда мальчик вошёл в каюту. — Как ты думаешь, — поручиться за него можно? Не врёт он?

— Нет. Его Брюнет втянул и нарочно обыгрывал.

— Я тоже так думаю. Кажется, парень не испорченный, — сказал Николай Васильевич.

Он знал, что Миша выполнял какие-то поручения майора, но не расспрашивал о подробностях, уверенный, что Иван Васильевич пристально наблюдает за Мишей.

— Меня смущает мясо. Ведь кладовщик отвечает за него, и это большая ценность сейчас.

— А знаете что, Николай Васильевич! У меня лососки много. Можно пять килограмм отдать. Рыба тоже как мясо считается.

— Если тебе не жалко, то это выход.

— А чего жалеть? Надо же человека выручить.

— Хорошо придумал. Я так и скажу директору.

— А вы возьмите рыбу сейчас.

— Хорошо Принеси рыбу, но чтобы Пашка об этом не знал. Запомни!

Миша прошёл в кубрик. Пашка ещё не вернулся. Отрезать большой кусок лососки и завернуть его в газету было делом нескольких минут.

Николай Васильевич прикинул на руке вес рыбы.

— Пожалуй, много... Ну, что останется — принесу обратно.

— Ладно. Я остальное завтра в детсад снесу, — сказал Миша.

Возвращаясь в кубрик, Миша застал Пашку в коридоре.

Перед ним стоял Сысоев и грозно спрашивал;

— Ты откуда такой явился?

— Я Пашка.

— Это мне наплевать, что ты Пашка. А зачем ты на судне шляешься?

— Я умывался, дяденька, — испуганно оправдывался мальчик.

— Какой я тебе дяденька! Племянников у меня здесь не водится. Ты мне скажи, зачем ты сюда забрался?

— Я заблудился.

— Оставь его, Сысоев, — вмещался Миша, видя, что Пашка всерьёз струсил. — Николай Васильевич ему разрешил переночевать.

— Ага! Ну то-то! Смотри у меня! — погрозил Сысоев пальцем. — Я не посмотрю, что ты Пашка, а раз, два — и готово! Ол райт! Понял?

— Понял, — покорно согласился Пашка.

— Иди, ложись спать!.. Да ты, может, есть хочешь? — Пашка виновато опустил голову. — Ну, иди за мной! — строго скомандовал Сысоев.

Миша выяснил, что Пашка, возвращаясь назад, заблудился. В машинном отделении его заметил работающий там Сысоев и пошёл следом. Заплутавшись в расположении дверей, Пашка сунулся было в кубрик машиниста, но, поняв, что заблудился, испуганно попятился обратно в коридор, где и был остановлен Сысоевым.

Неожиданный поворот судьбы сильно волновал Пашку. И теперь, когда Сысоев накормил его и уложил в своём кубрике, он долго ворочался на тюфяке, вздыхал, кряхтел, пока наконец не заснул...

Миша ушёл к себе и тоже долго не мог заснуть, поджидая возвращения Николая Васильевича. В глазах все ещё стояло прощание с Леной, и сердце мальчика ныло. Неужели он не увидит больше этой славной девочки? Раньше Миша относился к девчонкам сдержанно, не доверял им. Его раздражала пустая болтовня о платьях, ленточках. Сердило постоянное шептанье на ухо, по секрету, и беспричинный, как ему казалось, смех Лена была какая-то другая... Тяжёлые дни блокады сделали её не по летам серьёзной, вдумчивой, отзывчивой. Она и техникой интересовалась, и даже швейную машинку умела разбирать...

Миша, не раздеваясь, прилёг и незаметно уснул, а когда очнулся, над ним стоял Николай Васильевич.

— Миша, я все уладил. Директор у них педагог умный... Вот здесь остатки рыбы. Завтра утром придётся мне проводить Пашку в училище, а то, пожалуй, в последний момент от испуга убежит. Его условно простят, и он должен учёбой доказать, что исправился.

Николай Васильевич подсел к Мише и некоторое время задумчиво молчал. Потом медленно сказал:

— Так вот, Миша, часто и начинается. Хороший мальчишка, доверчивый. А запутался в паутине у мерзавца — и пропал. Выпивки, карты... Начал с маленького, а пришёл к воровству...

— И кончил бы тюрьмой, — добавил Миша.

— По-разному бывает. Тюрьма не всякого исправит. Тюрьма — место тяжёлое. Слабого ещё больше ломает.

Ласковый и серьёзный тон разговора Николая Васильевича с Мишей, как со взрослым, взволновал мальчика. Действительно, такие истории, как с Пашкой, обычно начинаются с пустяков. От озорства. Потом — хулиганство... воровство... И сломалась жизнь.

— Будь, Миша, всегда внимательным и строгим к себе и к таким, как Пашка... Брюнеты знают, кого можно использовать...

— Таких, как Брюнет, мало, — убеждённо сказал Миша.

— Таких верно мало, — подтвердил Николай Васильевич. — А слабых душой, как Пашка, встретишь не раз.

— Трудно жить, Николай Васильевич, — сказал Миша, вспомнив фразу Сысоева.

— Вот и запутываются.

— Нет, Миша! — твёрдо сказал Николай Васильевич. — Как раз в трудностях и вырастает настоящий человек! Главное в человеке — твёрдость и честность. И труд! Труд, Миша, самая великая сила, которая делает человека человеком... Лодыри никогда не бывают настоящими людьми... А паразиты — всегда подонки.

Серьёзная, душевная беседа продолжалась за полночь. И когда Николай Васильевич ушёл, Миша ещё долго не мог заснуть, вдумываясь в простые и умные слова старшего механика.

20. У ГОРСКОГО

Миша встретил Буракова на верхней палубе. Они ушли на нос судна. Миша рассказал о поручении Брюнета.

— Так мы и думали. Покажи противогаз. Разведчик осветил фонариком противогаз, достал его из сумки и, убедившись, что нижнее отверстие закрыто картонным кружком, засунул противогаз обратно в сумку.

— Все в порядке, Миша. Значит, ты хорошо действовал, если они тебе доверяют. Теперь начинается самое главное. Нужно быть особенно осторожным и внимательным. Сходишь завтра к Горскому...

— Это к тому Горскому? — спросил мальчик.

— Да, да, к тому. Он тебе даст поручение. Соглашайся. Ты встретишься с Нюсей в десять около Витебского вокзала у трамвайной остановки? А там недалеко и он живёт. Ну, а мы с тобой увидимся...

Расспросив некоторые подробности, Бураков пожал мальчику руку, пожелал спокойной ночи и ушёл.

Взволнованный поручением, Миша даже забыл сказать о письме отца. Спать не хотелось. На столике стояла чернильница. Она навела на мысль написать ещё одно письмо. «Если то не дойдёт, это получит». Он поднялся к Николаю Васильевичу и постучался.

— Можно! Ага, Миша! Ну, как дела?

Николай Васильевич старательно смывал с рук следы жирной смазки. Вид у него был усталый, но чувствовалось, что он был чем-то очень доволен.

— Все в порядке, Николай Васильевич.

— Молодец! На «Волхове» работали хорошо. Когда выполнишь поручение брата, засажу тебя за учёбу.

— Есть. А я письмо от отца получил, Николай Васильевич.

— Неужели? Очень рад за тебя. Поздравляю. Где он?

— Он сейчас на фронт собирается. Ранен был, — гордо сказал Миша, — Я к вам попросить бумаги листочек и конверт. У меня дома есть, только я забыл.

— Пожалуйста, дружок. Чего другого нет, а этого добра у меня запас.

— Спасибо.

При свете коптилки, поджав под себя йоги, сидел Миша в своём кубрике над письмом, временами отрываясь и прислушиваясь к далёкой стрельбе.

«Здравствуй, папа!

Я получил твоё письмо и так обрадовался, что и сказать не могу. Написал ответ, а если он потеряется, то это письмо второе. Я писал, что мы с Люсей живы и здоровы, а мама умерла от бомбы...»

Дальше Миша почти точно переписал содержание первого письма, но в конце не утерпел и приписал:

«Пишу я тебе из своей каюты на большом судне, где я обязательно буду плавать механиком. А в порту стреляют наши зенитки по немецким самолётам. Не думай, папа, что я ничего не делаю для войны. Сколько могу, я помогаю. Осенью 1941 года мы ловили с ребятами немецких ракетчиков, а теперь диверсантов. Не думай, что враги есть только на фронте. Эти гады пролезают везде, а есть такие, что немцам продались и вредят нам. Не сомневайся, папа, всех предателей переловим. Голод у нас кончился. Теперь ты за нас не беспокойся.

Остаюсь твой сын

Михаил Алексеев».

Мальчик перечитал письмо, сложил и запечатал в конверт. Написав адрес, он спрятал письмо в боковой карман пальто, чтобы завтра утром опустить в почтовый ящик.

* * *

Как и предсказал барометр, ночью начал моросить мелкий дождик. Утро было пасмурное.

Точно к десяти часам Миша приехал к Витебскому вокзалу и издали увидел Нюсю. «Намалёвана картина... Не чернилом, не пером, — из лоханки помелом...» — с неприязнью вспомнил он детскую песенку.

— Здравствуйте, Миша, — сказала Нюся и неожиданно взяла его под руку. — Идёмте скорей, а то этот дождик моросит так противно...

Миша смутился и в первые минуты не знал, что говорить. Первый раз в жизни ему пришлось идти под руку с девушкой. Он исподлобья поглядывал на встречных пешеходов, опасаясь увидеть насмешливую улыбку, но почему-то никто не обращал на него внимания. «Увидел бы меня Сысоев с ней... Вот смеху-то было бы! С одного бока противогаз, с другого — это чучело...»

— Если бы вы следили за собой, Миша, одевались бы красивей, как Жора, по вас бы многие девочки вздыхали... Вам надо обязательно в парикмахерскую сходить...

С последним замечанием Миша согласился. Он давно не стригся, а парикмахерских открылось уже много.

Нюся продолжала болтать какие-то глупости, забавляясь смущением своего кавалера. Случайно она заметила торчавший из кармана его пальто край конверта. «Письмо... наверно, от девочки», — решила она, так как ни о чем другом думать не могла. Как опытная воровка, она свободной рукой незаметно вытащила письмо а спрятала его за борт своего пальто.

Вскоре они свернули в переулок и остановились у подъезда большого дома.

— Здесь. Я провожу вас до квартиры, — сказала Нюся.

Они поднялись во второй этаж. Нюся постучала в дверь, как показалось Мише, условным стуком. За дверью послышался мужской голос.

— Кто там?

— Виктор Георгиевич, это я — Нюся. Дверь открылась.

— Ну, проходите!

Преодолевая волнение, Миша старался запомнить голос этого тайного врага, этого человека с прямым носом и сжатыми губами, черты которого так внимательно изучал по фотографии.

— Входите, входите проворнее! Миша с Нюсей вошли. Дверь тяжело захлопнулась, щёлкнув замком.

— Виктор Георгиевич, это Миша Алексеев, Жора просил проводить его к вам.

Горский пристально посмотрел на юношу и холодно сказал:

— Знаю.

Миша спокойно снял противогаз и протянул Горскому.

— Зачем? Оставь у себя.

— Я вам больше не нужна, Виктор Георгиевич?

— Нет.

— Тогда я пойду... До свиданья.

Нюся ушла, и Миша облегчённо вздохнул. «Наконец-то отвязалась». Присутствие этой вертлявой, нахальной девчонки связывало его. «Какая-то она противная, навязчивая...»

— Проходи в комнату... Садись! — сказал Горский. Он остановился против мальчика, засунул руки в карманы и, покачиваясь на длинных ногах, начал говорить, отдельно каждое слово, словно вбивал в голову гвозди.

— Запомни раз навсегда. Малейшее неповиновение — смерть. Проболтаешься — смерть. Измена — страшная смерть всем родным. Помни — нас много. Мы — везде. От нас не скроешься. — Стало немного жутко от этого предисловия. — Точное выполнение приказа — награда, — продолжал Горский — Послушание — награда. Скоро кончится война, и награда двойная. Запомнил?

— Запомнил.

Горский снова прошёлся по комнате, затем приступил к объяснению. Задача оказалась очень простой. Нужно было поехать на Молококомбинат, вызвать одного человека и передать ему противогаз. С этим человеком условиться, как его легче и быстрее найти, чтобы в нужный момент передать часы. После передачи часов предстояло спрятаться от обстрела где-нибудь поблизости и ждать. Спустя некоторое время должен был произойти взрыв. После взрыва следовало надеть противогаз и дать сигнал химической тревоги. С сегодняшнего дня ежедневно, по вечерам, приходите на квартиру Кукушкиных. Дальнейшие приказания даст Брюнет.

— А часы? — спросил Миша

— Часы у Брюнета. Когда будет получен приказ, он их поставит и передаст тебе. Твоя задача — быстро доставить их на место.

— А как он их поставит? — спросил Миша.

— Это не твоё дело. Можешь идти.

Запомнив фамилию и адрес указанного ему человека, Миша отправился на Молококомбинат.

На трамвайной остановке стояло несколько пассажиров.

— Эй, мальчик! Иди-ка сюда, — позвал с тротуара Мишу какой-то инвалид, сидевший на мешке. — Помоги, дорогой, мешочек поднять, — сказал он.

Миша подошёл, нагнулся к лежащему на земле мешку, и в этот момент инвалид сказал вполголоса:

— Миша Алексеев! Иди пешком по Международному проспекту до кино «Олимпия». Там остановись. Это было неожиданно, но Миша не растерялся.

— Есть, — сказал он, помогая взвалить лёгкий мешок на спину инвалида.

— Спасибо, дорогой, — громко поблагодарил тот и заковылял в сторону Витебского вокзала.

Миша взглянул в переулок, откуда только что вышел, и увидел дом, подъезд и окна квартиры Горскою. Все в порядке... Значит, Мишу охраняли. Это было приятно. Все угрозы предателя показались смешными.

К кино «Олимпия» мальчик приближался с любопытством. Какая неожиданность его там ждёт? Но, оказывается, неожиданность бывает только тогда, когда её не ждёшь.

В подъезде кино, прислонившись к колонне, стоял Бураков. Он подмигнул и вошёл внутрь. Миша шёл следом, пока они не поднялись в будку киномеханика.

Здесь было тепло и светло. Играла музыка. Приятно трещал аппарат, пропуская ленту. Около киноаппарата сидела девушка в синем халате с засученными рукавами и смотрела в окошечко. Она мельком взглянула на пришедших и вновь прижалась носом к стеклу окна.

— Это моя двоюродная сестрёнка, — пояснил Бураков. — Ну, рассказывай, Миша. Нас никто не услышит. Миша подробно сообщил о поручении Горского.

— Пока все идёт хорошо, — сказал Бураков. — Иди на Молококомбинат и выполняй поручение. Под вечер я зайду на судно.

— В какое время?

— Часам к шести.

21. СОБЫТИЯ НАРАСТАЮТ

Нюся вышла из квартиры Горского, спустилась этажом ниже и на площадке лестницы вытащила письмо. Каково же было её разочарование, когда она прочла адрес: «Полевая почта». С досады она хотела разорвать и тут же бросить его, но раздумала. Любопытства ради она все-таки прочитала письмо. И ей показалось, что завитые в парикмахерской кудри зашевелились на голове от того, что она узнала. В первый момент захотелось куда-нибудь убежать, спрятаться так, чтобы её не нашли даже друзья-приятели. Следующей мыслью было немедленно отыскать Брюнета, рассказать ему все. Это он завлѣк её в свои сети, пускай сам и выручает.

Тюрьма! У неё были уже два привода в милицию, на неё косо смотрели жильцы дома, но тюрьмы она ещё не знала.

Подлая девчонка ждала немцев. Брюнет обещал ей, что она оденется в шелка и французское трико, будет питаться одним шоколадом, вѣдрами пить шампанское, и вообще должна начаться какая-то сказочная жизнь... И вдруг — тюрьма... Брюнета она встретила в условленном месте. Он ждал у подъезда. Запыхавшись от быстрой ходьбы, она схватила его под руку и увлекла под ворота.

— Жорочка... скорей... Жорочка, мы пропали!

— Не психуй! В чем дело?

Вместо ответа она протянула ему письмо.

— Читай...

Брюнет с недоумением взял письмо. Пока он читал, Нюся с беспокойством поглядывала по сторонам. Когда атаман дошел до Мишиной приписки, он заскрипел зубами. Глаза его налились кровью. «Все. Конец!» Не глядя на сообщницу, он прошѣл во двор, сел на выброшенное из квартиры разбитое трюмо и опустил голову

— Что делать, Жорочка?... Надо бежать. Там все знают, — бормотала Нюся.

— Помолчи! — резко сказал атаман.

Он достал блокнот, карандаш и написал несколько строк.

— Слушай, Нюська. Если мы опоздаем, верѣвка приготовлена.

— Ой! Что ты болтаешь?

— Слушай, дура! Вот эту записку как можно скорей отнеси Семёну Петровичу. Он в столовой. Домой больше не ходи. На квартиру к Кренделю тоже. Там в любой момент могут накрыть... Поняла?

— Куда же идти?

— Вечером придёшь в Старую Деревню... Знаешь дом, где с тобой были... Его разломали... Поблизости в блиндаже спрячешься. Потом я скажу, что делать. Ну, иди. Торопись!

Нюся ушла. Брюнет, сжимая кулаки, некоторое время ещё сидел па подставке трюмо, «Как отомстить? Как уничтожить Мишку, чтобы все знали... Всадить в сердце финку с запиской? Вероятно, он ещё не подозревает, что раскрыт». Брюнет вытащил из кармана часы и посмотрел время. Начало двенадцатого. При взгляде на часы у него возник план мести. Домой идти опасно, но ради такой мести стоит рискнуть.

За каждым углом мерещилась засада. В каждом встречном пешеходе он видел врага и ждал, что тот вытащит пистолет...

Вот и дом. Брюнет долго не решался войти в подъезд. «Чего я боюсь? — успокаивал он себя. — Никто же не знает, где я живу».

Наконец он решился и вошёл в дом, а затем и в квартиру. «Опасности ещё нет... Мы опередили... Советская разведка разоблачена, — думал Брюнет, подбадривая себя. — Нужно оставить их в дураках. Они продолжают сопротивляться на фронте... Но ещё немного усилий, и конец!»

Брюнет снял с вешалки противогаз, вынул коробку и сорвал картонный кружок, закрывавший нижнее отверстие. Из письменного стола достал часы с золотым ободком и задумался. «К Мишке пошлю Кренделя, — они дружат. Если назначить ему приход в семь часов вечера, то взрыв должен произойти за полчаса... нет... за сорок пять минут». Брюнет усмехнулся, представив, как разорвётся мина. «Интересно, что будет в этот момент думать Мишка и что от него останется...» Он злорадно начал заводить часы. Послушав работу механизма, перевёл ободок на шесть часов пятнадцать минут. Теперь оставалось вложить часы в приготовленное углубление... Атаман медлил. Ему впервые приходилось заряжать эту адскую машину, — практиковались они на учебных. Стало немного не по себе. «А вдруг сорвётся раньше времени?» Чтобы успокоиться, он потрянул несколько

раз часами, потом начал крутить головку. Когда стрелки подошли к шести часам пятнадцати минутам, ободок щёлкнул и вернулся на старое место. Часы работали безукоризненно. Сверив по своим часам, он поставил верное время, снова перевёл ободок на шесть пятнадцать и наконец вложил часы в углубление противогаза.

* * *

Миша, выполнив поручение Горского, возвращался на судно. Проходя мимо почтового отделения, увидел синий ящик, вспомнил про письмо и сунул руку в карман. Письма не было.

«Куда же оно девалось? — Он обыскал все карманы. — Неужели оставил в каюте? — Но ведь он отлично помнил, что сунул письмо в карман. — Странно. Неужели потерял?»

Конечно, мальчику не пришло в голову, что письмо украла Нюся или кто-нибудь другой. Кому нужно чужое письмо? Для Миши это письмо тоже не представляло особенной ценности. Он решил писать отцу часто, пока не получит от него ответа.

«Может быть, выронил в каюте, когда одевался?» — мелькнуло предположение.

На набережной, против судна, его поджидал Крендель с противогазом. Он мотнул Мише головой и пошёл вперёд, а когда тот поравнялся с ним, передал противогаз.

— Брюнет велел вручить тебе ещё один противогаз и наказал, чтобы ты нигде его не оставлял и точно к семи часам сегодня обязательно пришёл с этим противогазом к нам. Дело есть. Раньше не приходи, никого не будет. Ровно в семь!

Брюнет не предупредил Кренделя, что мина заряжена, и поэтому все произошло естественно и просто.

— Неужели все время с ним таскаться? Тяжёлый...

— Ничего. Потерпи... Мишка, ты у Виктора Георгиевича был сегодня? — спросил Крендель тоном заговорщика.

— Да.

— Поджилки тряслись?

— Что-то не заметил.

— Врёшь. У меня, понимаешь, душа с телом прощалась. Две ночи после того во сне покойники приходили. Миша усмехнулся.

— Ты теперь, Мишка, держись! Это, знаешь, не кочан капусты. Чуть что и... со святыми упокой! Миша пожал плечами, но ничего не сказал. Они подошли к судну.

— Ну, ладно! Пока!

Вор ушёл. Миша поднялся на судно. Письма в каюте он не нашёл и решил, что где-нибудь обронил его. Было ещё рано. До прихода Буракова, до шести часов, можно было сходить к Люсе, отнести ей вещи и рассказать о письме отца.

* * *

Иван Васильевич раздумывал над материалами дела. План диверсии врага сводился к тому, что в назначенное время в Московском районе одновременно будут взорваны несколько крупнейших хранилищ аммиака. Члены шайки Брюнета вслед за взрывами устраивают панику сигналами химической тревоги (рельсы развешаны всюду) и криками: «Газы! Газы!»

Сообщение, полученное от Алексеева, лишний раз подтверждало имеющиеся данные. Материалы разведки полностью раскрывали немецкий план и всех его участников, кроме одного. Тарантул... Это главный руководитель. Кажется, немец, отлично владеющий русским языком и знающий город. Радиопередатчик у него. Близкое отношение к Тарантулу имеет только атаман воровской шайки, Брюнет.

С арестом всей этой шайки Иван Васильевич медлил. Хотелось захватить плавного, обер-бандита, — Тарантула. Выследить его пока ещё не удалось. Пока ещё не установили точно даже настоящую национальность и подлинное имя Тарантула. Ленька Перец и Ваня Ляпа слышали кличку, но не знают и никогда не видели его в лицо. По материалам, никто, кроме Брюнета, с Тарантулом не встречался.

Размышления Ивана Васильевича прервал телефонный звонок.

— Слушаю.

— Товарищ майор! Трифонов у аппарата. Вынужден доложить по телефону. Без вашего распоряжения задержал Семена Петровича.

— Что случилось?

— Пришла девчонка Нюся с запиской. Они предупреждены и собираются скрыться. Надо действовать.

— Кто предупредил их?

— Письмо какое-то украли у Алексеева.

— А где эта Нюся?

— Задержал.

— Хорошо. Высылаю машину.

Майор повесил трубку. Размышления кончились. Обстоятельства сами назначили срок операции. Он нажал кнопку звонка.

Преждевременные действия Трифонова были вызваны необходимостью. Иначе он поступить не мог, и теперь надо действовать быстро...

* * *

Дождь не мог испортить хорошего настроения Миши. Последние два дня принесли много приятного. Нашёлся отец. Ответственное поручение Ивана Васильевича он выполнил хорошо.

Миша завернул в бумагу остатки лососки и пошёл к трамваю. Он заехал домой, связал в узел пальто, шапочку, ботинки, чулки и два платья для Люси и отправился в детский сад.

«Черт его дери, этот противогаз, — думал Миша, приближаясь к детскому саду. — Какой он тяжёлый, даже плечо ноет. Надо было оставить в кубрике». Мальчик перехватил узел в другую руку и поправил противогаз.

В детском саду его встретили, как всегда, приветливо. Заведующей не было, но воспитательница, узнав о цели прихода, сама привела Люсю.

— Здравствуй, Люсенька! — Девочка по привычке подставила щеку. — Как ты живёшь?

— Хорошо.

— Сегодня я тебе целую кучу новостей принёс. Папа письмо прислал. Слышишь, Люся?

— Слышу.

— Он па фронте за нас воюет. Слышишь?

— Слышу.

— А почему ты не радуешься?

— Я радуюсь.

Воспитательница с улыбкой слушала этот диалог, переглядываясь с бухгалтером Марией Ивановной.

— Хочешь, я тебе письмо прочитаю? — предложил Миша.

— Хочу.

Он медленно прочитал письмо. Люся слушала внимательно, но не выражала при этом ни особой радости, ни печали. Миша не понимал, что она отвыкла от него, плохо помнит отца и к тому же стесняется посторонних.

Через десять минут после ухода брага, когда Люся вернётся к своим подругам, все эти новости будут шумно обсуждаться детворой. «Люсин папа жив! На фронте! Люсин брат приходил! Он моряк, на лодке катается!»

Свидание с братом было всегда большим событием, и Люся ходила героиней дня, пока детей не отвлекло какое-нибудь новое происшествие.

Миша этого не знал.

— Я папе ответ написал... От тебя тоже послал привет. Ты бы нарисовала ему что-нибудь на бумажке, а я пошлю... Ладно? В следующий раз приготовь. Слышишь?

— Я наши самолёты нарисую.

— Ну, хоть самолёты.

— Или танки на колёсах.

— Ну вот... А теперь надо будет примерить твои обновки. Я тебе обещал одежду купить. Моё слово — закон!

Миша развязал узел и начал раскладывать вещи. Противогаз мешал, сползал на бок. Он снял его и повесил на спинку стула, на котором сидела Мария Ивановна.

— Заботливый у тебя брат, Люся, — сказала воспитательница, принимаясь за дело. — Снимай ботинки.

Из кухни пришла кладовщица, увидела подарки и заахала.

— Это не всё, — гордо сказал Миша. — Дома остались перчатки, валенки и ещё что-то...

Женщины захлопотали вокруг девочки. Не утерпела и Мария Ивановна. Но как только она встала, стул с висевшим на спинке

противогазом упал. Она подняла стул, а противогаз положила тут же на скамейку.

Через несколько минут переодетая Люся, по просьбе женщин, ходила по комнате, поворачивалась, приседала, наклонялась. В канцелярию зашли ещё две няни и повариха, благоволившая к Мише за кошку. Затем на девочку надели верхнюю одежду, и снова Миша покраснел от смущения, не зная, куда деваться от похвал.

— Ну и брат у тебя, Люся! Пойди поблагодари его, — говорила повариха, — скажи: «Спасибо, братик», — обними его...

Люся подошла к Мише. Лицо девочки светилось счастьем, гордостью за брата. Она не знала, что сказать, но всякие слова её показались бы Мише лишними.

— Ладно, Люсенька. Чего уж там благодарить! Ты ведь мне родная. Лососку вместе ловили, — сказал он, потирая нос, но все же нагнул и сам поцеловал сестрёнку. Потом, вспомнив про лососку, передал свёрток поварихе. — Вот, угостите ребятшек. Тут много...

— Да ты поел бы сам, милый! — всполошилась повариха. Но Миша не стал слушать и заторопился. Делать больше было нечего. Он попрощался с сестрой и присутствующими, взял противогаз и вышел на улицу.

По-прежнему моросил дождь.

22. МИНА ЗАРЯЖЕНА

Брюнет поджидал Кренделя за углом.

— Ну, как?

— Все в порядке.

— Ты ему лично передал?

— Понятно лично.

— А что так долго?

— Так его же не было. Он к Горскому ездил.

— Долго. С какой стороны он пришёл?

— С трамвайной остановки.

— Ну, идём.

Брюнет ещё медлил сообщить Кренделю про украденное у Миши письмо. Вор с удивлением присматривался к атаману. Брюнет явно нервничал.

— Куда сейчас? — спросил вор.

— К Горскому.

— На трамвае?

— Ну ясно, не пешком. Чего ты глупости спрашиваешь?

Переулками они прошли к Литейному проспекту и здесь сели на трамвай. Всю дорогу Брюнет молчал, кусая губы.

— Вот что, Крендель, — сказал он, когда они вышли и приблизились к переулку. — Я перейду на ту сторону и подожду. Ты иди к Виктору Георгиевичу, скажи ему, что у меня есть важное дело. Пусть выйдет на улицу. Понял?

— Так идём лучше к нему.

— Не твоё дело, дурак. Делай, что приказано!

Крендель пожал плечами, но спорить не стал. Он свернул в переулок и направился к дому. Брюнет перешёл на другую сторону улицы и остановился у стены. Внутри у него все дрожало, не то от злости, не то от сырости, проникавшей под одежду. Он с утра был на ногах и ещё ничего не ел.

Прошло четверть часа.

С минуты на минуту должна была появиться знакомая фигура. Прошло ещё десять минут. В голову полезли тревожные мысли: «Что

там случилось? Если Горского нет дома, то Крендель давно должен вернуться. А может быть, этот кретин сидит на лестнице и ждёт?»

Сегодня Брюнета вдвойне раздражали эти люди, с которыми волей-неволей ему пришлось водиться. Ему ничего не стоило завербовать их и делать с ними что заблагорассудится. Воры слепо верили, подчинялись ему, и за это он презирал их от всей души.

Вот уже полчаса прошло с момента ухода Кренделя, а он все не возвращался.

Наконец подозрение перешло в уверенность: «Горский арестован. Кренделя задержали...»

Отправляя вора в квартиру Горского, Брюнет предусматривал опасность, — за квартирой могли следить. Он думал о том, чтобы не попасться... А пока он на свободе, он будет бороться до последней возможности.

Брюнет оглянулся; на трамвайной остановке стояли три человека, по улице шли одиночки, — как будто за ним никто не следит. Он быстро дошёл до угла, завернул и прижался к стене. Осторожно выглянул. По-прежнему никого. Со слабой надеждой подождал ещё минут десять, не спуская глаз с переулка. Но ни Крендель, ни Горский не выходили. «Конечно, попались, — решил он. — Об этих скотах теперь заботиться нечего — Надо предупредить остальных».

* * *

Миша нервничал, ожидая трамвая. Наконец трамвай подошёл. Мальчик влез в вагон и нетерпеливо попросил какого-то человека в военно-морской форме сказать, который час.

Моряк недовольно проворчал что-то о сырости, но, отряхнув капли с рукава шинели, достал часы.

— Без десяти пять.

— Спасибо.

Миша успокоился. До прихода Буракова ещё целый час. Теперь можно не спешить. Правда, приказание Брюнета явиться к семи часам на Фонтанку сжимало сроки, но Бураков, может быть, пойдёт его проводить, и на ходу Миша успеет рассказать о своей поездке на Молококомбинат.

Подходя к судну, Миша заметил фигуру человека, нервно прохаживающегося взад и вперед по набережной. Человек окликнул мальчика, прежде чем тот его узнал.

— Миша! Наконец-то! Живой и невредимый. Очень я за тебя волновался. Ты бы хоть сообщил комунибудь, куда уходишь, — сказал Бураков, облегченно вздыхая.

— Я же не опоздал, товарищ Бураков. Вы хотели к шести часам прийти.

— Да, да, пришёл пораньше. Боялся за тебя. Ну, а теперь скажи мне, ты письмо отцу писал?

— Писал... — с недоумением ответил Миша.

— Где оно?

— Первое отправил, а второе потерял.

— Ошибаешься, голубчик. Ты его не потерял. Что ты там написал?

— Ничего особенного.

— А вспомни-ка... Не писал ты, что шайку немецких бандитов выловил?

— Не-ет... Что вы? — возмутился Миша, но сейчас же осёкся. — Хотя...

— То-то и оно... «хотя»... Вот это «хотя» нам помешало, и тебе дорого могло стоить, — сказал Бураков.

Видя, что мальчик не может догадаться, в чем дело, он разъяснил, что письмо украла Нюся у него из кармана.

Было заметно, как побледнел Миша.

— Ведь я предупреждал тебя, — продолжал Бураков. — Малейшая неосторожность, одно ошибочное слово — и все пропало...

— Что же теперь делать? — испуганно спросил Миша.

— Делать теперь нечего. Все кончено.

— Как кончено? Они удрали?

— Удрать они не успели, но Иван Васильевич недоволен.

Миша молчал. Он стоял перед Бураковым растерянный, подавленный тяжестью своего поступка. Что можно было сказать в своё оправдание? Ведь Бураков предупреждал... Беспокоился о нем... Иван Васильевич надеялся... Доверял... И вот он, Мишка, обманул это дорогое доверие... Тоска стиснула сердце. Чтобы скрыть от

Буракова подступившие слезы, Миша торопливо отвернулся и начал шарить по карманам, разыскивая платок.

— Что-то простудился вроде... Насморк... И глаза болят, — глухо сказал он, усердно сморкаясь, Бураков понимал состояние мальчика, но оставался сдержанным и строгим, как всегда.

— Запомни, Миша, что в нашем деле к указанию старшего надо относиться как к самому строжайшему приказу... Да и в любом деле опыт взрослых — самое дорогое для молодых поколений... Ты проявил пренебрежение к опыту старших. Извлеки из этой ошибки суровый урок для себя на всю жизнь... навсегда...

Миша молчал, тяжело переживая каждую фразу Буракова. Мельком взглянув на мальчика, Бураков замолчал... Он облокотился на гранитный парапет набережной и залюбовался предвечерними бликами, мерцающими на воде... / Маленький пузатый буксир уверенно рассекал воду, образуя крутую волну... Вот он скрылся под высоким Кировским мостом, осторожно таща за собой длинную, тяжело нагруженную баржу... Раскачавшаяся вода сломала отражение узорной литой решётки моста, его трехглазых фонарных столбов...

Далёкий противоположный берег обрисовывался строгой линией монументальных зданий. Дымились высокие трубы фабрик и заводов Выборгской стороны, напряжённо работающих на нужды обороны великого города...

Левее высился над зданиями стройный минарет. Ещё левее возвышались каменные верки Петропавловской крепости, с острым, тонким шпилем, поднимающимся к облакам.

Далеко направо было видно, как по длинному Литейному мосту проворно переползал трамвайный поезд. Красные вагончики его казались маленькими, игрушечными.

Далёкий лязг проезжающего трамвая, протяжный свисток манёвренного паровоза, звон брошенного где-то рельса, чей-то короткий громкий смех — все эти звуки, чёткие в предвечернем воздухе, говорили о напряжённой жизни людей, творящих великое дело обороны города-героя...

— Никогда по этой набережной не ступал вражеский сапог победителя, и, пока мы живы, никогда не ступит, — строго сказал Бураков, прерывая молчание.

— Ну, Миша, довольно сморкаться... Хорошо ещё, что эта ошибка благополучно тебе с рук сошла. Ты мог погибнуть. Схватка была серьёзная...

— Тайная схватка, — сказал Миша, торопливо запихивая платок в карман.

— Да, пожалуй, эту схватку можно назвать тайной схваткой...

— Это они от подлости действуют тайком, — сказал Миша.

Бураков нахмурился.

— Тайная война, Миша, — серьёзная и опасная война. Эту войну враги ведут против нас с самого рождения советского строя. И в этой войне нам всегда надо бить врагов насмерть.

Миша почувствовал вдруг, как дорого ему, что Бураков не ушёл сразу и разговаривает с ним, с Мишкой, как со взрослым, серьёзно и дружески. Поддерживая разговор, Миша сказал:

— Вот не было бы на земле этих диверсантов, войн... Люди работали бы, учились, строили новые дома, заводы. Было бы всего много... хорошо бы жилось...

— Когда-нибудь так и будет, — сказал Бураков. — Люди уничтожат военные корабли, пушки, пулемёты и трудом и наукой создадут на земле новую, большую жизнь.

— Когда же это будет? — спросил Миша, выжидающе смотря на Буракова.

— Когда уничтожат капитализм.

— А скоро его уничтожат? — настойчиво продолжал допытываться Миша.

— Не знаю, как тебе ответить... Не знаю, Миша. В разных странах, вероятно, по-разному. А как скоро, не знаю... Не знаю. Уверен, впрочем, что ты доживёшь до этого времени...

— А вот мы его у себя уничтожили первыми, — с гордостью сказал Миша. — Я ведь читал. И в школе проходили... А почему в других странах тянут? Чего там канительятся?

— Ну, Миша, ты мне сегодня такие вопросы задаёшь... Это сразу тебе не объяснить. В жизни все сложнее, чем тебе кажется. Народная правда не всегда побеждает сразу. Но обязательно побеждает. Победит она и в других странах. К этому вся жизнь идёт... А жизнь не остановить... Она вот как наша Нева... Течёт, куда надо.

Миша задумался.

Перед ним поблёскивала Нева. Вот она, большая, многоводная, быстрая, стремительно течёт в море, чтобы слиться с ним, и никакая сила не повернёт её назад...

— Когда мы фашистов разобьём, война кончится, но борьба не кончится, Миша, ещё очень долго. Как до войны к нам посылали всяких шпионов и диверсантов, так и после войны нам надо будет ухо держать востро. Ещё ох сколько нам с ними придётся повозиться!..

— Так кто же к нам шпионов посылать станет, когда мы разобьём фашистов? — недоверчиво спросил Миша.

— Это, дорогой, ты попозже поймёшь. А пока иди-ка отдыхай, — сказал Бураков.

Миша не тронулся с места. Ему показалось, что Бураков не ответил на последний вопрос, чтобы ещё раз напомнить Мише его ошибку. На душе опять стало тоскливо, и мысли снова вернулись к шайке.

— А зачем он мне велел к семи часам прийти?

— Кто?

— Брюнет.

— Наверно, хотел рассчитаться с тобой, отомстить. Когда он тебе это сказал?

— Как только я вернулся с Молококомбината. Крендель поджидал вот здесь.

— Ну, и что? — заторопил Бураков.

— Дал противогаз и велел...

— Снимай противогаз, — резко перебил его чекист. — Живо! Это мина, а не противогаз.

Он быстро вытащил коробку... Это был самый обыкновенный советский противогаз.

— Этот ли противогаз он тебе дал? — с недоумением спросил Бураков.

— Да.

— Ничего не понимаю. Зачем же он дал такой противогаз?

— Не знаю. «Носи, — сказал, — не снимай, а ровно в семь приходи к нам».

— Нет, тут что-то не так...

Миша, расстроенный своим промахом, перестал соображать и растерянно смотрел на Буракова.

— Тут что-то не так, Миша, — повторил Бураков. — Сначала я испугался. Думал, что они повесили на тебя мину, чтобы взорвать её... Странно... Ну, в общем, не горюй. Теперь ты свободен. Забудь об этих ворах, как будто тебе приснился нехороший сон. Мне пора. Спокойной ночи. Увидимся ещё.

Бураков ушёл. Миша стоял на набережной, не замечая, как холодные капельки ползли ему за воротник. Слова утешения, сказанные Бураковым, конечно, не могли вернуть Мишу в прежнее состояние. Двадцать минут назад он считал себя чуть ли не героем, а в результате оказался «шляпой». «Чем я лучше Васьки и Стёпки? — думал он. — Они если и перестарались, зато ничего не испортили, а я...»

— Эй, адмирал! — с судна окликнул Мишу Сысоев. — Ты чего мокнешь? Подымайся!

Миша машинально поднялся на судно и пошёл за другом. Спустились в машинное отделение.

— Как я перемазался-то... смотри! — Сысоев вытянул вперёд перемазанные сажей руки. — Котёл скоблили... Наверно, и физиономия у меня тоже...

Он снял бушлат, засунул пальцы в банку с жидким мылом и, размазав его по рукам, пошёл к умывальнику. Миша безучастно наблюдал за ним.

— К Люсе-то ходил, Миша? — спросил Сысоев.

Догадка молнией мелькнула в голове мальчика. «Противогаз висел на стуле... упал... его положили на лавку... А там лежал другой противогаз... Я взял чужой. Заряженный остался в детсаду...»

Миша опрометью выскочил из машинного отделения. «Что, если не успею?»

Трамвай не было слышно. Миша заметался на остановке. В подворотне стояло несколько женщин.

— Сколько времени? — с отчаянием крикнул Миша в сторону женщин.

— Седьмой час, — раздался голос.

— Шести ещё нет, — возразил другой голос. — Недавно по радио время сообщали.

Ждать трамвая Миша не мог. Во весь дух бросился он за угол. Вот и мост. Подъем дал себя знать, и мальчик скоро начал задыхаться.

Сердце колотилось, словно собираясь выскочить. «Неужели не добегу? Дышать нужно ровно, в такт», — вспомнил он спортивное правило и побежал спокойнее. Спустившись с моста, свернул на мостовую, чтобы не столкнуться с пешеходами. Сердце начинало биться ровнее, а дыхание приходило в нормальное состояние. Так оно и бывает после десяти, пятнадцати минут бега. Теперь вопрос: выдержат ли ноги. Ещё далеко. Направо мечеть... Улица Максима Горького... Миша начал прибавлять ходу. Сзади догонял трамвай, но теперь уже не стоило его ждать. Остановка впереди, а о г остановки уж недалеко. Со всего размаха Миша налетел на женщину, переходившую дорогу. Падая, он слышал, как звякнула разбитая бутылка.

— Ой, чтоб тебя! Сумасшедший!

Миша вскочил и, прихрамывая, снова побежал.

«Сколько времени?.. Только бы не опоздать... только бы не опоздать...»

Улица Скороходова позади... Стадион... Ещё немного. Вот и Пушкарская.

Миша свернул и чуть не попал под догнавший его трамвай. Заметив мелькнувшую у самого вагона фигуру, вагоновожатая резко затормозила, но Миша был уже на другой стороне улицы.

По лестнице он взбежал одним духом и изо всех сил забарабанил кулаками в дверь. Сверху кто-то спускался.

— Товарищ, сколько времени сейчас?.. Скажите, пожалуйста... — жалобно спросил Миша.

— Пять минут седьмого, — ответил голос.

Стало немного легче. Время ещё есть, если мина поставлена на семь часов Миша не знал, как она разряжается, и решил, что утащит её куда-нибудь в безлюдное место и бросит. «Лучше всего в воду. Недалеко Ботанический сад, а около него канал...»

— Кто там стучит? — послышался голос за дверью.

— Откройте, нянечка, скорей!

— А кто ты такой?

— Я Миша... Миша Алексеев... Скорей!

Дверь открылась. Не отвечая на вопросы удивлённой няни, Миша бросился в канцелярию. За столом сидела заведующая. Она с испугом взглянула на ворвавшегося мальчика.

— Где противопогаз?

— Что?

— Противогаз... тут лежал мой противогаз... на лавке... где он?

— Что ты волнуешься? Твой противогаз никуда не денется.

— Скорей! Пожалуйста, скорей!.. Где он?

Тревога Миши невольно передалась заведующей. Она встала, обошла комнату, заглянула в соседнюю.

— Никакого противогаза нет. Ты его оставил, что ли?

— Да. Сегодня оставил. Скорей найдите, а то опоздаем! — говорил Миша, бросаясь в разные стороны и заглядывая под стол, под стулья, под шкаф. — Сколько времени?.. Только точно, — спросил он, увидя на руке заведующей часы.

— Сейчас ровно тринадцать минут седьмого.

Обессиленный Миша сел на стул.

— Где же противогаз? — с отчаянием крикнул он.

— Сейчас, Миша, я спрошу.

Заведующая вышла. Миша откинул назад голову. От слабости опустились руки. Ноги дрожали. За стеной раздавались детские голоса, звон посуды. Ребята ужинали. Скоро они лягут спать... Вернулась заведующая с молодой женщиной.

— Нюра, вы убрали здесь. Куда мог пропасть его противогаз?

— Не видала я никакого противогаза. Лежал тут Марии Ивановны противогаз на скамейке. Один только и был.

— Да, да, на скамейке! — Миша вскочил. — Где он?

— Она унесла его с собой.

— А других не было?

— Кому нужен твой противогаз! Каждому свой надоел.

— А где она живёт? — спросил Миша.

Получив адрес, мальчик бросился к выходу.

23. ВЗРЫВ

Мария Ивановна вернулась домой с работы в половине шестого. В запущенной, осиротевшей комнате было холодно.

Что делать? Ложиться спать ещё рано, да и не хотелось, хотя Мария Ивановна вставала в шесть часов утра и сразу торопилась на работу. Там было теплее, уютнее и всегда много дел.

Она решила затопить «буржуйку» и попить чаю. Снимая противогаз, чтобы повесить его на вешалку, подумала: «Почему он кажется сегодня таким тяжёлым?» Принесла поленьев и принялась колоть. Когда дрова разгорелись, поставила чайник и разделась. Потом накинула платок на плечи, придвинула любимое кресло мужа к «буржуйке», села и задумалась: «Где он сейчас? Жив ли? Давно что-то нет писем». Война разрушила так хорошо налаженную жизнь. Муж на фронте, маленький сын эвакуирован с основной группой детей детского сада на Урал. Она бы могла уехать с ним, но совесть не пустила. Здесь она нужнее. Она вспомнила, как в голодную зиму все работники отдела народного образования, в том числе и она, бродили по району, обследовали квартиры, спрашивали, разыскивали сирот. Истощённые матери отдавали своим детям все, и, как правило, дети умирали последними... Одиноких детей находили полуживыми от холода, с притупившимися чувствами, высохшими, с проступающими острыми косточками и везли на сапках к себе в детский сад.

Как изболело сердце в заботах об этих малышах! Сидя в канцелярии, она часто ловила себя на том, что теперь прислушивается к детским голосам с такой же материнской настороженностью, как раньше прислушивалась к возне сына.

Об этих чувствах вслух не говорят, но весь дружный коллектив работников детского сада понимал это и без слов.

Сегодня, несмотря на усталость, Мария Ивановна чувствовала удовлетворение: у Люси Алексеевой нашёлся отец. Хотелось верить, что многие из детей найдут отцов после войны. Если у человека погибла жена, но остался в живых ребёнок, это будет ему громадным утешением в жизни. Радость за эту чужую, наполовину осиротевшую семью согревала сердце женщины какими-то новыми чувствами,

которых она раньше в себе не замечала. Перенесённые испытания сплотили ленинградцев, сделали их более чуткими, сердечными. Да, война, а особенно блокада, многому научила и во многом изменила советских людей!

Сквозь потрескивание дровишек Марии Ивановне казалось, что она слышит еле уловимое тиканье часов. Она взглянула на стенные. Часы остановились на одиннадцати с минутами, когда бомба попала в соседний дом. С тех пор она их не трогала и они молчали... Поднесла к уху свои ручные. Нет. Эти тикали гораздо чаще.

Значит, ей послышалось...

Крышка на чайнике весело запрыгала. Она сняла его с «буржуйки», поставила на пол и вспомнила, что запас чая кончился. Обидно! Муж приучил её пить крепкий чай, заваренный по всем правилам. Неужели отказаться от этого удовольствия или выпить чёрного кофе? Может быть, у кого-нибудь занять? Сверху доносился шум.

Значит, соседи дома.

Мария Ивановна подложила в «буржуйку» дров, надела ватник и вышла на лестницу. Захлопнув дверь, она поднялась этажом выше и постучала.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Катя, это я... Мария Ивановна.

Дверь открылась.

— Пожалуйста.

— Мама дома?

— Дома, дома. Только что с работы приехали...

Женщины прошли в заднюю комнату, расположенную как раз над комнатой Марии Ивановны.

— А-а! Редкая гостья. Проходите. Мы как раз чай пить собрались.

— Здравствуйте, Анна Васильевна. Давно вас не видела. Я тоже вскипятила, да заварить нечем. Хочу у вас одолжить.

— Можно и одолжить. Только мы вас не отпустим. Садитесь, Мария Ивановна.

— У меня там печка топится.

— Ничего, Катя сбегает.

Мария Ивановна согласилась. С этой простой рабочей семьёй она всегда жила дружно.

— Как живёте, Анна Васильевна?

— Как живём?.. Маемся. Нашли бабам дело — домишки ломать.

Пятый дом в этом месяце...

Анна Васильевна не успела кончить фразу. От страшного удара пол дрогнул, посыпалась штукатурка, со стола свалилась посуда. Женщины едва устояли на ногах. Катя успела удержать закачавшийся шкаф. Стоявшая на шкафу ваза с треском рухнула на пол... От поднявшейся пыли сначала ничего не было видно.

— Мама, это снаряд, — сказала Катя.

— Слышу, не глухая, Слава богу, не к нам!

— В наш дом!

— Мария Ивановна, не к вам ли? Уж очень близко... Вот и живы!
Смерть за нами ходит — ближе, чем рубашка к телу...

— Я схожу посмотрю.

— Стойте, Катя. Надо ждать второго ещё где-нибудь поблизости, — сказала Мария Ивановна.

— А печка-то ваша... Как бы пожара не было.

— Да, да... — спохватилась Мария Ивановна. Все женщины поспешили вниз.

* * *

Миша бежал ровным, крупным шагом. Ему казалось, что мина должна взорваться в семь часов и, значит, он успеет. Мария Ивановна жила на Посадской улице. Завернув за угол около мечети, он прибавил ходу. «Где-то здесь поблизости. Надо спросить».

Спрашивать не пришлось. Около одного из домов он разглядел пожарные машины.

— Что тут случилось? — еле переводя дыхание, спросил Миша.

— Снаряд попал.

— А какой это дом?

Услышав номер дома, Миша сразу все понял. Он опоздал, и мина взорвалась.

— Куда ты лезешь? — остановила его за рукав дежурная.

— Я должен... Пустите... Миша вырвался и юркнул под ворота.

Место поражения он нашёл сразу. В квартире Марии Ивановны собралась целая комиссия, весь актив МПВО дома, и все ломали голову, как мог влететь снаряд в комнату, если окна выходят на север.

— Вы послушайте меня, — горячился один из жильцов. — Смотрите! Снаряд влетел оттуда в окно, ударился здесь, отскочил рикошетом и разорвался в углу. Вот видите, где он разорвался!

— Да что он, футбольный мяч, по-вашему?

— А вы думаете, снаряды не рикошетируют? — не унимался «специалист».

Спор разгорался.

В противоположном углу в кресле безучастно сидела хозяйка. Она, как и все, находившиеся в комнате, была обсыпана извёсткой.

— Мария Ивановна!.. Вы!.. — радостно крикнул Миша.

Мария Ивановна, узнав его, приветливо улыбнулась.

— Ты зачем, Алексеев, пришёл?

— Я к вам... Вас не ранило?

— Нет... Я случайно вышла из квартиры. Значит, ещё не суждено...

— А больше никого не было здесь?

— К счастью, никого.

— Вот хорошо... — вздохнул Миша. — Хорошего мало. Смотри, как разворотило. Все засыпало, исковеркало...

— Главное, что сами живы и никого другого не ранило...

— Да, конечно... А это все пустяки. Уборки много, ремонт большой... Товарищи, вы ещё долго будете осматривать? — обратилась она к собравшимся активистам.

— Да вот не можем понять, в чем дело. Снаряд не снаряд...

— Ключ от квартиры я оставлю управхозу, — устало предложила Мария Ивановна. — Вы осматривайте сколько угодно, а я пойду.

— Куда?

— К себе на работу... В детский сад.

* * *

Миша проводил Марию Ивановну до Кировского проспекта, попрощался и направился домой. Там он рассчитывал позвонить Ивану Васильевичу и сообщить о взрыве мины.

Казалось, что этот богатый событиями день кончился...

Но Миша ошибся.

Впереди его ожидало такое, чего он, конечно, никак не мог предусмотреть.

Брюнет возвращался с Васильевского острова. Он видел Тарантула, получил указания и ехал успокоенный. Некоторое время придётся выждать и снова взяться за работу. Все, что случилось, не так ещё страшно... Семён Петрович предупреждён, Нюська сидит где-нибудь в блиндаже и дрожит от холода и страха. Пускай ждёт. Он сначала должен заехать домой, взять часы, ценные вещи и только тогда поедет в Старую Деревню. Времени сейчас... Брюнет взглянул на часы. Без пяти семь. Значит, прозевал... Ему хотелось быть на улице в шесть пятнадцать и услышать взрыв. Мишка в момент взрыва должен был находиться на судне или на улице, и Брюнет был убеждён, что взрыв услышит весь Ленинград. «Нужно было бы его послать с противогазом в кино...» — подумал бандит.

На углу Введенской кондукторша предупредила, что трамвай пойдёт на Барочную. Это не устраивало Брюнета, и он вышел из вагона. Подняв воротник, он зашагал по Большому проспекту.

Именно в ту минуту, когда Брюнет окончательно успокоился, убедив себя, что теперь советская разведка осталась ни с чем, Ивану Васильевичу привезли те самые часы, за которыми бандит шёл к себе

домой. Кроме того, в комнате Брюнета нашли семейный альбом с фотографиями. Жора маленький, Жора с отцом и матерью. Отец в молодости... Жориним отцом Иван Васильевич особенно заинтересовался. Письма его, различные документы, несколько рукописей, технические записки и пометки на книгах — все это не осталось без внимания. Все, кроме Брюнета, были уже обезврежены. Самого Брюнета пока не трогали, рассчитывая через него напасть на след Тарантула...

24. КРАСНАЯ ПОЛОСКА

На город спускались вечерние сумерки. Сокращая дорогу, Миша пересёк площадь Сытного рынка и переулками вышел на Большой проспект. Около кино «Молния» он столкнулся лицом к лицу с Брюнетом. В первую минуту оба растерялись.

— Мишка?!

— Ага... Ты-то мне и нужен!

Замешательство атамана было понятно. Он встретил «покойника». Миша сразу пришёл в себя, и в сердце у него закипела горячая ненависть. Он ухватил Брюнета за рукав.

— Не уйдёшь, гад!.. Идём!

— Куда идём? Подожди... Как ты здесь очутился?

— Ладно. Потом поговорим.

Перебирая пальцы на рукаве, Миша захватил побольше материи и крепко зажал в кулаке. Он ждал, что бандит рванётся, но Брюнет спокойно стоял на месте.

— Подожди, надо выяснить...» Почему ты не пришёл?

— Довольно дурака валять! Идём!

Миша потянул атамана обратно к Введенской улице. Тот слабо сопротивлялся.

— Где противогаз? Тебе передал Крендель противогаз?

Брюнет думал, что Миша ещё ничего не знает, что противогаз он где-нибудь оставил.

— Какой там противогаз? Не видал я никакого противогаса... Идём, идём!

— Куда идём? Ты объясни как следует.

— Там тебе все объяснят.

— Пусти рукав, — сердито сказал Брюнет, ухватившись свободной рукой за водосточную трубу.

— Брюнет... хуже будет! Идём? — угрожающе сказал Миша.

— Пусти, говорят! Не дорос ещё мной командовать!

— А вот увидим...

— Чего тебе от меня надо?

— Ты не строй дурака. Я знаю, кто ты, и ты знаешь, кто я. А хлопушка твоя осечку дала. Понял?.. Идём!

После этих слов у Брюнета никаких сомнений не оставалось. Он оглянулся. Народу на улице было мало, но навстречу приближались две фигуры.

— Ну, хорошо... Твоя взяла, — сказал он жёстким голосом. — Я пойду...

Миша не то чтобы поверил бандиту, но от ненависти он чувствовал такую силу, что Брюнет казался ему ничтожеством. Казалось, что если он ударит его, то насмерть. Он перехватил атамана за другой рукав и, слегка подталкивая, повёл вперёд, к своему дому.

Встречная пара поравнялась, и скоро шаги её затихли сзади. Брюнет незаметно расстегнул пальто.

— Ты что? — спросил Миша. — Пальто хочешь снять?

— Да нет... жарко.

Миша ещё крепче зажал рукав и успокоился. Все складывалось очень удачно. Они приближались к дому 31, где жил Миша. Там его знали все. В штабе, или, проще, в конторе домохозяйства, он посадит Брюнета в чулан и позвонит Ивану Васильевичу. Поимкой атамана он хоть немного искупит свою оплошность с письмом.

Была минута, когда Брюнет решил, что для него все кончено. Но это продолжалось недолго. Свободной правой рукой он нащупал финку. Думая, что Миша вооружён, Брюнет постарался достать её незаметно. Это ему удалось. Теперь нужно было широким взмахом описать полукруг, и как раз острие попадёт в левый бок...

Миша инстинктивно подставил руку, и финка наткнулась на кость руки, повыше локтя. Боли Миша не почувствовал, но, поняв, что произошло, он выпустил рукав и что есть силы ударил врага в лицо. Брюнет взмахнул руками и отлетел в сторону. Ударившись о край выступивших досок, которыми была заколочена витрина магазина, он охнул, но сейчас же выпрямился и побежал.

Миша не отставал. От локтя вниз по руке потекла горячая кровь, но он не обратил на это внимания.

— Не уйдёшь, гад! — крикнул Миша, сжимая губы.

Надо же было случиться так, что Брюнет свернул под высокую арку дома 31. Здесь он, вероятно, надеялся на сквозной проход.

Проскочив мимо дежурной, он выбежал на первый двор. Увидев синюю лампочку под второй аркой, бросился туда. Здесь был второй двор, заканчивающийся забором. Если бы было хоть немного времени, он успел бы перелезть через забор, но Мишины шаги стучали уже за спиной. Брюнет бросился в подъезд и побежал по лестнице наверх.

Миша услышал, как хлопнула дверь. Он засунул пальцы в рот и на ходу пронзительно свистнул. Может быть, друзья услышат и придут на помощь.

Перед дверью Миша остановился на секунду. Что, если тот стоит за дверью с финкой? Миша сразу же отбросил эту мысль и распахнул дверь. На первой площадке прислушался. Бандит был где-то на третьем этаже. Умышленно громко топая ногами, Миша побежал следом.

Шесть этажей и наконец огромный чердак. Здесь был знаком каждый закоулок, каждая балка. Много воздушных налётов Миша с приятелями просидел на крыше.

Старик управхоз очень добросовестно относился к обороне дома. Везде у него был порядок и необходимый инструмент. Посреди громадного чердака горели синие лампочки.

Миша свернул направо и среди пожарного инструмента сразу нашёл багор. Теперь он был вооружён.

Хруст песка под ногами торопил. Брюнет успел убежать далеко. Прежде чем пуститься в погоню, Миша ещё раз пронзительно свистнул. Левая рука ослабла и онемела.

Быстро темнело, но у атамана оказался фонарик, и он легко ориентировался.

Началась погоня. Все деревянные переборки на чердаках были сняты, и поэтому можно было бегать по огромным сквозным чердакам без конца. Брюнет это скоро понял, очевидно надеясь, что рана сделает своё дело и Миша сдаст. Но не тут-то было...

Хотя потеря крови убавила сил, Миша не собирался отступить. С ловкостью перебегал он от трубы к трубе, перескакивал через балки, старался сбить врага с пути и загнать в тупик. Наконец Миша добился своего, и ему удалось перерезать Брюнету дорогу. Не зная расположения чердака, атаман свернул в другой проход и попал в тупик. Миша увидел мелькнувший луч фонарика, остановился, свистнул ещё раз и осторожно пошёл вперёд.

Добежав до стены и не найдя двери, Брюнет понял, что попался. Теперь оставалось идти напролом и схватиться с Мишкой. Но в последний момент он метнулся к слуховому окну. Это был выход, и Брюнет поспешил воспользоваться им. Под ногами загромыхало железо.

Миша услышал шум и бросился к другому окну. Оно было заколочено. Недолго думая, он выворотил багром раму и вылез на крышу.

Осторожно, чтобы не поскользнуться, Брюнет на корточках пробирался по самому гребню к крыше соседнего дома.

В одну минуту Миша пробежал расстояние, отделяющее их друг от друга, и ударил бандита багром по спине.

— Попался, гад!.. Теперь не уйдёшь... Ползи обратно!

Брюнет сел на корточки и быстро начал сползать по мокрому железу вниз. Задыхаясь от ярости, он хрипло дышал, не спуская глаз с преследователя.

Скоро он упёрся ногами в жёлоб, оказавшись на самом краю крыши.

Миша спускался за ним, держа багор наготове.

— Ты пойдёшь за мной?

— Я никуда не пойду... Уйди!..

Миша чувствовал, что бандит что-то задумал, и был настороже. Действительно, Брюнет неожиданно выпрямился, бросил финку, обеими руками ухватился за конец багра и дёрнул. Если бы Миша крепко держал своё оружие, то неизбежно полетел бы вниз. К счастью, слабость, охватившая мальчика, спасла его. Он легко выпустил багор.

Предвидя сопротивление, атаман дёрнул слишком сильно и потерял равновесие. Он взмахнул несколько раз руками и с диким криком полетел вниз.

Стёпа Панфилов был дома, когда со двора донёсся свист. Ошибиться он не мог: так свистел только Миша. Он подошёл к окну, отодвинул штору затемнения и уставился в сумерки. Никакого движения во дворе заметно не было. Однако он решил одеться.

Когда он зашнуровывал ботинки, свист повторился, но на этот раз где-то наверху. Теперь сомнения не было, и Стёпа заторопился. Третий свист он прослушал и, когда спустился во двор, не знал, где

искать Мишу. Так в нерешительности стоял он посреди двора несколько минут, пока не услышал гроыхания железа. Кто мог ходить в это время по крыше, кроме Миши?.. Может быть, объявлена воздушная тревога?.. Недолго думая, Стёпа побежал обратно на лестницу. Когда он был уже на чердаке и направлялся к слуховому окну, откуда донеслись голоса, отчаянный вопль остановил его... Что такое? Неужели Миша свалился!

Хотелось бежать вниз, но какая-то сила удержала на месте. Выглянув в окно, он увидел тёмную фигуру, медленно ползущую по крыше.

— Эй! Кто там? — крикнул мальчик.

— Стёпа!.. Помогите! — слабо ответил Миша. Стёпа моментально вылез на крышу и бросился к другу.

— Миша! Ты чего?..

— В глазах темно, Стёпа... Помогите...

— А кто сейчас крикнул так?..

— Брюнет... Потом скажу... Надо Ивану Васильевичу звонить...

Стёпа помог раненому добраться до окна.

— Что это с тобой... ты перемазан в крови?

— Финкой стукнул, гад... В глазах темно, и тошнит чего-то, — пояснил Миша, обхватив правой рукой приятеля за шею и еле передвигая ноги. — Стёпа, я на лесенке посижу, а ты беги звони... Наверно, он всмятку разбился... не убежит... Скажи, что Брюнет... запомни. Скажи, Брюнет с крыши свалился...

Степе не хотелось оставлять Мишу, но и приказания его не выполнить тоже было нельзя. Он посадил Мишу на ступеньки лестницы и побежал вниз.

В штабе он застал целый переполох. Сандружинницы совершенно растерялись, не зная, что делать со свалившимся с крыши человеком.

Брюнет был без сознания. Ждали «Скорую помощь».

Старик управхоз озабоченно ходил от стены к стене. Он постоянно доставал из кармана маленькую табакерку, брал щепотку табаку и нюхал.

— Николай Иванович, можно позвонить? — попросил Стёпа, ворвавшись в штаб.

— Чего звонить? Не надо звонить... Всем уж позвонили.

— Миша раненый...

— Ещё новое дело... Ну, чего ты стоишь как столб! Звони скорей! — сердито заторопил он Стёпу.

Мальчик набрал номер...

Минут через пятнадцать пришла машина «Скорой помощи», но увезла она не Брюнета, помощь которому была уже не нужна, а Мишу. Тело атамана увезла другая машина.

* * *

На другой день Миша лежал в большой больничной палате и был совершенно доволен. Во-первых, вчера ему было сделано вливание крови и рану зашили, во-вторых, утром приезжал Бураков и привёз приятную записку от Ивана Васильевича.

Из разговора с Бураковым Миша узнал, что вражеская шайка арестована вся, кроме главаря. Тарантул сумел скрыться.

Кроме того, в разговоре выяснилось, что Миша получит удостоверение о боевом ранении, — значит, будет иметь право носить на правой стороне груди узенькую красную полосу.